

Annotation

Том вместе с семьей переезжает в сельский коттедж. Дом достался им по дешевке, не в последнюю очередь потому, что его предыдущий владелец совершил самоубийство. И никто не знает почему. Уже через несколько дней Том понимает, что, вдобавок к ремонту и плесени на стенах, ему придется столкнуться с еще одной проблемой: крайне неприятными и откровенно враждебными соседями, пожилой четой по фамилии Мут. Вскоре ссоры и мелкие дразги перерастают в нечто куда более зловещее. Том начинает подозревать, что пара сварливых стариков за забором повелевает неземными силами, темной магией, которая древнее странного леса вокруг. И теперь Тому придется сражаться не только за собственный рассудок, но и за жизнь своей семьи.

- [Адам Нэвилл](#)
 -
 - [Прежде начала](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)

- [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [Примечания к этой истории ужасов](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
-

Адам Нэвилл

Колдуны

*Безусловно, языческие божества существовали гораздо
дольше, чем мы полагаем...
Кто знает, не существуют ли они и по сей день?*

Вернон Ли. Дионея

Уиллу, Эшу и Элизе

Adam Nevill
CUNNING FOLK

Cunning Folk © Adam L. G. Nevill
© Мария Акимова, перевод, 2023
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Прежде начала

Одинокий мужчина неподвижно стоит в холле, его толстые ноги тонут в пыльных ботинках. Тусклый электрический свет освещает галактику эмульсионной краски, которая грубой штукатуркой отпечатывается на сером комбинезоне, туго обтягивающем бочкообразный живот. Словно перепачканные в муке пальцы слабеют под тяжестью инструментов, которые едва могут удержать. В полуживой ладони левой руки – молоток. В помертвевшей правой – небольшой топорик.

На скуле, под распахнутыми от ужаса глазами засыхает «слезинка» кремовой краски. Расширенные до предела зрачки вбирают зрелище того, что свисает с потолка.

Петли.

Под свежеекрашенным потолком холла, где оканчивается завязанный петлей электрический провод, стоит алюминиевая стремянка. Она разложена так, что напоминает эшафот. Свернутые белые чехлы от пыли образуют тропу от кухонной двери до лестницы.

К самодельной виселице.

Инструменты и разбросанный мусор – сухая штукатурка, обрезки дерева и язычки грязных обоев – устилают почерневшие от времени половицы. Одна половина холла девственно чиста и блистает свежей краской. Другая десятилетиями не слышала шороха кисти и не ощущала на себе обойного клея. Половинчатый дом. Настоящее и прошлое слились здесь воедино.

В удавку превращен белый электрический кабель для люстры, который мужчина *сам проложил накануне*. Только он не завязывал на конце петлю. И даже не знает, когда это произошло. Живет он один. Но чьи-то руки позаботились о том, чтобы шнур, предназначенный для освещения холла, послужил теперь для нагнетания мрачного ужаса. И вот в доме, который мужчина надеялся назвать своим, перед порогом с крест-накрест прибитыми досками висит петля и манит просунуть голову для примерки.

Желание отвести взгляд или закрыть глаза побеждает тот же импульс, который велел мужчине покинуть кухню, войти сюда и увидеть *это*. Одна нога просто следует за другой, пока осторожность и сдержанность не делают первые предупредительные выстрелы.

С нарастающим трудом мужчина шевелит губами, задавая вопрос то ли самому себе, то ли дому, то ли богам:

– Внутри? Как...

А затем, словно обращение к невидимым палачам, на кончике языка замирает простая, жалобная мольба:

– Пожалуйста.

В лихорадочных мыслях происходит короткая борьба, а затем тело мужчины напрягается. И, словно по льду, покрывшемуся паутиной трещин, он, запинаясь, движется вперед.

Грязная рука дергается, роняет молоток. Бам! Из другой руки выскальзывает рукоятка топорика. Бах! А ноги неумолимо, против собственного желания, шаркают по белой дорожке из льняных чехлов и несут вперед тяжелое тело.

Он неохотно идет к стремянке под петлей. Лицо у мужчины одутловатое и пурпурное из-за почек, он – узник, который отчаянно пытается освободиться. Его собственная воля связана ледяной веревкой, что затягивается все туже и тащит его вперед. К петле.

Мужчина против воли поднимается по металлическим ступеням. По всем трем, до самого верха.

Шух-скрип. Шух-скрип.

Не громче воздуха, который вырывается из ниппеля резиновой шины, он хрипит:

– Только не это... Я уйду... Обещаю.

Виселица стонет под его весом, когда мужчина принимает нужное положение на самодельном эшафоте. Руки, которые с тем же успехом могли бы принадлежать другому человеку, осторожно накидывают петлю на его шею. Заправляют узел под челюсть. Затем затягивают шнур вокруг покрытого щетиной горла.

Пока мужчина бессильно наблюдает, его первая нога вытягивается и висит в воздухе, протесты стремянки стихают, будто сами ступени затаили дыхание.

Одна его нога все еще стоит на твердой поверхности, а другая уже нет, и с тонких губ мужчины срывается всхлип. Первый ботинок выдвигается дальше, переносит весь вес на пустоту и тянет за собой левый ботинок, чтобы сделать самый последний шаг, на который могут рассчитывать его ноги.

Тихий шорох витого шнура нарушает тишину холла. Тонкая струйка штукатурки сахарной пудрой присыпает скальп висельника.

На светлой стене, которую он недавно мастерски покрасил, отплясывает джигу его тень. Стальные носки ботинок рассекают воздух, резиновые подошвы дергаются в пустоте. Затем нога делает полуоборот и выбивает лестницу. И пока мужчина крутится в удушающих путах из уплотненного водонепроницаемого кабеля, его налившееся кровью лицо оплывает. Остатками зрения – в глазах уже темнеет от давления крови, которая не может покинуть череп – он замечает, как от стены рядом с кухней отделяется белое пятно.

В пелене, застилающей взгляд повешенного, большая часть фигуры незваного гостя остается нечеткой. Однако можно разглядеть, что существо ступает по-птичьи и осматривается. Затем останавливается. По-девичьи тонкое, оно белеет в полутьме. Лишь голова темная. Потрепанная и с избытком зубов.

Существо стоит на одной ноге и указывает на повешенного.

Тот беззвучно дергает ботинками. Инерция разворачивает тело, пока мужчина вновь не оказывается лицом к порогу, недавно забаррикадированному от *этих*. С последней конвульсией по полу разлетается струя мочи, а тело снова начинает крутиться. Но на этот раз угасающий взгляд скользит лишь по голым стенам и пустой кухне. Там никого нет. Там вообще не на что смотреть, а затем свет в глазах гаснет.

Шесть месяцев спустя.

– Папа! Папа! Твоя очередь!

Том краем глаза видит бледную, излучающую нетерпение сферу – голову Грейси. За крошечными чертами лица дочери скрывается ум четырехлетней девочки, увлеченной игрой «Я – шпион». Отвлекающий маневр, который предприняла его жена, чтобы справиться с непоседливостью Грейси.

Сейчас очередь Тома. Опять. Вот что приходится делать, становясь папой. Принимать удар на себя. Но Том не может придумать ни одной подсказки, поскольку его голова занята другим. Жена и дочь сидят рядом с ним, но напоминают пассажиров на перроне, размытых длинным поездом стремительных мыслей. Внимание Тома разрывается между управлением незнакомым автомобилем, наблюдением за навигатором, чтобы не пропустить поворот к деревне, и шквалом воспоминаний. Воспоминаний, пронизанных воображаемыми катастрофами и радостными сценариями будущего его семьи в новом доме: все расцветает, несется, увядает, снова расцветает.

К тому же он не может объяснить Грейси свою рассеянность. Свои сомнения. Свою неспособность осознать громадность этого момента новой жизни, которая скоро начнется в их собственном доме. В их собственном доме. *Их. Доме.* Со времен детства Тома это слово не обладало подобной силой.

Сегодня Том не чувствует себя самим собой, ему кажется, что нужна новая личность, которая более соответствовала бы недавно приобретенному статусу домовладельца. Только он не знает, что требуется для этой роли.

Получив, наконец, ключи и документы на дом, он словно вышел из темной комнаты, черты и детали которой были смазаны его тревогой. Из комнаты, которую ему давно хотелось покинуть. Из взятого в аренду замкнутого пространства, принадлежавшего кому-то другому. Домовладельцу, который в любой момент мог велеть ему убираться или потребовать дополнительную плату за пребывание в этих унылых пределах. Однако беспокойное, нетерпеливое ожидание выхода не покидало его и сегодняшним утром, будто Том всего лишь вошел в другую такую же комнату, черты которой тоже скроет его тревога. И все сначала.

Конечно, со временем он приспособится. Но прямо сейчас звание домовладельца выглядит неуместно. И сравнения с другими судьбоносными событиями прошлого тут не годятся, но это все, на что он может опереться. Вот, например, встреча с Фионой, его женой, – он очень долго хотел ее издали, прежде чем начал ухаживать. А когда все-таки набрался смелости и пригласил на свидание, пришлось ждать, пока она свяжется с ним, и мучиться от призрачной боли в животе. А на первом свидании ее ладонь легла на его руку, и Том сразу понял, что теперь они вместе. Фиона проложила новый курс его жизни – куда замечательнее того, где он барахтался в одиночку.

Грейси. Чуду предшествовали два года тщетных попыток завести ребенка. Они почти сдались, но девять месяцев спустя у него на руках уютно лежала завернутая в белые полотенца малышка и впервые моргала затуманенными глазами. Том никогда до конца не верил, что однажды станет отцом.

Мечты сбываются. Горячее желание вознаграждается.

«Но это...»

Так или иначе, приобрести собственный дом и больше не снимать жилье у безразличных и бессовестных людей, живя в состоянии вечного компромисса и недовольства, было самым трудным из возможного. Из-за *денег*.

– Папа-а-а! Ну! Давай! Твоя очередь! Давай!

– А если я похожу? – примирительно спросила Фиона.

– Нет. Папина очередь!

Существует порядок вещей, правила. Многие из них неписанные, но все-таки есть. Это вам и четырехлетний ребенок скажет. И в существующем порядке вещей Тому не суждено было стать домовладельцем. То, через что пришлось ради этого пройти, состарило и вымотало его куда сильнее, чем он предполагал. Только для того, чтобы оказаться здесь, он сжег нервы, которые, возможно, уже не заменить.

Теперь же, с ключами в кармане – такими горячими и неудобно прижатыми к

бедру, – его мучает мысль о том, сколько нужно зарабатывать, чтобы заплатить рабочим; чтобы покрыть ремонт и улучшения, которые придется сделать своими руками; чтобы их дом стал пригодным для жилья. И Том подозревает, что в следующем году у него обуглятся еще больше предохранителей.

«Не все сразу, приятель. Мы в деле».

Том отвлекается от самого себя, чтобы сделать вялую попытку дать Грейси подсказку.

– То, что начинается на... – Ни малейшей идеи. Его взгляд рыщет за лобовым стеклом, за боковым. – Начинается на...

Грейси напрягается, охваченная страстным желанием угадать раньше мамы.

Мимо проплывают обширные, просторные сельскохозяйственные угодья. Но там мало что может послужить подсказкой, подходящей для его дочери. Трава. Забор. Корова. Дом. Дерево. Ворота. Дорога. Все это уже загадывалось и угадывалось. Больше ничего нет.

«Я здесь ни души не видел». Никто не показывается на унылых влажных полях, разделенных на участки проволочными ограждениями. Никто не трудится за пожухлыми остатками живой изгороди. В небе мало птиц, если не считать сбивчиво каркающих ворон. Что касается деревьев, то на возвышенностях растут лишь чахлые рощицы, подстриженные или разбитые на последние жалкие перелески. Лесам – сходящим на нет скелетам за колючей проволокой лагерей для военнопленных – предстоит освободить место для новых пустых полей. И цементных амбаров. Телеграфных столбов. Мусора в придорожных канавах. Сбитых животных на асфальте, размазанных и одновременно спрессованных. Разрушенной земли. Голой земли. Выкорчеванного, выскобленного кустарника. Уродства и излишней аккуратности. Пустоты. Даже индустриальности. Разрушения. Негде и нечему гнездиться, пускать корни, прятаться. Зелень, но завоеванная и опустошенная ближайшим поселением. Это долины с промышленными фермами на орбите города. Ледяное кольцо, окружающее почерневшую планету.

– Папа! Твой ход!

А затем они пересекают границу. К своей части земли.

Неясно, когда именно происходит переход от уныния к плодородию. Дорога «Б» сужается, и на некоторое время ее заслоняют дубовые ветви, отбрасывая тень в салон фургона. Затем трасса ныряет, сворачивает на запад. Поворот, крутой подъем, и окружающий мир меняется. Даже Грейси отвлекается на карусель теней и солнечного света на первозданной земле и лобовом стекле.

Здесь уже не равнина. Холмы ломают линию горизонта и расчерчивают землю плавными волнами. Вкрапления деревьев превращаются в самый настоящий лес, убегающий от опушки вдаль. В небе парит канюк. Потом появляется еще один. Пытаясь укрыться от них, хлопают крыльями лесные голуби. Тона меняются. Злаки скрывают расчесанную гигантами желтоватую землю. Случайные сенокосные луга окрашены в пастельные цвета. Живые изгороди густеют, топорщатся и наводят на мысль о мимолетной жизни, которая порхает и жужжит внутри. Внушающие покой вековые деревья суровыми часовыми дремлют по углам полей. Под крепкими ветвями бродят карамельные в шоколадных пятнах коровы. Над открывающимся видом полотнища пепельных туч распадаются на кучевые облака, пушистые, словно вата.

Различие между «там» и «здесь» поражает Тома. Так же было, когда он приезжал сюда для просмотра. Остатки его озабоченности убегают следом за тенью облаков, отступающей за крутой холм. И взгляните туда! Между ясенями торчит шпиль деревенской церкви, пронзая голубые небеса, вызывая в памяти освещенное свечами убранство, цитрусовый хмель, жареную свинину, прокопченные балки, сов, летучих мышей, прыгающих оленей, журчащие ручьи, зеленые дорожки, мельничные колеса, веревочные качели и колокольчики. Это, должно быть, деревня Эдрика^[1].

Практически другая страна, а Том – иммигрант, который смотрит на нее из-за перил большого белого корабля; его разум, словно огромный глаз, вбирает свет, выхватывает и лелеет сказочные детали.

– Вот мы и приехали, – устало произносит Фиона, прерывая задумчивость мужа. – Конец пути, ребята.

За грязным лобовым стеклом темнеет на узкой дорожке старое здание. Дом.

К Тому приближается бледное пятно личика Грейси, и она толкает отца в

плечо, возвращая его к своим потребностям.

- То, что начинается на «Д», - наконец говорит Том.

Грейси вздыхает, задерживает дыхание. Ее голова поворачивается.

- Деревья? Дыра!

- Дом с привидениями? - предлагает Фиона.

Покинув квартиру, которую они снимали восемь лет - единственное место, что Грейси называла своим домом, - Фиона мало разговаривала, если дело не касалось забот о дочери: где ей перекусить, чем ее развлечь, как отвлечь. Чтобы путешествовать с их малышкой дольше тридцати минут, требуются крепкие нервы, глубокое дыхание и короткие перерывы в одиночестве с закрытыми глазами. Но сейчас жена Тома улыбается. Вроде как.

Фургон замедляет ход. Том смеется.

- Дом!

Грейси возмущена.

- Ты не дал мне подсказок!

- Дурочки! - Том ведет фургон к подъездной дорожке, и перед ними открывается палисадник. Прямоугольник колючих сорняков и буйных трав с неухоженными бордюрами, который подпирает разбитый асфальт.

Крыша с пятнами патины и вкраплениями мха похожа на изъеденную молью шляпу на голове бродяги. Ее неровные очертания на фоне неба выглядят так, будто их начертил ребенок, у которого выскользнула из-под руки линейка. Конек крыши зазубрен, словно зубья старой пилы, а колонна до странности прочной дымовой трубы проедена ржавчиной.

Стены обоих этажей покрывает позеленевшая штукатурка, местами отпавшая, и сквозь дыры виднеется красноватая кирпичная мускулатура здания. Окна под слоем пыли кажутся безразличными к полуполуденному свету. Даже солнце не способно проникнуть сквозь стекла и разогнать вечную ночь внутри дома. Ощетинившаяся борода кустарников бешено тянется к солнцу, расступаясь лишь у крыльца.

Прямо перед капотом фургона, у обочины, где дорога изгибалась, прежде чем водопадом обрушиться с холма и умчаться к деревне, оказывается трейлер, его грязные задние панели портят Тому весь вид. Судя по состоянию автомобиля, он десятилетиями стоял на одном и том же месте. Но когда Том приезжал осмотреться и прицениться, этого старого трейлера здесь не было.

Ручной тормоз срабатывает как стартовый пистолет. Ремни безопасности отстегиваются. Фиона меняет позу и отводит руку Грейси, чтобы отсоединить ремень дочери от нижней части детского сиденья; малышка не может сама дотянуться до замка, но не оставляет попыток.

Но Фиона хотя бы улыбается. Тому приятно это видеть, даже если за ее улыбкой стоит лишь желание поддержать его и порадоваться за свою семью.

- Вот и ближайшие наши пятсот выходных, - говорит Фиона.

- А чем еще нам заниматься?

- Чем-нибудь веселым.

- Это будет весело. Переделывать дом. Создавать наше будущее.

Грейси - все еще в автокресле, но уже отстегнутая и нетерпеливая - поднимает своего игрушечного пингвина, чтобы показать ему дом.

Обнадеженный прекращением тряски Арчи, щенок спаниеля, оживает в своей корзинке, которая стоит в ногах. Его радость и энергия немедленно передается Грейси, щенок забирается на колени Фионы, будто хочет выглянуть наружу. Но затем переводит взгляд с одного пассажира фургона на другого, сясь понять окружающую его напряженность, но в то же время довольный тем, что его люди в хорошем расположении духа.

- Здесь жила ведьма? - спрашивает Грейси теперь, когда они с пингином Уоддлсом могут тщательнее рассмотреть дом.

Том ухмыляется.

- Мама, а что юридическая экспертиза говорит о ведьмах?

- Нам не хватило денег на отчет о доказательствах сверхъестественного.

Нахмурившись, Грейси переводит взгляд с папы на маму.

Фиона целует теплый висок дочери и зарывается носом в каштановые кудри.

- Нет, Грейси, милая. Сырость, прогнившие карнизы и фаски, проржавевшие стяжки стен. Поломанная сантехника и электрика. Замена котла и, возможно,

крыши. Для начала. Но ведьм здесь нет. Об этом месте не очень хорошо заботились, так что мы собираемся заново сделать его счастливым.

Грейси в восторге от идеи.

Том распахивает водительскую дверцу. Выскальзывает наружу, а Грейси прыгает в его объятия. Том целует дочь в лоб.

Предвкушая вернувшееся ощущение земли под ногами, она вырывается. Бежит то быстрее, то медленнее сквозь заросли перед домом, болтая со своим пингином и размахивая им над сорняками. Следом за Грейси вылезает Арчи и, отбивая дробь когтями, бросается в погоню за ней.

Фиона выходит из фургона последней. Укрывшись за распахнутой дверцей, она с вытянутым лицом смотрит на дом, будто один только его вид добавляет ей возраста. Том наблюдает за женой и за тем, как ее внимание сразу же переключается на гордые владения соседей: два этажа и безупречная крыша, которая возвышается над высокой живой изгородью, разделяющей палисадники двух домов.

Улыбка Фионы исчезает, и Том чувствует, что в какой-то степени теряет жену, это вызывает в нем тоску, похожую на боль в груди.

Он уже трижды видел дом соседей и завидовал им. Особняк без труда излучает идиллическое очарование английской деревни. Живое воплощение дома мечты. Сказочный коттедж прямо за их собственной неухоженной изгородью, свисающей до земли.

По ту сторону границы из зелени слышится четкий *щелк-щелк-щелк* стальных секаторов, хотя садовника не видно. Асфальт вдоль дороги темнеет от воды из разбрызгивателя, но никто не выходит поприветствовать Тома и его семью.

Во время первого визита Том забредал к соседям, чтобы представиться. И хотя чувствовал, что те дома, дверь ему никто не открыл. Возможно, соседи были на заднем дворе. Но Том помнит, как его поразил их палисадник: пышная красота одновременно притягивала и отпугивала. Том почувствовал себя замызганным и неловким, словно вдруг оказался в месте, которому не принадлежал, среди людей иного сорта, одетый в неподходящий наряд. И он попятился прочь, радуясь тому, что соседи не открыли дверь с этим ее трубным звоном.

Грейси приостанавливает свое гарцевание, указывает игрушечным пингином в сторону дома соседей.

– Мы должны жить там.

Фиона подавляет смешок.

Пораженный на миг бесхитростным комментарием четырехлетнего ребенка и не в силах скрыть обиду в глазах, Том заставляет себя улыбнуться. А дочь подхватывает эту улыбку. Он подмигивает и игриво грозит ей пальцем.

– Эй! Как только я закончу с нашим домом, он будет...

– Лучше, чем у них? Таким же хорошим?

– Лучше, чем у них.

Том достает свой смартфон.

– Давайте. Селфи. Сделаем одно до и одно после, как только приведем это место в порядок.

Фиона поднимает бровь.

– Надеюсь, на втором фото у Грейси будут не седые волосы.

Они с Томом все еще смеются, когда в них врзается дочка.

Том настраивает телефон.

– На счет «три» – прощайте, денежки. Готовы? Хорошо. Один. Два. Три...

Хором, как одна семья, они кричат:

– Прощайте, денежки-и-и!

Чтобы добраться до покосившегося крыльца, скрывающего входную дверь, Фиона и Грейси высвобождаются из объятий Тома и обходят заросли сорняков, которые проросли на утопанной дорожке.

Том задерживается на месте из-за приглушенных голосов за их неряшливой изгородью. Он не может расслышать, о чем идет речь, поэтому бочком пробирается к узкой улочке – древней тропе, которую веками распахивали лошади и повозки, пока ею не завладели шуршащие по асфальту шины.

Среди пятен света и теней от нависающих ветвей деревьев они будут ходить по этой красивой дороге вместе, как семья. Прогуляются в деревню. Хотя там уже нет ни магазина, ни паба, деревенские коттеджи и палисадники все так же красивы.

Как и ряд таунхаусов, расположенных дальше по склону, ведущему в деревню. Их дом – последнее здание, стоящее особняком на окраине. И единственное в таком плачевном состоянии.

Внимание Тома переключается на останки старого трейлера, притулившегося на обочине. В полумраке древесных крон обветшала обшивка кажется болотисто-зеленой. Дешевые оранжевые занавески на окнах заплесневели от конденсата. Открытые металлические части усеяны пятнами ржавчины. Развалина, бельмо на глазу. Должно быть, трейлер принадлежит соседям.

– Фу! Вы это видели? Раньше его здесь не было.

Том надеется, что его голос услышат, и это побудит садовников за изгородью дать объяснение. Но никто не появляется, терпеливое *щелк-щелк* секатора не замолкает, словно пассивно отрицает присутствие Тома. Он делает еще один шаг в сторону соседнего участка, не зная, представиться ли ему первым или просто потребовать объяснения, почему здесь стоит трейлер.

Его отвлекает скрип двери.

– Папа! Папа! Гляди!

Арчи без передышки лает и, похоже, не готов идти внутрь с девочками. Но в промежутках между тьяканьем щенка Том совершенно точно слышит резкий вздох за изгородью. Эдакий резкий вздох возмущения.

Точно робкие гости, неуверенно переступившие порог незнакомого дома, Том и Фиона замирают у входной двери. И сразу же из глубины на них налетает дыхание старого дома, извергающего миазмы гниющих внутренностей. Потемневшего от сырости дерева и размякшей от влаги штукатурки. Химического и сладковатого аромата краски. Щекочущей нос остроты серой пыли. Персиково-аммиачного запаха мочи животного, вероятно кошки. Резкой вони сточных вод, которая то появляется, то неуловимо исчезает. И избытка уличных ароматов – холодных, компостных, осенних. Последних призраков, покидающих пустые здания.

Том и Фиона обмениваются тревожными взглядами, когда видят над головами длинный белый кабель с пустым электрическим патроном.

Фиона дотрагивается до горла, сглатывает, переминается прямо под светильником.

– Интересно, сможем ли мы когда-нибудь прийти. Домой. И не думать о...

Том морщится.

– У нас будет отличный свет.

– Да. Он отвлечет нас от этого.

Самоубийство предыдущего владельца сказалось на Фионе сильнее, чем на ее муже. Грейси об этих событиях не знала и никогда не узнает.

Примириться с историей дома всегда нелегко, но отодвинуть трагедию бывшего владельца на задний план, пока длится изнурительный процесс покупки недвижимости, оказалось просто. Том даже не обдумывал до конца, как будет чувствовать себя, вступив во владение домом, прежний хозяин которого повесился в холле. Но от внезапной и вынужденной близости с тем самым местом, где перестало биться сердце незнакомого человека, у него перехватывает дыхание.

– Это сбilo цену по меньшей мере на двадцать штук, – замечает Том, но мягче, чем собирался, из-за чего его голос звучит нерешительно. – Вот о чем нужно помнить. Взамен того.

Фиона смотрит на Тома так, словно не может поверить своим ушам, затем усмехается и шлепает его по руке.

– То, что рядом нет школы, а крыша напоминает решето, тоже помогло. Не могу поверить, что позволила уговорить себя на все это.

Том улыбается.

– О чем. Я. Только. Думал?

Внезапно они начинают хохотать, словно дети перед лицом чего-то ужасного и одновременно немного абсурдного. Фиона прижимается ему под мышку. Виноватое хихиканье стихает, они целуются, затем поворачиваются, чтобы заглянуть за виселицу из обыкновенного светильника.

Зияет темный провал из голых половиц и простых стен, вид которого накрывает холодной тенью. Тому кажется, что стены поддерживают тяжелый предмет, который нужно поднять и унести подальше.

Ноги Грейси шаркают и стучат по гулкому дереву, пока она взволнованно топает по длинному коридору.

– Старая комната! Новая комната!

Рядом с ними проникновенная гладкость бледно-кремового и восстановленные плитусы говорят о намерениях предыдущего хозяина. За свое недолгое владение домом их предшественник попытался стереть былые эпохи, но так и не продвинулся далеко, успев лишь оштукатурить и покрасить лестничный пролет, площадку первого этажа, гостиную в задней части дома и половину коридора. Инструменты были заброшены, когда он шагнул со стремянки.

– Дом из половинок, – бормочет Фиона.

– Старая комната. Старая комната, – объявляет Грейси.

Многие эпизоды долгой жизни дома по-прежнему цепляются за его тусклую оболочку. Обои с рисунком из оранжевых и коричневых квадратов – дизайн, близкий по своей смелости к психоделическому – на стенах гостиной, расположенной рядом с передней. Том заглядывает туда, смотрит на потертый плитус, густо окрашенный в цвет ванильного мороженого; деревянная отделка покрыта черной копотью, будто рожок уронили в грязь. Выключатель из матового

стекла напоминает масленку. Кухня, ванная комната и спальни наверху не более привлекательны.

Все, на что Том бросает взгляд, вызывает водоворот мыслей, разум навязчиво перечисляет то, что придется ремонтировать своими руками, одновременно подыскивая приработок, который таинственным образом иссяк в тот момент, когда они внесли депозит – накопления всей жизни, ни больше ни меньше. Чтобы поднять себе настроение, Том представляет, как укладывает линолеум на эти голые полы, отделывает оставшуюся половину первого этажа и все спальни, кладет плитку в ванной. То, на что он определенно способен. С поднимающейся снизу вверх сыростью на некоторых стенах первого этажа тоже придется бороться, пользуясь знаниями, которые он почерпнул на YouTube. Том считает, что справится.

Заветных денег, которые мама Фионы подарила им на новоселье – несколько больше, чем, как они думали, ей удалось припрятать, – хватит лишь заплатить сантехнику за установку нового бойлера и замену труб на кухне и в ванной. Они издадут звуки сажающейся на мель подлодки.

Кредит на обустройство дома, взятый в банке, где работает Фиона, должен покрыть ремонт крыши или замену электрического щитка и проводки. Новым окнам придется дожидаться, когда на них появятся средства. Когда у Тома снова будет работа.

Чтобы оставаться на плаву, держать нос и рот над беспокойной поверхностью самых глубоких и ненадежных вод, в которых он когда-либо бултыхался – непосильная ипотека на дом, в котором нужно все, – следует сосредотачиваться на одной задаче зараз. Сначала одна комната, потом другая. Или рискуешь утонуть. Том это понимает и повторяет данный факт про себя снова и снова. Все первое время.

– Предстоит несколько долгих дней. Почти доволен тем, что затихли дела с фрилансом.

Фиона кивает в знак согласия, но отводит взгляд, обеспокоенная призраком денег, утекающей струйки единственного дохода. Она отходит и, стоя к Тому спиной, заполняет собой весь зев кухни.

– Можно понять, где у него кончились деньги. Или где он сдался. – Она морщится, поворачивается к мужу. – Думаешь, он... это было из-за денег?

Они обмениваются взглядами. Том предупреждающе приподнимает бровь. Фиона возвращает это выражение точно вызов, поскольку ей не по нутру предупреждение о том, что Грейси может подслушать плохие вещи о доме. Вряд ли Фиона из тех, кто позволит вырваться чему-то подобному.

Дочка с грохотом вылетает из гостиной.

– Я иду в свою комнату. Давай, Уоддлс. Я покажу, где ты будешь спать.

Она уносится по коридору, выбивая облачка пыли из-под половиц.

– Осторожнее, малышка, – говорит Том. – Не хочу никаких неприятных случайностей.

Грейси карабкается вверх по лестнице, ее маленькие ножки – поршни, колени высоко поднимаются и толкают вверх ее тело. В руке болтается Уоддлс, игрушечный пингвин. Другой постоянный спутник дочери, Арчи, догоняет на лестнице.

Том улыбается.

– По крайней мере, Грейси видит потенциал.

Фиона фыркает.

– Грейси была бы счастлива жить и в том развалившемся трейлере, если бы папа назвал его замком.

При мысли о трейлере перед домом сырая атмосфера дома снова вторгается в мысли Тома, и лишь топот Грейси наверху возвращает его взгляд к потолку. Тихий голосок малышки доносится до них, приглушенный каменной кладкой и деревом, но волнение в нем не ослабевает.

– Тут мы принимаем ванну.

Фиона вновь появляется рядом с Томом. Они сжимают друг друга в объятиях. Глядят в глаза, соприкасаются лбами.

– Мы сможем это сделать, Фи.

– Если ничего не сорвется.

Через открытое окно доносится звук мощного автомобильного мотора. Затем следует довольный хлопок двери и два приглушенных голоса.

Том слишком занят, чтобы с этим разбираться, – он обдумывает, за какую комнату взяться первой. Это будет комната Грейси. В передней части дома, на втором этаже, с видом на аллею с колоннадой из деревьев. Там придется приложить все силы. Они понадобятся, поскольку эта комната – мрачное пространство, которое не менялось с семидесятых годов. Каморка, в которой легко вообразить ее бывшего обитателя – пожилого мужчину, сосредоточенного на угрюмом бдении и ежащегося от самокруток. Тому даже чудится запах табака.

Между долгими периодами запустения ни один из пятерых предыдущих владельцев не отделял спальни. Возможно, потому что никто не задерживался здесь достаточно долго. От этой мысли разум Тома омрачается страхом, окрашенным в тот же тон, что и занавески. Может, есть глубокая и серьезная причина, по которой этот дом никому не нравился, и она прямо перед носом. И словно воспоминание, мелькающее на краю памяти, эта причина скоро и внезапно проявится.

«Нет. Хватит».

Теперь в этом доме изменится все. И в первую очередь эта комната: ее цвет, обстановка, сам характер и дух. С игрушками и стенами оттенка розового мороженого – любимого у Грейси уже три года – его дочь смягчит и оживит это место.

Пышное одеяло на белой постели. Кукольный домик вон там. Книжный шкаф здесь, в ногах кровати. Свет ночника. Место, которое будет ассоциироваться у дочки с уютом. Где будут сочиняться воображаемые миры для игрушечных медведей и кукол. Эта комната станет сценой в театре будущих игр, куда захотят прийти ее друзья.

Его маленькая Грейси будет здесь расти, становиться выше и умнее, игрушки и плакаты будут меняться вместе с ее интересами. Но комната навсегда останется убежищем, в котором Грейси будет мечтать, думать и отдыхать; убежищем для его крохи, его малышки, его девочки-подростка, а возможно, и молодой девушки. Тому хочется сделать эту комнату особенной больше, чем любую другую в доме. Помимо того, что он должен зарабатывать, контролировать, обеспечивать, представлять собой и делать в свои годы, ему хочется знать, что Грейси в безопасности, здорова и счастлива. Эта комната станет памятником тому, как сильно ее любят и берегут. Преображение их дома начнется здесь.

Голоса снаружи становятся тише, но их тон делается жестче, будто разговор перешел на серьезный лад. Хотя слов не разобрать, Тому кажется, что происходит торжественный обмен новостями. Он придвигается к окну, скрип половиц приглушает ковер цвета бычьей крови, припорошенный пылью и вымазанный паутиной, при этом болезненно влажный. Том выглядывает в окно, почти непрозрачное от копоти.

Вид отсюда снова дразнит его мыслью о том, что не могут существовать два более непохожих палисадника. И облака, кажется, разошлись исключительно над остроконечной крышей соседей, даже солнечный свет благословляет их сад, но не дотягивается до заросшей, неопрятной лужайки Тома. Стороны и края живой изгороди со стороны соседей настолько аккуратны и правильны, будто ее выкладывал каменщик. Виднеется лишь проблеск лужайки – кусочек зеленого сукна среди радуги цветов, собранных, словно декоративные фигурки солдатиков, на крайне прагматично упорядоченных полосах клумб. От взрыва цвета у Тома даже слезятся глаза. А неистовый танец пчел и бабочек вызывает головокружение. Но за этими яркими клубами ему удастся заметить двух женщин в начале пустой подъездной дорожки соседей.

Женщина постарше, должно быть, лучшая половина семейной пары, живущей в соседнем доме, – небольшого роста, в свободной рубашке с подвернутыми до локтей рукавами. Мешковатые серые брюки закатаны и открывают костлявые лодыжки. Старая одежда для работы в саду, которая, по-видимому, когда-то принадлежала мужчине.

Женщина стоит к Тому спиной, он видит ее худое тело и узкие бедра. Ни грамма лишнего веса, крошечная фигурка держится ровно благодаря на зависть прямому позвоночнику. Тонкие мускулистые руки заканчиваются садовыми перчатками. Только форма окрашенной хной стрижки-«боб», которая венчает миниатюрную соседку, кажется Тому странной, хотя с такого расстояния да еще и через грязное оконное стекло он не может определить почему.

Осанка женщины тоже кажется решительной, с намеком на гордое противостояние, будто соседка неодобрительно смотрит на свою гораздо более высокую собеседницу. Гостью, которая припарковала свой черный «мерседес» в начале подъездной дорожки Тома. Она не оставила машину на улице, поскольку весь участок перед домом соседей занимает грязный трейлер. Может, из-за того, что их новый дом так долго пустовал, посетители соседнего привыкли парковаться на его подъездной дорожке? Хотя, конечно, этой гостье прекрасно видно, что теперь там стоит фургон, который она заблокировала.

Внимание Тома переключается на водительницу «мерседеса». Как и палисадники, его соседка и вторая женщина тоже не могли бы быть более непохожими друг на друга.

Посетительница представляет собой аккуратность и шик в черно-белой гамме. Ее официальный наряд – символ бизнеса и денег. Чего-то связанного с банком или законом, предполагает Том. Собранные в пучок на узком затылке волосы цвета воронова крыла переливаются. Фигура стройная и костлявая, силуэт резко очерчивает вторая кожа сшитого на заказ костюма. Ниже края юбки-карандаша блестят чулки, из-за чего стройные икры кажутся влажными. Та же особенность распространяется и на ее лакированные туфли-лодочки.

Когда обмен репликами между женщинами становится более интенсивным, а расстояние между их лицами сокращается, Том наклоняется вперед. «Шпионит», – сказала бы мать, увидев его в нескольких сантиметрах от окна.

Соседка протягивает женщине в черном пластиковый пакет, и внешняя почтительность посетительницы внезапно тает, сменяясь волнением, которое она не может сдерживать. Несмотря на профессиональную выправку, ею овладевает неподобающее рвение, а также скрытность, которая побуждает схватить сумку.

Когда предмет переходит из рук в руки – от садовой перчатки к алебастровым пальцам с ногтями, выкрашенными в бордовый цвет, – кажется, что посетительница в костюме вот-вот зальется слезами радости. Она даже пожимает грязную перчатку пожилой женщины, чтобы выразить свою благодарность. А та, если Том не ошибается, протягивает руку по-королевски.

Посетительница опускает ладонь в изящную сумочку, которая свисает с ее угловатого плеча. Достает оттуда белый конверт и протягивает его пожилой женщине.

Из-за того, что следует дальше, по голове Тома пробегает жаркая волна. Чувство сродни тому, когда случайно становишься свидетелем эротической сцены между незнакомцами.

Элегантная посетительница сгибается в талии и целует тыльную сторону перчатки пожилой соседки, прижимаясь алыми губами к грязной ткани. И не спешит разорвать связь своих блестящих губ с грубым материалом, в котором недавно рыли землю.

Затем посетительница, скрестив лодыжки, делает медленный, почтительный реверанс, будто перед королевой после оказанной чести.

Соседка отвечает на демонстрацию такого подвообрастия лишь усталым и, возможно, пренебрежительным кивком.

Затем женщина в костюме отступает и, покачиваясь, проходит мимо дома Тома к своему «мерседесу», она двигается скованно, словно боится уронить что-то драгоценное или хрупкое.

Нахмурившись, Том еще сильнее наклоняется вперед. Когда его лоб ударяется о стекло, пожилая соседка стремительно оборачивается.

Моргая от неожиданного удара, Том видит сморщенное, но свирепое лицо старухи со вздернутым подбородком. С вызовом вздернутым, если он не ошибается.

Не успев это обдумать, Том опускается на корточки, на его лице пылает смущение шпиона, застигнутого на месте преступления. Он испытывает не только стыд, его передергивает от дурного предчувствия. Даже страха, который Том не может объяснить.

«Достаточно, чтобы заставить любого превзойти самого себя».

Еще одна неказистая, устаревшая комната с гнетущей атмосферой. Грязные окна пропускают свет, окрашивая его в оттенок олова. В лучах солнца резвятся рои пыли. Фиона с презрением оборачивается и снова, словно не веря собственным глазам, осматривает место, которое должно стать их спальней. Пустое пространство, запертое между выцветшими желтыми обоями, с выступами, которые исчезают в темноте по четырем углам высокого потолка.

Вдали, в глубине сада, виднеется размытая путаница верхушек деревьев. Лес – одна из причин, по которым Том так стремился заполучить этот дом: ради жизни среди того, что обогатит детство Грейси, среди чар, созданных самой природой. Фионе хочется хохотать в голос.

Из глубины дома приглушенно доносится скрежет дрели по штукатурке. Том все еще в будущей спальне Грейси, расположенной в передней части дома. Он хочет сначала устроить их дочь. Фиона не возражает. А в паузах, когда дрель замолкает, краем уха прислушивается к дочке и пластиковым колесам ее игрушечной коляски, которую Грейси гоняет по пустому холлу вниз. Малышка по-прежнему не устала от своей беготни.

Но вскоре внимание Фионы возвращается к бесконечным задвижкам, которыми когда-то запирали изнутри дверь спальни. Любопытно, это делал предыдущий владелец или кто-то до него? Возможно, пожилая женщина, которая панически боялась грабителей?

Кожа на голых руках и ногах Фионы покрывается мурашками. В поисках тепла она переходит к окну, где есть батарея и намек на солнечный свет. Бросает стопку постельного белья на самый чистый участок древнего ковра, который может разглядеть под ногами.

Пустые отверстия от шурупов в растрескавшейся деревянной раме говорят о том, что раньше окно было забито изнутри. На полу лежат две доски. Агент по недвижимости оторвал их. У предыдущего владельца дома не было семьи. Фиона и Том купили это здание с незаконченным ремонтом у банка через аукцион. Повезло, что дом достался именно им.

Фиона прикасается к торчащему из штукатурки дюбелю.

– Бедный мерзавец.

И в этот самый момент волна усталости захлестывает и замедляет ее, размягчая конечности, но добавляя веса костям. Фионе хочется сесть и уставиться в пространство. Навязчивое желание, которое почти не покидало ее с тех пор, как они вошли в парадную дверь.

Несмотря на то что Том скоро все здесь отделает и настелет новый пол, ей нужно временно превратить это место в пригодное для жизни, чтобы им было где спать. Но теперь даже такой пустяк выглядит слишком большой тратой сил. Фиона вздыхает и хочет на что-нибудь опереться, чтобы собраться с мыслями. Она кладет руки на грязный подоконник. Покалывание и хруст под ладонями кажется канонадой крошечных взрывов. Одного взгляда достаточно, чтобы увидеть на подоконнике легион засушенных мух и мотыльков. Они заставляют подумать о пауках, которые превратили в пыль такое количество насекомых.

Фиона отряхивает с ладоней грязь и отколупывает с кожи маленькую черную лапку. И тут ее взгляд привлекают сочная цветочная палитра и яркий золотистый свет, который льется через покосившуюся ограду из сада соседей.

Маленькие аккуратные деревца по другую сторону кое-где удерживают панели забора, а кое-где опрокидывают их на землю. Сквозь верхушки видно марево из бабочек и пчел, которые лихорадочно кружат над цветочными клумбами и окруженными камнями островками пампасных трав, диких злаков и кустарников, отяжелевших от царственных пурпурных, сочных желтых и алых соцветий.

Взгляд Фионы скользит по прекрасному саду до того места, где пышная ухоженная трава натывается на стену густого леса, которым оканчиваются оба участка. Возле линии деревьев ее внимание привлекает одна особенность – окаймленный блестящим тростником круглый пруд, его поверхность напоминает черное зеркало. Над обсидиановой водой возвышается небольшая каменная статуя.

Фиона наклоняется вперед, прищуривается, чтобы лучше разглядеть позеленевшее каменное украшение соседского сада. Это фигурка ухмыляющегося чертика с длинными ушами и ногами олененка. Он стоит на одной ноге и играет на деревянной свирели.

И тут мечтательный взгляд Фионы разбивается о два внезапно материализовавшихся белых пятна. Те превращаются в пару лиц. Соседи.

Они стоят, прямые как палки, и пристально смотрят на Фиону. Соседи просто возникли посреди своего сада. Без предупреждения, будто туземцы в южноамериканских джунглях.

Соседи стоят по обе стороны круглого валуна, с которого в небо стремится огромный папоротник, и смотрят на Фиону. Мужчина, словно обрадованный тем, что поймал ее за подглядыванием, ухмыляется. Покрасневшая от сдерживаемой ярости женщина, похоже, возмущена тем, что та осмелилась хотя бы взгляд бросить на их безупречный участок.

Смутившись, Фиона торопливо отворачивается и переключает внимание на собственный сад: темный, заросший, бесформенный, обделенный птицами и бабочками. Он выглядит проклятым.

В поле зрения появляется Грейси. Маленький Арчи, резвясь, бежит за ней по пятам. Щенок в восторге от ароматов, которые накапливаются среди неухоженной травы и непослушных кустов. Выбрав место, он принимается копать. Фиона прежде не видела, чтобы Арчи так делал.

Соседи продолжают пристально глядеть на нее. Краем глаза Фиона по-прежнему видит овалы двух костлявых лиц. Подбородок соседки теперь вскинут с вызовом, обращенным к окну, за которым пытается спрятаться Фиона. Ей хочется понаблюдать за Грейси и Арчи, но пялящиеся соседи – это совершенно невыносимо. Она разворачивается и отступает в сумрак.

Том не заходит дальше порога главной спальни. Облокотившись о дверной косяк, он смахивает с рук опилки, которые усеивают и его обнаженные предплечья, и джинсы.

Том обнаруживает жену сидящей на пластиковом ящике для вещей с краю от того места, где сероватый свет с заметной неохотой проникает в дом. Фиона промокает глаза салфеткой. Вокруг нее, точно брошенные беженцами пожитки, лежат скомканное постельное белье и занавески. Фиона не принесла в дом ни один из чемоданов.

Том постепенно осознает, что жена долго сидела тут одна в тишине, пока он крепил карнизы для штор в комнате Грейси, а затем и в гостиной на первом этаже. Он догадывается, что Фиона перестала плакать, лишь услышав его шаги. Она здесь уже целую вечность, но, похоже, даже не пыталась сделать эту комнату уютнее. Тома это удивляет.

- Слезы радости оттого, что мы оказались в нашем первом доме? Или это отчаяние?

- Нечто среднее.

Том бочком входит. Садится на голый пол рядом с Фионой. Кладет руку ей на колено.

- Эй.

Фиона накрывает его руку обеими ладонями.

- Просто нашло. - Она с тоской смотрит на усеянное пятнами окно.

Том мрачно оглядывает потолок. Раздраженно пожимает плечами.

- Я понимаю. Правда, понимаю. Жуть. Вот мы здесь, а я чувствую себя измотанным. Но он станет настоящим домом. Возможно, впервые в своей жизни.

- Он кажется совсем другим, чем когда мы его рассматривали. Куда хуже.

- Я сделаю все, чтобы вам с Грейси было хорошо. Обещаю.

- Я знаю. Ты постарайся, чтобы все получилось. Но сюда вложено и то, что у нас было, и даже то, чего у нас не было, приятель. Думаю, это просто задело меня за живое и взяло верх. Дом в таком состоянии. Такой... усталый. Разбитый. Несчастный. Никто никогда не жил здесь долго.

Том смотрит на пол у себя под ногами.

- То, что случилось. Это в прошлом. И к нам не имеет никакого отношения. Парень был в депрессии.

Фиона предупреждающе поднимает руку. Не нужно. Не сейчас.

Том меняет тактику.

- Ради этого мы сэкономили каждый пенни. Десять лет, Фи. Две старые машины и один-единственный отпуск в Аберистуите. Мы заслужили лучшую жизнь.

Фиона скорее наваливается, чем опирается на его плечо. Он безумный проповедник, который привел свою паству в зеленую пустыню. Пути назад нет. Решение принято, он заставил их переступить черту в те сумасшедшие месяцы, когда они, охваченные волнением и усталостью, обходили вместе с бесконечными агентами тесные квартирки и бывшие муниципальные владения с похожими на заросли газонами. С их бюджетом едва можно было побороться за полузаброшенные кварталы в советском стиле, окружавшие лишенный зелени центр города.

- Жизнь на природе. Почему она не для нас? Я могу себе ее представить. И сделаю так, чтобы это сбылось.

Область поисков расширилась, что вызывало лишь большую досаду: дома теснились вдоль неряшливых обочин кольцевых дорог. И каждый оказывался компромиссом между тем, чего они хотели, и тем, что было им необходимо. Пока Том ехал от одного унылого варианта, который они могли себе позволить, до другого, расположенного в границах их скудных возможностей, его воображение неизбежно рисовало жизнь Грейси в этих местах. Детство, проведенное в тесных двориках между покосившимися рейками заборов. Путь в школу по улицам, напоминавшим забитые пазухи, со всеми этими припаркованными вдоль бордюров машинами. Прогулки вдоль заросших лужаек или игры в невзрачных парках под его постоянное: «Осторожно, там собачье дерьмо». Бесконечные мостовые,

светофоры и металлические заборы между супермаркетами, складами и промзонами. Грейси дышала бы воздухом, похожим на тот, что окружает нефтеперерабатывающий завод. У малышки уже астма. И виной тому, они не сомневались, частицы дизельного топлива.

А потом, их собственные жизни. Сломанные и серые. Его и Фионы. Вверх и вниз по врачам. Грейси вырастет и уйдет, так и не узнав ничего лучше того немногого, что они ей дали. И ожидая от самой себя в их возрасте лишь то же самое. Том вообразил все это, и перспектива подобного будущего расколола его ребра и закалила сердце.

Фиона шмыгает носом, тянется к простыням.

- Теперь я чувствую себя глупо. Не знаю, что случилось. Просто почувствовала себя... подавленной. Я неблагодарная?

Скрипит половица. Том и Фиона оборачиваются к дверному проему, там стоит Грейси с таким же вытянувшимся, как у мамы, лицом.

- Этот дом плохой, мамочка?

Фиона заставляет себя улыбнуться. Том машет дочери, чтобы та заходила. Грейси без лишних подсказок бросается в объятия отца. Она задыхается от слез, которые вот-вот вырвутся наружу.

- Маме больно?

- Давай сюда. Сэндвич с папой.

Фиона наклоняется и обхватывает Грейси руками с другой стороны. Страдание их дочери немедленно смягчается до жалости к себе, которой она хочет дать волю.

Том обращается к обеим своим девочкам.

- Мы должны относиться к этому как к великому приключению. Сначала оно немного пугает. Нужно время, чтобы приспособиться, потому что мы очень долго жили в клетке для кроликов.

- Там не было никаких кроликов!

- А вот и были. Ты! - Том щекочет Грейси, а она визжит и смеется.

Фиона улыбается, в ее глазах слезы, но взгляд полон любви к мужу и дочке.

- И знаешь что? - добавляет Том. - У этого дома есть свой лес. Полный кроликов.

Он крепко целует Грейси в лоб, в каждую из щек, в макушку. Малышка извивается у него на коленях.

- Твоя борода колется!

- Пойдем. - Том помогает Грейси подняться на ноги и осторожно отряхивает с нее пыль. - Принесем хотя бы один матрас, иначе нам сегодня придется спать в фургоне.

Первая ночь в собственном доме, а все трое, словно беженцы во временном приюте, ютятся в одной комнате. Грейси укладывается на надувной матрас рядом с двуспальной кроватью, но долго там не задержится. Даже в такой близости она все еще слишком далеко от мамы с папой, и, когда Том проснется, между ним и Фионой будут раскинутые руки и ноги их дочери.

В тот вечер он едва не умер, пока тащил матрас по винтовой лестнице. И снова повредил плечо и шею.

А теперь, когда усталые голоса перестали перешептываться, словно в библиотеке, начинают заявлять о себе разные части темного дома. Это все равно что находиться под палубой старого парусника. Даже Тому эти звуки кажутся таинственными. Если бы он не знал наверняка, то решил бы, что внизу раздаются шаги, а за одним из перекрытий кто-то скребется. Ему кажется, что на кухне стонет некая поверхность, словно принимая на себя вес усевшегося на нее существа.

Между этими загадочными нарушениями покоя повисает тишина, настолько глубокая, что Тому чудится, будто дом расплзается во все стороны бесконечными комнатами, коридорами и помещениями, которые они еще не нашли. Но, по крайней мере, это отвлекает его от навязчивой карусели мыслей: куда отправить резюме, какой контакт использовать, какую стену зашкурить первой. Все это вертится и вертится в голове. Том подозревает, что заботы оставили самую настоящую колею в его мозгах.

Он думает, что Грейси спит. Она давно затихла.

* * *

Том не может это знать, но разум его дочери как никогда активен.

Грейси попала в странное, светлое место. Она стоит с Арчи на поросшем травой холмике, который кольцом окружают черные деревья.

Вокруг холма, прямо под узловатыми ступнями огромных стволов, против часовой стрелки кружат на слабых лапах серые зайцы с лицами стариков.

Зверьки всё появляются и появляются из каменной дверцы в холме, переговариваются голосами няни и дедушки, а затем начинают свое кружение. Их язык незнаком Грейси, но она, сама не зная как, понимает его. И ей не нравится, что зайцы смотрят на Арчи злыми, выцветшими глазами.

С вершины зеленого и круглого, точно иглу, холма Грейси ищет взглядом маму и видит за верхушками деревьев их новый дом. А в окне верхнего этажа большим красным ртом смеется мама. Потом она становится совсем расплывчатой и повязывает что-то себе на шею.

* * *

Дыхание Фионы сбивается, она что-то бормочет. Ее тело абсолютно неподвижно и кажется чуть сдувшимся. Том всегда засыпает первым, но теперь он остается единственным в доме, кто бодрствует, и чувствует себя ужасно одиноким.

* * *

Фиона у черного пруда, она красит губы кроваво-красной помадой и смотрит на свое отражение в воде. Ее лицо, за исключением рта, расплывается.

Она не одна. Но не может разглядеть тех, кто ползает на четвереньках за окаямляющими воду кустарниками. Раздается смех. Смеются над ней. Это люди. Их двое, и они передвигаются точно животные.

- Принесло еще больше чертовой дряни, - объявляет женщина.

Фиона поднимает руки и затягивает на своем горле веревку.

- Где же мне это сделать? - спрашивает она. - Там?

Соседний дом настолько идеален, что кажется миражом: увитая плющом красная кирпичная кладка, с водосточных желобов свисают розовые глицинии, белые деревянные панели сверкают, будто идеальные зубы в злорадной улыбке.

Фиона не может ничего разглядеть внутри здания. Оконные стекла ослепляют. Однако из симпатичного домика просачивается удушливый запах мышиной мочи и сырого дерева, опилок и газа. Фиона смотрит на головки колокольчиков, обступивших ее ноги, пока глаза не пронзает боль от их цвета.

Ее не должно быть здесь. Она не в том саду и пытается встать, услышав за оградой плач Грейси.

Но Грейси вовсе не в соседнем саду, а под водой перед Фионой. Глаза дочери закрыты, губы шевелятся. Ее волосы колышутся, словно трава, а затем и становятся травой.

Ноги Фионы будто набиты мокрым песком, с тем же успехом она могла бы сидеть в инвалидном кресле. Даже наклоняться вперед становится трудно, а вскоре она перестает дышать, потому что петля на ее шее снова затягивается.

* * *

Том даже не уверен, что проснулся, когда Фиона произносит:

- Я была не в том саду.

Рядом с ним на кровати виден ее силуэт. Она смотрит на дочку, которая только что забралась к ним в постель.

Грейси плачет, и Тому кажется, что она говорит:

- А кролики плохо с ним обращаются. Большая крольчиха в черном платье пришла в дом, поймала папин хвост в капкан, а папа плачет и не может выбраться...

Том проспал не больше нескольких секунд. Но погрузился в сон так глубоко, что страх смерти немедленно заставил его проснуться. Приходит воспоминание из прерванного видения: его преследовало по первому этажу дома нечто с белой маской вместо лица. Половины половиц не хватало. Больше Том ничего не может припомнить.

Он окончательно просыпается, когда Фиона снова укладывается, что-то бормоча под нос.

Теплое тело Грейси устраивается в его объятиях. Дочка дремлет. Том накрывает ее одеялом и поворачивается на бок. Грейси прижимается к его животу и кладет голову ему под подбородок. Ожидая, пока пройдет его собственная растерянность, Том большим пальцем осторожно вытирает слезы с ее щек.

Вскоре он начинает жалеть, что не может перевернуться, не потревожив Грейси. Ему не нравится лежать спиной к открытой двери.

– Ах ты, ублюдок. Залезай.

Скребя пальцами ног по половицам, с которых он содрал грязный ковер, измазавший черным лицо и руки, Том укладывает матрас на диван Грейси.

Над полом ее комнаты сложенными кубиками возвышаются пластиковые ящики. Внутри к стенкам прижимаются игрушки и одежда, будто тропические создания, которых держат в плену в мутных аквариумах. Но, по крайней мере, в этой комнате пол прочный. Они купят дочке коврик. Хороший ковер появится позже, когда они смогут себе его позволить на втором этаже.

Еще долго их жизнь будут определять неустроенность и сложности. Тем временем Грейси понадобится кровать, одежда, игрушки в ее собственной комнате. Прошлой ночью она снова спала с ними. Никому не удастся выспаться. Станные сны и разговоры с самими собой. Они продолжают просыпаться и будить друг друга. Так больше продолжаться не может, нужно расселиться.

Через открытое окно доносятся голоса.

Том берет передышку и присаживается на кровать. Усилия, с которыми пришлось тащить ее вверх по лестнице, отдаются теперь в больном плече, спине и локте. Тыльной стороной грязной руки Том вытирает пот со лба.

Снаружи раздается залиvistый смех. Принужденный, возможно наигранный. Этот звук раздражает его.

Они все еще не познакомились с соседями, с людьми, у которых было достаточно удобных случаев зайти и чопорно, но застенчиво представиться. Однако те не показываются на глаза, лишь продолжают украшать свой и без того идеальный сад. Том подозревает, что они намеренно не торопятся установить добрососедские отношения. Возможно, в этом есть оттенок презрения к незнакомцам. Странная сделка с водителем «мерседеса», свидетелем которой он стал два дня назад, не помогла избавиться от сомнений.

Сменив позу, Том ложится поперек кровати так, чтобы его лицо находилось на некотором расстоянии от окна, и выглядывает наружу.

Сегодня на его подъездной дорожке припаркован серебристый японский автомобиль. Он раздражает Тома гораздо больше, чем «мерседес». Подъездная дорожка соседей пуста, а водитель – их гость. Можно припарковаться дальше, там, где дорога расширяется, ниже по склону, за трейлером. Так почему же вы позволяете своим гостям блокировать проезд ваших новых соседей? Территориальный прецедент?

Подстриженная густая шевелюра соседки – первое, что видит Том над неряшливой изгородью. Очередная сделка в начале их собственной подъездной дорожки. На этот раз с полной женщиной лет шестидесяти с небольшим, чьи седеющие волосы удерживает ободок.

Она протягивает соседке коричневый конверт, а взамен получает завернутый в газету сверток размером с буханку хлеба. И эта очередная посетительница отвешивает почтительный поклон, жадно прижимая пакет к груди. Она точно так же, как предыдущая, завершает визит, целуя небрежно протянутую руку соседки. Раболепный жест. Словно та носит кольцо папы римского. Представление пробуждает у Тома то же легкое отвращение, что и в первый раз. «Кто может ожидать от другого человека преклонения?»

– Только психи, – шепчет он и отворачивается.

Но мысли продолжают цепляться за соседей. До переезда он не задумывался о том, кто будет жить за забором. Теперь это незнание делает его беспокойным и раздражительным.

Том слышит рев мотора серебристой машины, когда та выезжает с дорожки. У соседей, должно быть, какой-то бизнес.

Вечереет, и дневной свет меркнет. Первый уик-энд почти окончился, а Том до сих пор и взглядом не обменялся с соседями.

Он устал, у него кружится голова. Нужно поскорее приготовить еду. Наверное, сейчас неподходящее время, но он хочет соблюсти обычную вежливость. Откладывать знакомство дольше кажется неправильным и может добавить еще больше неловкости в этот процесс.

- Я не стану целовать твою чертову руку. - Том смеется и выходит из комнаты, его рабочие ботинки грохочут по половицам.

В квартире они строго следили за тем, чтобы разуваться, прежде чем покинуть крошечную прихожую. Здесь же настрого запретили Грейси снимать обувь из-за заноз, торчащих гвоздей, шурупов, грязи и того, что Фиона определила как мышиное дерьмо. В кухонных шкафчиках этих «черных рисинок» еще больше.

Пока Том спускается по лестнице, далекий перестук пластиковых колес становится громче: коляска Грейси со свистом проносится по голым половицам комнаты, которой предстоит стать гостиной. Дочка всю свою жизнь провела в маленькой квартирке, и Том обожает шум, который она издает, наслаждаясь здешним простором.

Он огибает лестницу и заглядывает в холл. Фиона опять на кухне и, похоже, как обычно, ничего не делает, только угрюмо оценивает очередное запущенное помещение, которое их предшественник оставил недоделанным. Жена сутулится со скрещенными на груди руками, словно мерзнет.

- Здесь то же самое. Он заколотил досками их все. Все окна. В каждой комнате.

Грейси с грохотом влетает в гостиную. Передние колеса ударяются о порог, коляска раскачивается. Дочка запихнула в нее своего пингвина Уоддлса и целую сумку одежды для него, взятой у других кукол. Сумка опрокидывается на пол. Коляска кренится.

Покраснев, Грейси взрывается.

- Уоддлс не хочет сидеть! Он выпадает. Все идет не так!

Фиона вздыхает.

- Не всего добьешься напором, милая. Дай мне минуту, и я тебе помогу.

Том повышает голос.

- Кажется, я только что видел по соседству очередную сделку с «дурью». Лучше заскочить и представиться. Больше не могу это откладывать.

- Купи мне немного крэка.

Грейси швыряет пингвина в стену.

- Тупость!

Родители продолжают разговаривать друг с другом, хотя неудачу с перевозкой пингвина и его багажа никто не исправил.

Том тянется к защелке входной двери. Приподнимает бровь в ответ на эту вспышку гнева.

- Я заверю их, что мы хорошая, тихая семья.

Фиона хихикает.

- Не забудь про мой крэк.

Грейси не останется в стороне.

- И про мой, папочка! Я тоже хочу. Мамочка, а что такое крэк? Ты его ешь?

С самого его детства и до тех пор, пока он не покинул дом в восемнадцать лет, родители Тома налаживали и поддерживали хорошие отношения со всеми своими соседями. Его семья трижды переезжала, и мама часто повторяла, насколько важны связи. В чрезвычайной ситуации тебе могут понадобиться соседи, чтобы вызвать пожарных, полицию, скорую помощь. Покормить твою кошку или собаку, когда тебя нет дома. Возможно, прикупить что-нибудь, если ты заболеешь. Даже присмотреть за твоим ребенком. Доверие, дух товарищества, общность.

В отношениях с соседями была и социальная составляющая: вечерние посиделки его родителей, барбекю, однодневные поездки с соседями и их детьми. Мать до сих пор обменивается рождественскими открытками с несколькими бывшими соседями, которые стали друзьями на всю жизнь.

Том вырос в уверенности, что близкие связи с людьми, которые живут за стеной твоей спальни или гостиной или на другой стороне улицы, входят в стоимость дома. Автоматическое пособие, даже законное право. Среди причин, по которым они уехали из города, было желание найти сообщество, похожее на те, которые давали ему приют в детстве. Того же Тому хотелось для Грейси. Подтверждения для дочки, что ее подушка безопасности не ограничивается родителями. Поэтому даже думать о том, что владение собственным домом ничем не отличается от аренды, немислимо. Каждый держится сам по себе, люди приходят и уходят без единого кивка, разве что перебросятся словом, но из этого не вырастает ничего серьезного? Нет, это невозможно. Неприемлемо.

Том отправляется с визитом прямо в рабочих ботинках и старой одежде. Вскоре появляется грязный трейлер. Еще одна аномалия. Почему люди, которые с такой одержимостью гордятся своим идеальным жилищем, оставляют рядом с ним подобную развалину? Соседский дом и внешне явно демонстрирует определенный набор стандартов. Это не случайно, он – символ, заявление о статусе. В трейлере же нет никакого смысла.

Тому действительно нужно разобраться с этим вопросом, подумать головой, а затем двигаться дальше. У него и так забот хватает. Быстро обменяться парой слов, а после вернуться к ремонту спальни для Грейси. Тому хочется успеть собрать мебель до вечернего чая.

Ощущение неуловимого перехода от осени к лету на тех нескольких метрах, которые разделяют участки, заставляет Тома взглянуть на небо. Откуда здесь солнце, если над их домом пасмурно от ранних осенних облаков? И хотя соседка уже ушла, ее сад по-прежнему кажется обитаемым, даже необычайно живым. Возможно, это объясняется неистовой активностью насекомых.

Пчелы гудят в воздухе и ударяются о землю разрядами электрического тока. В собственном саду Том не видел ни одной. Или хотя бы бурого мотылька. Однако здесь не только множество пчел, которых хватит заполнить целый ряд ульев, но и павлиноглазок с капустницами. Бабочки разноцветным конфетти мелькают в наполненном ароматами воздухе, присоединяясь к цветочному банкету.

Том протаптывает новую тропинку параллельно подъездной дорожке соседей. Светильники в форме бутонов, которые теснят выбеленные каменные плиты, освещают опилки и пятна грязи на его ботинках. Неодолимое желание задержаться и поглазеть на невероятный сад заставляет его замедлить шаги. В последний раз Том видел такое буйство зелени в ботаническом саду. Ему хочется, чтобы и Фиона на это взглянула и поняла, чего они могли бы добиться. Здесь, должно быть, замечательная почва.

Окна на фасаде закрыты темными шторами, однако входная дверь распахнута, и за ней темнота. На едва различимых стенах чудятся смутные силуэты картин и узоры, Том прищуривается, чтобы лучше разглядеть то, что выглядит маской с клыками.

Прежде чем он успевает подойти ближе, за спиной раздается визгливый голос: – Да-а-а?

Пораженный Том оборачивается на зов.

И не видит никого и ничего, кроме ухоженных кустарников, неземных клумб и симметричной живой изгороди. До тех пор, пока краем глаза не замечает

размытую фигуру, резко выскочившую из укрытия.

Том начинает сначала.

– Черт. Извините. Я...

Враждебный тон собеседницы сопровождается неодобрительным выражением лица. Но вблизи внешность миниатюрной женщины потрясает Тома сильнее, чем то, как она смогла спроецировать свой голос с другого края сада. Пара брошенных издали взглядов не подготовили его к виду своеобразной прически, обрамляющей узкое, свирепое лицо соседки: обрванная копна жестких волос, эдакая луковица цвета хны, скрывающая простое, без макияжа лицо. Похоже, для такого небольшого размера у этой головы слишком много волосяных фолликулов. К тому же соседка не подстригает заросли своих бровей так же старательно, как растения в саду, и, кажется, носит мужскую одежду.

– Мы можем вам помочь? – раздается позади Тома второй голос. Мужской, едкий.

Том переступает с ноги на ногу, а когда поворачивается лицом к мужчине, то чувствует, что зрение мутится, словно он слишком резко встал. Яркое многоцветие и туманный свет, заливающие сад, никак не облегчают дезориентацию. Когда же Тому удастся проморгаться, его взгляд останавливается на...

Пустоте.

Там никого нет. Лишь сад и дорожка, вьющаяся среди дубов, ясеней и буков.

Наконец, из другой части соседских владений, противоположной той, откуда раздался голос, выныривает вторая фигура. Мужчина торжествующе улыбается и явно доволен тем, что напугал посетителя.

Удивление Тома тут же распространяется на столь же абсурдную, как у соседки, внешность соседа. Прежде над живой изгородью шелестел его сочный голос, но Том впервые увидел собственными глазами мужскую половину этой семейной пары. Расшитый жилет с замысловатым рисунком насыщенных синего и красного цветов, прикрывающий свободную льняную рубашку. Узкие розовые брюки. Верх ботинок кажется плетеным. А лысина у соседа клоунская – блестящий купол между двумя пучками ниспадающих на плечи ухоженных волос. Его белоснежная борода аккуратно подстрижена, как у драматурга эпохи короля Якова. Тонкие губы, обрамляющие ряд темных, нездорового вида зубов, влажно шевелятся. И, видимо, по умолчанию на лице настроено ухмыляющееся выражение.

Сбитый с толку Том переводит взгляд с соседа на соседку: ухмыляющийся мужчина, осуждающая женщина. Палисадник не больше десяти квадратных метров и огорожен с обеих сторон живой изгородью, так как же им удалось спрятаться? Или он был слишком занят, чтобы заметить соседей, пока те на коленях облагораживали цветочные клумбы?

Мужчина, по крайней мере, выдает что-то вроде улыбки. Том неуклюже поворачивается к нему.

– Гвоздики! – визжит женщина. – Вы топчете их!

Том замирает. Смотрит под ноги.

– Простите. Я...

– Там, где вы, все в порядке, – произносит мужчина и на цыпочках семенит между растениями к Тому. По обеим сторонам орехово-коричневой головы соседа развеваются и колышутся волосы, точно морские водоросли в каменном бассейне. Самоуверенное лицо оказывается нос к носу с Томом, холодные голубые глаза мужчины мерцают веселым презрением.

Том протягивает ладонь.

Вместо рукопожатия мужчина похлопывает Тома по пальцам. С неохотой.

– Я – Том. Моя жена Фиона и...

– Мы знаем, кто вы такие.

Краткий ответ приводит Тома в замешательство, и он тщетно перебирает в уме причины, по которым новые соседи могли расстроиться. Или подобное неодобрение они проявляют ко всем незнакомцам?

– Вам есть над чем потрудиться. – Мужчина кивает на дом Тома, при одном виде которого на его лице появляется презрительное выражение. В насмешке сквозит излишняя фамильярность, словно он повторяет здравый совет, к которому Том в первый раз не прислушался. Не утруждаясь тем, чтобы ради знакомства завести светскую беседу, этот нелепый персонаж, голова которого больше подходит

для сцены в Стратфорде-на-Эйвоне^[2], звучит вполне искренне.

Том чувствует, как неприятное тепло заливает кожу головы. На миг ему кажется, что каждый его волосок встал дыбом.

– Все это нужно было давно снести, – произносит женщина, и ее отрывистый говор вновь поражает своей неестественностью.

Том смотрит на сердитое лицо соседки, но от ее свирепого взгляда мысли превращаются в стаю перепуганных птиц. Он опускает глаза и сосредотачивается на подбородке женщины, морщинистом, точно грецкий орех. Том с отвращением смотрит на соломенную шевелюру, напоминающую перевернутую миску, и вспоминает картинку с рыцарем из детской книжки: тот снял стальной шлем, обнажив похожую щегольскую прическу. Уж не стригут ли соседи друг друга?

Теперь они оба пялятся. На него. В него. Смотрят и смотрят пронзительными голубыми глазами, пригвоздив Тома к месту, а он молча корчится, ощущая физический дискомфорт. У его соседей совершенно одинаковые глаза.

Перед его взглядом все плывет. Тому жарко, он задыхается, у него кружится голова, нервы шалют, и эти ощущения становятся невыносимыми. Из-за распаленного гнева краски сада кажутся ярче, пока не делаются запредельными.

Радостная ухмылка лысого мужчины становится только шире. Женщина хмурится, ее морщинистая нижняя губа отвисает, когда соседка ухватывается за возможность бросить неодобрительный взгляд на дом Тома, словно это здание оскорбляет общепринятые правила приличия.

– Не могут два участка быть более непохожими.

Горло Тома превращается в дренажную канаву, забитую мокрыми листьями. Ему нужно сглотнуть, но он этого не делает, поскольку тем самым зримо докажет, что его расстроила эта попытка пристыдить. Том чопорно выпрямляется.

Мужчина расцветает, его напористая злоба сочетается со змеиным блеском в глазах.

– Всегда так было. Но ведь мы всегда делали правильный выбор, не так ли, моя дорогая? Разные стандарты.

Щеки Тома краснеют, как от пощечин. Он так себя не чувствовал с тех пор, как в двадцать один год на первой работе менеджер наложил на него взыскание. Внутри оживает то ощущение, которое он испытывал, когда его ругали в школе, пока, наконец, бесконечная ухмылка соседа не избавляет Тома от вынужденной вежливости, которой он придерживается, находясь на их территории, на их земле.

– Еще раз, что?

Его голос звучит выше и резче, чем было задумано, а мысли продолжают бунтовать. Но желание дать сдачи, противостоять нарастает с новой силой.

Соседка указывает худой рукой в сторону своего дома.

– Забор позади – первое, на что вам нужно обратить внимание.

– Самое время, – добавляет мужчина начальственным тоном, приподнимаясь на цыпочки. Спектакль завершается назидательным и жалостливым покачиванием головы, копна белых волос колышется над торжествующей ухмылкой. Баллы набраны.

Та часть разума, которая отвечает за речь, остается оцепеневшей, скованной льдом. У Тома нет слов. Станный паралич сбивает с толку. Том не в состоянии выдавить из завязанной узлом гортани ничего, кроме «что?». Ему остается гадать, на кого он больше сердится – на соседей или на самого себя из-за того, что смог лишь остолбенеть.

Лицо женщины окрашивается в более яркий алый цвет, под стать нелепой копне волос.

– Забор. На заднем дворе. Вы, конечно, заметили, что он в ужасном состоянии?

– Я бы не сказал, что не заметил, – выдавливает Том грубым тоном.

Он обратил внимание на полуразрушенный и позеленевший ужас, разделявший участки позади дома. И предположив, что соседи, наверное, уже привыкли, не придал этому значения. По его мнению, принципиальнее было то, что, если бы соседи не посадили у самой границы ряд декоративных деревьев, столбы и панели забора не разваливались бы. В любом случае, в порядке вещей, которого Том придерживался, не находилось причин отклоняться от плана ради косметического ремонта забора. Тот оказался за рамками бюджета и был последней вещью, которой Том собирался заняться.

Сосед снова встает на цыпочки, складывает руки на поясице и возражает с

несколько совиным видом:

- Слишком долго не замечали.

Том перестает вертеться в этой западне, но по-прежнему не хочет переставлять ноги, чтобы не растоптать бесценные цветы. Они тут повсюду. Газона почти нет, и лишь один-два плоских камня дают хоть какую-то надежду выбраться. Все равно что наткнуться на минное поле. Соседи, должно быть, скачут здесь странными сердитыми птицами. А он заперт в ловушке.

Адреналин медленно отпускает, и конечности, наконец, расслабляются. Челюсти Тома разжимаются.

- Послушайте...

- Слева. Ваша сторона. Ваша ответственность. Первостепенная! - Акцент женщины настолько усиливается, что на последнем слове ее язык шепелявит «первоштенная».

Том свирепо смотрит на нее.

Она свирепо смотрит в ответ.

- Бельмо на глазу! Все нужно менять! Все панели и столбы. Используйте бетон. Дерево сгниет.

С другой стороны, мужчина излучает позитив, пока его жена распекает Тома.

- Вашему предшественнику это так и не удалось. Надеюсь, вы можете себе это позволить?

- Еще раз, что?

- Это ваш первый дом, не так ли? Немного поздновато, а? Надеюсь, у вас глубокие карманы.

Том, наконец, срывается.

- А насколько глубокими были ваши, когда вы за пару штук купили свой дом? Когда бы это было, в семидесятых?

Соседу нечем ответить, кроме отвратительной ухмылки, которая, по крайней мере, уже не так самоуверенна. Но прежде чем Том успевает воспользоваться едва заметным изменением баланса сил, вмешивается женщина. Ее голос звучит еще резче, чем раньше.

- Ваш забор падает на наши деревья! Позор! У нас в деревне нет сломанных заборов.

Быстро вернув себе положение, ее муж использует шанс нанести подлый удар, поднырнув под первое оправдание Тома.

- Не экономьте и на высоте панелей. Нам нравится *наше* уединение.

Левое веко Тома непроизвольно подрагивает, он чувствует, как в его эмоции вторгается вина. Неуверенность. И все же не может придумать ответ на двойную атаку и то, что, наверное, можно посчитать извержением всех обид на соседей, которые успела накопить эта пара. Но их поведение неприемлемо, и скоро единственная реакция, которую он сможет предложить, - это яростный животный рев. Том даже чувствует, что готов плюнуть им в лица.

И они прекрасно осознают его чувства. Это хуже всего. Том интуитивно догадывается, что его неловкое положение забавляет этих людей и даже заряжает энергией. Они не выказывают ни малейшего желания прекратить насмешки, а тень их довольства заставляет Тома похолодеть. И холод все усиливается, пока Том не замечает краем глаза долгожданное появление Фионы. Она, наверное, подслушивала. Он оставил входную дверь открытой, когда пошел к соседям.

На лице Фионы натянутая улыбка, за которой прячется сдерживаемое раздражение. Работая кассиром в банке, его жена привыкла иметь дело с грубой, глупой, несчастной, обиженной публикой.

- Послушайте-ка, мистер... - Она проскальзывает между Томом и соседом, образуя живой щит перед своим загнанным в угол мужем. Они превращаются в единое целое на крошечном клочке свободной травы.

Тут же появляется соседка, шокированная видом обнаженной плоти Фионы. На той джинсовые шорты и жилетка, на ногах пара старых кроссовок, в которых она работает среди теплых грязных стен их дома.

Однако сосед похотливо ухмыляется, не в силах сдержаться, и с нескрываемым аппетитом разглядывает голые ноги молодой женщины. Нагло, на глазах у Тома, урод ползет взглядом вверх по телу Фионы и задерживается на ее груди.

- Мут, - представляется он, с усмешкой пялясь на округлости под жилетом.

Бах! За спинами Тома и Фионы словно грохнуло ружье. Оба вздрагивают.

- Господи! - произносит Фиона.

Они поворачиваются к источнику шума. Входная дверь Мутов закрыта, это ее захлопнули с таким шумом. Соседка исчезла из сада.

В ушах звенит. Том и Фиона ошеломленно оборачиваются обратно к мистеру Муту.

Который ухмыляется, наслаждаясь их шоком.

Том пытается заговорить.

- Я не...

Фиона перебивает.

- Мы внесем забор в список дел, мистер Мут.

- Маги Мут.

- Хорошо. Но это очень длинный список. Я уверена, что вы примете данный факт во внимание. Это место долгое время находилось в плачевном состоянии. И после того, что случилось... Да? Вы поймете, сколько работы нам предстоит. Так что вам придется набраться терпения.

Фиона смотрит на Тома, затем кивает в сторону их дома.

Маги Мут поворачивается к ним спиной. И так стремительно, что Том вздрагивает, как если бы этот тип размахнулся для удара. Но Маги Мут, если это вообще его настоящее имя, легко, словно танцор, ступая на цыпочках, небрежно пробирается обратно в ту часть сада, где работал. Не глядя ни на Тома, ни на Фиону, он невозмутимо садится на корточки, и его секаторы опять начинают подрезать растения, что приводит Тома в куда большую ярость, чем пережитая только что буря. Эту ярость распаляет еще и то, что жене пришлось его спасать. До чего же унижительно. Остолбеневший Том молча разводит руками, делясь с Фионой своими удивлением и ошарашенным недоумением.

Приподняв бровь, она смотрит на руки мужа и кивает.

- Да, шкаф Грейси примерно такого размера. Давай продолжим.

Том, кажется, по-прежнему не может пошевелить ногами, пока осталось еще столько невысказанного. Но затем Фиона сжимает его предплечье и шепчет:

- Убедить их, что мы хорошая, тихая семья?

Приступ стыда возвращает, наконец, жизнь его мышцам, и Том подстраивается под шаг жены. Но когда они покидают иллюзию лета и возвращаются к серости, жухлой зелени и облупившемуся фасаду, безрассудный попутный ветер уверенности внезапно придает ему сил. У Тома кружится голова.

- Что за пара придурков! - Его голос, возможно, долетает до самой деревни.

Фиона поворачивается.

- Шшш. Не делай еще хуже.

- Ты все слышала?

- В нашем устройстве мира Фред и Роза^[3] - это мелочь. Иди и посмотри, что я нашла под кухонной раковиной.

- Что?

- Мышиную базу.

Неделей позже.

Еще один долгий, шумный день почти закончился, и большинство игр, в которые Грейси пытается играть дома, заставляют ее маму и папу повторять: «Не нужно», «Положи», «Это не игрушка», «Будь осторожна», поэтому она направляется в сад.

Грохочущие колеса игрушечной коляски бьются о половицы. Иногда сминают или вырывают серые комки пыли, которые постоянно появляются, сколько бы мама ни подметала.

– «Пыльные кролики», – говорит мама, и Грейси думает об огромном кролике, который живет под домом, и его старой шерсти, торчащей из щелей. Иногда она представляет, как из дыр смотрят большие глаза.

Крепко пристегнутый сын Грейси – пингвин Уоддлс – сидит прямо и внимательно разглядывает новую обстановку. Под крылом у него примостилась плюшевая мышка. Уоддлс – игрушка Грейси, мышка – игрушка Уоддлса.

Они мчатся мимо дверных проемов. Комната с телевизором полна пакетов, хранившихся раньше в шкафу их квартиры, кроме них там пылесос, настольные игры и обувь. Вчера в «новом доме» она спросила маму, могут ли они «пойти домой», в их квартиру, а мама попыталась не заплакать.

От вида картонных коробок с написанными на боках названиями продуктов у Грейси текут слюнки. Пластиковые ящики составлены, будто разноцветные кубики, и окружены банками с краской и бутылками с ядами, к которым ей нельзя прикасаться. Грейси позаботилась о том, чтобы и Уоддлс об этом знал. Диван и два стула из их прежней квартиры выглядят такими же испуганными и потерянными, какой почувствовала себя Грейси, когда пошла в школу.

Внутри этого дома есть полости, норы, пещеры, тайники и лабиринты в больших комнатах. Но ей сказали не ставить палатки, потому что все здесь нужно снова двигать. Папа в пластиковом комбинезоне как у астронавта отрывал от пола вонючие ковры, скатывал их и выносил в сад.

Грейси жаждет глянуть на мышей. Они – последнее, чего хочется видеть ее мамочке. Грейси каждые пять минут проверяет ловушки – серые пластиковые ящички внутри кухонных шкафов.

В первый день родители шептались о «мышках», и папа говорил о «ловушках», когда думал, что Грейси «вне пределов слышимости». Но она подслушала и расстроилась. Хотя, по словам папы, ловушки нужны только для того, чтобы поймать мышей, а потом он отнесет их в лес, где они найдут себе новый дом.

– Ты же не хочешь, чтобы они какали в твои чипсы.

Она, Уоддлс и Пушистик под визг колес проносятся по кухне. У линолеума цвет куриного супа-пюре, но он пахнет «мышинной мочой». Пингвин Уоддлс смотрит вперед на своем полосатом сиденье, и они выбирают в сад, когда солнце уже опускается к остроконечным крышам густого леса.

Над Грейси скрипит окно. Сад позади дома еще более заросший, чем перед крыльцом.

Мама кричит:

– Грейси! Оставайся там, где я смогу тебя видеть! – Лицо у нее перемазанное.

– Ага!

Когда у мамы с папой щеки как помидоры, а папа говорит грубые слова, Грейси старается держаться подальше. Родители пытаются освободить шкаф, который застрял на лестнице. Он торчит там всю неделю с прошлых выходных, и приходится сжиматься, чтобы его обойти. Поэтому каждый раз перед сном родители передают друг другу Грейси над этим препятствием.

Только что мамочка прищемила палец и закричала папе:

– Твоя сторона. Твоя сторона.

Теперь папа говорит маме, что ей делать. Их голоса доносятся из темноты верхнего этажа, но здесь, в саду, звучат близко, словно с кухни.

Папа все еще в плохом настроении после похода к соседям в прошлые выходные. Когда Грейси в школе и он заводит свою электропилу, соседи бьют по стенам со своей стороны. Дядя с прической клоуна приходил и жаловался на плющ,

который проползает под забором в соседний сад. Их гости продолжают бросать машины поперек дорожки и даже заблокировали ремонтника, который приходил чинить крышу. И это тоже была плохая новость, из-за которой мамочка выглядела так, будто сейчас упадет в обморок.

Она постоянно занята и велит Грейси «развлекать себя самой», а сегодня винит папу за ушибленный палец. Когда папа сердится и мама сердится, Грейси начинает плакать.

– Я не могу.

– Налево. Налево!

– Иди знаешь куда?! Кровать мешает.

Это грубые слова. Лучше быть в саду.

Грейси собирает полевые цветы и похожие на латук травы на краю патио. Оно напоминает палубу корабля, который тонет в волнах зелени.

Грейси кладет букет в коляску, чтобы за ним присмотрел Уоддлс.

Арчи азартно роет новую яму возле забора. Маленький кратер в черной земле. Там извиваются черви. Разбегается тля. Арчи вырыл уже три ямы. Никто не знает зачем. Всякий раз, когда задняя дверь открывается, чтобы впустить немного свежего воздуха в плохо пахнущую кухню, Арчи пробирается между ног хозяев и мчится в сад. Сегодня он провел снаружи целую вечность. Грейси догоняет щенка и направляет ему под ошейник желтые цветы.

В дальнем краю сада забор между ее домом и симпатичным домиком, который принадлежит «грубым ублюдкам», как называет их папа, сломан. Грейси заглядывает сквозь щели в соседский сад. Отсюда она словно рассматривает страницу из книги сказок, сцену, наполненную огнями и красками, которые благодаря волшебству становятся ярче.

Там есть статуя мистера Тумнуса из «Льва, Колдуньи и платяного шкафа», но с противным лицом. Мистер Тумнус возвышается над черным прудом, в котором могут водиться лягушки. Возможно, все они носят красные жилеты. Жаль, что соседи «грубые ублюдки» или, как говорит мама, «забавные старики», а то Грейси хотела пойти к ним в сад, нарвать цветов и поглядеть на лягушек и рыб.

Некоторое время она стоит неподвижно и разглядывает соседский сад. А когда начинает чувствовать, что и цветы ее разглядывают, то возвращается к яме. Арчи тем временем не отвлекался и копал.

– Клад, Арчи! – Грейси опускается на колени. Лезет в дыру и обеими руками вытаскивает из влажной почвы тускло мерцающий предмет. – Такой тяжелый, Уоддлс. Помоги мне, Арчи.

Грейси тянет на себя кусок металла, который пачкает ее ладони скользкой грязью. Странная штука длиной с кирпич, а толщиной с большую плитку шоколада. Присев на корточки, Грейси пальцами соскребает с нее землю. Под липкой грязью бугристая поверхность, на одной из сторон какие-то буквы. Надпись, которую девочка не может прочитать. Арчи обнюхивает предмет, затем срывается с места и мчится в конец сада, где лес вздымается волнами и разбивается о покосившийся забор.

Грейси роняет металлическую табличку и бежит следом за щенком, пока не оказывается перед кривыми воротами, где кружит Арчи.

– Ты не должен обижать кроликов, Арчи. Только поздоровайся и скажи им, что теперь здесь живу я.

В высокой траве валяется большой ржавый висячий замок и еще более ржавая скоба.

Грейси тянет калитку. Петли визжат, и это забавно отзывается в костях девочки. Маленькая дверца открывается. Гнилая створка дрожит, скребет сорняки. Грейси открывает шаткую калитку шире, чтобы посмотреть, не бегают ли среди деревьев кролики.

Однако вместо этого ее внимание привлекают металлические украшения, привинченные к калитке снаружи. Похожие на ржавые насечки, они обращены к лесу и напоминают другую историю из книги сказок. Историю о ведьме. Там на картинке зеленоватая дама, которую мама прикрывает рукой, чтобы, лежа ночью в постели, Грейси не думала о таком страшном лице.

К растрескавшемуся дереву ворот приделаны железные крестики. Вместе они образуют один большой крест, похожий на те, что стоят на церквях. Грейси проводит пальцем по одному. Поверхность металла шероховатая. Девочка

прикасается к другому. Третьему. Еще к двум. Если папа снимет их с ворот, она сможет хранить их в своей шкатулке для драгоценностей.

Арчи несется к лесу. Пушистая пуля, взмахивающая обрубок хвоста.

Грейси поднимает взгляд. Так много деревьев. Воздух влажный от запаха мокрых листьев, во рту появляется грибной привкус. Пахнет чем-то старым и сладковатым, как от компоста бабушки. Не очень приятно. Но и не противно. Пахнет зимой.

Угасающий свет острыми шипами цвета олова падает на серебристые ветви, темно-зеленые листья, кудрявый коричневый кустарник и бледную крапиву с покрытыми пушком листьями, которые жалят ноги. В остальном лесу ночь. Между стволами и низкими ветвями ежевики, которой заросли обе стороны тропинки, уткнувшись носом в землю, рысью бежит Арчи.

У Грейси покалывает в животе. В этом лесу живет магия. Дальше будут норы и полянки, домики на деревьях и узкие дорожки золотого света, которые охраняют певчие птицы. Еще там водятся лисы, кролики, барсуки и, может быть, львы, сбежавшие из сафари-парков. Грейси чувствует себя маленькой, напуганной и до того возбужденной, что ей хочется писать.

Скоро она сможет приходить сюда, когда захочет. Они потому и переехали, чтобы она могла играть в лесу. Тут у нее будет свой домик со стульями, чтобы могли приехать Бен, Авни, Амайя и Изабель. Так сказал папа.

– Арчи!

Грейси вынимает из коляски Уоддлса. Его большие голубые глаза выглядят такими же испуганными, как и ее собственные. Грейси успокаивает своего пингвина.

– Ворота открыты. Нас нельзя запереть снаружи, Уоддлс.

Она делает несколько шагов по тропинке между гигантскими деревьями, которые пристально смотрят на нее. Возможно, они затаили дыхание и вот-вот заговорят. Когда Грейси представляет, как оказывается на верхних ветках, ей становится нехорошо.

Она не видит пса, но слышит, как тот рыщет впереди.

– Арчи! Арчи!

Щенок лает, но не возвращается. Грейси волнуется, что ей достанется за открытые ворота и потерю собаки. И торопливо идет вперед.

Запах холодной земли туманит разум, окрашивая мысли в темный цвет, словно ее голова – это банка с водой, в которую бросили отмокать кисть. Между деревьями во всех направлениях прорыты туннели. Грейси думает, что этими маршрутами кролики скачут друг к другу в гости, чтобы повидаться, поделиться едой и поглядеть на соседских детенышей. Ее так и подмывает найти норку и заглянуть внутрь, чтобы оценить, насколько зверьки ручные. Но как бы ни было здорово, чтобы они свободно приходили в сад, пачкать ладони и коленки ей не хочется.

Над головой Грейси раздается шорох и *клац-клац-клац*. Она поднимает взгляд и смотрит на блестящий плющ, который обвивает белые стволы и ветви, одевая деревья в зеленые брючины и рукава. Там, где плющ заканчивается, костлявые ветви паучьими лапками тянутся к облакам. Верхушки деревьев пушистые и торчат, будто растрепанные ветром волосы. Новых листьев столько, сколько звезд на небе, они разрастаются и шумят, точно морской прибой. Тусклый свет застилает мир сумерками.

Грейси оглядывается через плечо на сад и сквозь переплетение веток видит дом. Пока папа его не отремонтирует, там будет страшнее, чем в лесу. Она все еще слышит голос мамы, а значит, ушла недалеко. И теперь, когда Грейси по-настоящему в лесу, она не так сильно нервничает. Рядом никто не крадется и не хлопает крыльями. Все по-прежнему. Прохладный воздух приятен до дрожи, а запах леса напоминает о фейерверках, жареной свинине на булочке и о том, как она помогала дедушке собирать в тачку скользкие листья.

В Англии нет ни волков, ни медведей, да и Арчи заметит любое существо больше мыши. Ночь не за горами, но тут лишь одна дорога и по ней легко вернуться. Нужно только заглянуть за поворот, а если Арчи там не окажется, то сходить и привести папочку, чтобы Арчи не заблудился.

Грейси видит снег, и у нее перехватывает дыхание.

По обе стороны дорожки кустарник и крапива редуют, уступая место восковым листьям цвета лайма и белым пятнам, которых больше, чем она успеет сосчитать до

своего десятого дня рождения. Белые пятна устилают землю до самой темной дали. Косматые стволы деревьев тянутся к небу из этого зелено-белого пенистого моря и наклоняются, как ноги людей, которые переходили брод и потеряли равновесие.

Пока Грейси приближается к этому белому чуду, снежные пятна превращаются в великое множество цветов. Она склоняется, и ее голова наполняется чистым ароматом репчатого лука и лука-порея. Когда кружево крошечных лепестков становится четче, каждый цветок оказывается прекраснее всего, что Грейси когда-либо видела.

Она собирает цветы, пока не отвлекается на голубой туман, висящий там, где упало дерево. Тропинка приводит ее ближе к этой странной сине-фиолетовой дымке.

Это оказывается не туман, а еще больше цветов. Синих. Среди их волн все еще встречаются белые. Увитые плющом древесные ноги теперь шагают по океану крошечных голубых и белых цветов, таких поразительных, что у Грейси кружится голова. Она представляет себе огромную толпу крохотных человечков в белых или синих шляпках. Человечки обступили ноги гигантов, а те стараются их не раздавить.

Каждый маленький голубой цветок – это шляпка феи. Грейси срывает несколько для своей мамочки. Затем вспоминает про Арчи, но вокруг так странно и незнакомо, что не хочется громко кричать.

Когда синие цветы редют и превращаются в россыпи странных пучков тут и там, тропинку вновь преграждают низко висящие ветви, а вместе с ними заросли крапивы и терновника. Некоторые сочные красные ягоды чудесно смотрятся на покрытых заостренными «рождественскими» листьями кустах, но они, наверное, ядовитые, ведь их не едят птицы. Которые в глубине леса ведут себя более шумно. Распевают песни тревоги на верхушках деревьев, сообщая друг другу, что к ним забралась девочка с собакой.

Грейси уже не видит дом, из-за чего в животе у нее бурлит, как в банке с газировкой. И попу покалывает, как от желания сходить по-большому. Ей действительно хочется в туалет. Но она пройдет чуть-чуть дальше. Еще за один поворот.

За ним Грейси видит светлое и открытое пространство. А вот и Арчи! Кружит по свободной от деревьев поляне, которая появилась до того внезапно, что Грейси опешила и даже подумала: не кончился ли лес совсем? Но нет, за поляной тот делается еще гуще, а здесь прерывается лишь ради ровной лужайки, окружающей идеально круглый купол зеленого холма размером с трейлер. Закатное солнце проливает на него последние лучи.

Грейси бежит вперед, затем останавливается. Перекладывает Уоддлса с одной руки на другую и с изумлением смотрит на то, что находится на этой странной, окруженной деревьями поляне. Кажется, что она видела это место раньше. Но ведь такого не может быть.

Еще ее одолевает вопрос: не живет ли кто-нибудь под холмом? Это, наверное, сад с оградой из деревьев. Поросший травой холмик напоминает ровные зеленые круги с флажками на поле для гольфа, где ей не разрешали ходить на руках. А еще он точно такой же, как «курган» в сказке, что читал ей папа, – про фей и мальчика, который отправился к ним жить. Мальчик не рос, а когда вернулся, вся его семья была уже в могилах.

Подножие холма окружает протоптанная в траве тропинка. Арчи с громким фырканием обнюхивает ее, будто там разбросаны собачьи лакомства.

Пораженная тишиной, напоминающей о церкви, в которую они ходили на похороны дедушки, Грейси заходит в круг.

По его краю стоят замшелые каменные столбы, они будто люди, обратившиеся в камень прямо в лесу. Один, два, три, четыре, пять... десять!

Грейси с Арчи обходят поляну, словно стрелки на циферблате странных старых часов из земли и камней. Круг за кругом. Маленький холм будто заставляет так поступать, непонятно почему.

После трех полных оборотов Грейси кладет Уоддлса на ближайший камень. Затем садится на соседний, самый низенький.

– Здесь наша избушка. А это наши стулья.

Между камнями в блестящих горшочках растут красные цветы. Грейси заглядывает внутрь ближайшего горшка и замечает маленький череп. Она достает

его и засовывает в карман.

Один камень больше остальных и стоит в центре открытой небесам тихой поляны. Он напоминает Грейси стол, за которым стоит священник в церкви. Алтарь. Срезанные цветы разноцветным париком покрывают его поверхность.

Привлеченная их обилием, Грейси подходит ближе.

Камень сверху плоский и, должно быть, стоит здесь в память о ком-то.

– Уоддлс, тут кто-то умер.

Арчи скулит и не идет за ней к камню.

Грейси смахивает цветочные стебли и обнаруживает, что на валуне есть углубление. Внутри него, будто обьевавшиеся слизни, ползают шумные мухи. Они возятся в черных пятнах внутри «чаши».

Грейси морщит нос, а когда отходит, слышит голос и подпрыгивает, словно кто-то подкрался к ней сзади и крикнул: «Бу!»

«Голос. Или это у тебя в голове? Голос или просто твои мысли?»

Ей словно протерли лицо изнутри холодной фланелью. Грейси чувствует, как отливает кровь, а голова кружится, точно она резко встала после того, как долго сидела со скрещенными ногами.

Некоторое время она вся дрожит, затем шок проходит. Теперь ей кажется, что голос звучал скорее внутри ее головы, а не снаружи. Постепенно страх сменяется любопытством и желанием узнать, кто же это говорил, ведь голос не был злым.

Вот он снова, и звучит так, будто какая-то леди шепчет за деревьями. Или, может быть, за камнями, или даже внутри холма. В нем может оказаться окошко или дверь.

Грейси отвечает на вопрос леди. Или, возможно, это всего лишь навязчивое ощущение, что ей следует представиться.

– Грейси, – говорит девочка и привычно выдает информацию, которая, по ее мнению, интересна всем незнакомым людям. Называет свой адрес. А дальше: – Я учусь в школе. Мой класс называется «Пескарики». Мою учительницу зовут мисс Коллинз.

Вокруг никого. Грейси снова сомневается, что слышала голос леди за деревьями. Возможно, все было только в голове и она сама вообразила чьи-то слова? Пока она пытается понять, могут ли голоса просто возникать в голове, леди удаляется все дальше, но не исчезает за деревьями, а проникает глубже в уши Грейси.

Вопросы обрушиваются на нее журчащим фонтаном, и появляется ощущение, будто кто-то смотрит на ее лицо изнутри. Она точно знает, что сказать, потому что чувствует этот взгляд, даже не видя глаз.

«Ты потерялась?»

– Нет. Мы сюда переехали. Я живу внизу в доме с мамой и папой.

«Может ли маленькая собачка укусить?»

– Он нормальный. И никого не кусает.

«В твоём доме есть братья или сестры?»

– Нет, только мама, папа и я.

«Кто так шумит?»

– Мой папа. Он все чинит. Он умный.

Из-за холма раздаётся другой голос. В нем нет ни музыки, ни очаровательного шепота. Он резок, громок и очень быстро приближается.

– Нет. Нет. Нет.

Грейси задерживает дыхание. Оборачивается.

И видит соседку со стрижкой, напоминающей рыжий мотоциклетный шлем. Старуха крадется к ней с вытянутыми руками. Ведьма со странными волосами.

Грейси отступает, словно ее ноги задремали.

На ее плечах смыкаются тонкие холодные пальцы. Старуха смотрит не на Грейси, а через ее плечо, будто увидела на поросшем травой холмике привидение.

Взгляд сердитых голубых глаз опускается на Грейси.

А вот и сосед с такой же странной причёской клоуна. Он нервно расхаживает на краю поляны, будто Арчи у входной двери, когда ему нужно сделать «свои дела».

Мужчина пытается улыбнуться Грейси. В его «бороде Санта-Клауса» темнеет рот. Кажется, будто сосед сосал лакрицу.

Грейси плачет. Чужаки спугнули леди с мягким голосом, которую можно было слушать весь день. Из-за соседей Грейси чувствует себя в беде. И теперь она так

напугана, что ее тошнит, а голова делается пустой и кружится. Еще немного, и сдуется, как воздушный шарик на ветру.

– Я ничего не делала. И ничего не брала, – хнычет Грейси. Череп в ее кармане кажется тяжелым, как кирпич. – Мои мама и папа, – добавляет она, чтобы хоть как-то защитить свои трясущиеся коленки.

Ведьма не слушает. Она оглядывает поляну, кого-то высматривая.

– В круг нельзя. Никогда не заходи внутрь круга, моя дорогая, – говорит старик с головой менестреля с картинки из книги сказок.

На соседе желтые брюки, а Грейси никогда раньше не видела, чтобы мужчина носил брюки лимонного цвета. Это настолько отвлекает ее от собственных страданий, что она начинает гадать: не женские ли на нем штаны? У нее самой есть желтые. Может, старик не знает, что это женские брюки, и надел их по ошибке. Его жена, наверное, тоже ошиблась, потому что на ней мужская одежда.

Красноватая копна волос наклоняется вперед. Глаза у соседки цвета треснувшей голубой чайной чашки, покрытой сердитыми красными червячками. Ее лицо сморщенное, будто мокрая простыня, которую только что вытащили из стиральной машины. Соседка очень злится, свою школьную учительницу Грейси никогда такой не видела.

– Уходи. Уходи. Вон! – говорит старуха. Она утаскивает Грейси от алтаря по огибающей холм тропинке и выводит из круга.

Дергающие руки и злобное лицо – это слишком, теперь Грейси ревет и не может думать ни о чем, кроме мамы, к которой отчаянно хочет прижаться. Из-за рыданий у нее не получается нормально дышать, а еще кажется, что земля под ногами исчезла и Грейси уносит прочь от всего, что делает ее счастливой.

Она помнит картинки и отрывки из фильма, который показывали в школе. О том, как говорить с незнакомцами, у которых в машинах есть сладости, и мужчинами, которые заходят в твое «личное пространство». Теперь, кажется, слишком поздно все это вспоминать, и ее мысли разлетаются вспугнутыми птицами.

Сосед наклоняется, его заросшее уродливое лицо слишком близко и проникает сквозь панику и замешательство Грейси, чтобы разжечь их еще сильнее. От его дыхания пахнет прудом, а зубы цвета коричневого риса торчат вперед, будто у акулы. Как он может жевать такими зубами? Старик улыбается, глаза у него искрятся, они могут казаться добрыми.

Он касается мягким пальцем щеки Грейси.

– Ты не должна ходить в эти леса, моя маленькая пуговка.

– Они кое-кому принадлежат, – говорит соседка и отпускает ее плечо.

– Да, кое-кому очень старому, и ей нужно спать.

Арчи скулит у ног Грейси, и ведьма-соседка смотрит на него так, словно только что наступила на одну из горчичного цвета какашек щенка.

Сосед смотрит на спаниеля и кривится, будто случайно съел чеснок, спрятанный в соусе для спагетти, хотя папа обещал не класть его в еду.

– И открою тебе секрет, – говорит соседка с прической-луковицей. – Она не любит собак. Это ее дом, и она не хочет, чтобы ее беспокоили. Ты понимаешь?

Грейси кивает. Она согласится на что угодно, лишь бы ее отпустили. Как в тот раз, когда мальчишки на велосипедах приехали на игровую площадку и подрались друг с другом, сбив с ног нескольких малышей.

Вдалеке ее зовет мама очень высоким и визгливым от беспокойства голосом.

Старик снова улыбается.

– Иди. И собачку забери.

Ни Грейси, ни Арчи не нужно просить дважды. Они бегут прочь от круглой тропинки в траве, от холма, от странного голоса и от ужасных колдунов-соседей с цепкими руками, странными волосами и вонючим дыханием. Только игрушечный пингвин Уоддлс остается возле холма, камней и красных цветов.

Позже Грейси представляет, как он, наверное, смотрел ей вслед, сидя в одиночестве на каменном стуле.

- Все уже закончилось, милая. Мама не хотела кричать. Она просто переволновалась. - Фиона, закрыв глаза, прижимается щекой к макушке Грейси. - Держись подальше от леса. Можешь вместо этого помогать нам приводить в порядок дом и сад.

Грейси сидит на табурете, сморкается и вытирает последние слезы. Она прижимается к матери и получает от этого огромное удовольствие, смешанное с жалостью к себе из-за испуга и из-за того, что ее отругали. Фиона крепко обнимает дочку. Гладит маленькую спинку. Целует в лоб.

Том ополаскивает в раковине свинцовую табличку, которую Арчи и Грейси выкопали в саду. Подняв эту вещь к свету, он изучает ее поверхность и проводит кончиками пальцев по странным отметинам, а затем кладет на кухонную столешницу рядом с черепом кролика, который вытащил из кармана дочки.

- Очень старая. - Он говорит сам с собой, но хочет, чтобы услышала Фиона.

Та не отвечает. Том, отряхивая мокрые руки, оборачивается и кивает на стену.

- Они не владеют лесом. Это общественная земля.

Фиона бросает на него пристальный взгляд, но Том настаивает на своем и обращается к Грейси негромким голосом:

- Лес и твой тоже, мой орешек. Мы в основном из-за него переехали. Чтобы ты росла среди деревьев. Дышала чистым воздухом.

Фиона делает глубокий вдох.

- Подумай об этом хорошенько, дорогой. Не самое подходящее время.

- Она просто испугалась.

- Больше не ходи туда без нас, - бормочет Фиона в волосы дочери, оттесняя Тома в сторону.

Из Грейси рвется новая волна отчаяния:

- Уоддлс там потерялся! Ему холодно, и он плачет по мне! - Большая слеза падает на предплечье Фионы.

Том устало отталкивается от столешницы и потягивается.

- Папа его найдет. Я схожу. Только нужно найти фонарик.

Роясь в одной из множества картонных коробок, которыми заставлен пол, он не может удержаться, чтобы не взглянуть на жену и не кивнуть в сторону соседей.

- Забор. Плющ. Бьют в эту чертову стену каждый раз, когда я включаю дрель. Машины их гостей. Теперь лес. Что дальше? Мы должны попросить их все записать. Я не могу за ними угнаться.

- Не обращай внимания на этих чудиков. Просто выбрось их из головы.

- Они с этим совсем не помогают.

- Сосредоточься вместо них на сырости наверху, там все гораздо хуже, чем казалось. Сосредоточься на проклятом электрическом щитке. На течи под ванной. И на том, как мы будем платить за новую плиту с моей зарплаты, пока твой телефон молчит. Еще могу себе представить, сколько запросит следующий ремонтник, когда посмотрит нашу крышу. Так что я больше не хочу слышать о шоу уродов по соседству.

Уязвленный, пристыженный, не уверенный, сердиться ему или отступить перед голосом разума, Том отводит взгляд от разгневанного лица жены. Не так-то просто рассуждать здраво, когда в комнате, забитой коробками и ящиками, инструментами, мебелью, фотографиями, картинами, утварью, кипят эмоции; этот хаос теперь создает и символизирует их существование. Еще ни один предмет не нашел своего места. Вещи толпятся, точно парии, на ограниченном пространстве, создавая ощущение то ли бегства, то ли переселения. Нелепая ситуация, Том не рассчитывал, что она продлится так долго. Целую неделю они втроем спали в одной постели. В голове невольно появлялись сравнения с семейством крестьян из черно-белого фильма, которые забились в угол лачуги и молятся о наступлении утра.

Тому не удалось пока закончить черновую работу ни в одной из комнат, не говоря уже о том, чтобы хоть какую-то отделать. Он лишь сделал их еще непригодней для жизни.

«Не все сразу, шаг за шагом. Пингвин. Сказка для Грейси. Выпить с Фионой.

Посидеть и разобраться друг у друга в голове. День был долгим».

Том, прищурившись, смотрит в окно, вглядывается в темноту, сырость и холод, в которые сейчас должен отправиться. Последнее место, где он хотел бы оказаться. Сквозь размытые отражения жены и дочери в грязном стекле он различает горбатый силуэт леса, выведенный черной тушью на фоне закопченного неба.

Том поворачивается, чтобы положить свинцовую табличку, но тут понимает, что уже сделал это, хотя по-прежнему ощущает в пустых руках ее прохладную тяжесть. Вот табличка – на подоконнике, рядом с грязным черепом.

Боже, как он устал. Том моргает, чтобы изгнать из глаз отпечатки мороков. Остаточные образы. Плавающие в глубине зрения кольца дыма, то ли сопровождающие, то ли провоцирующие отвратительное ощущение, что он застрял. Ощущение, от которого сжимается кишечник.

Том качает головой и смотрит на выцветший линолеум, но ловит себя на том, что ему слишком легко вообразить годы безуспешных стараний и беспокойного хождения туда-сюда, из-за которых, наверное, и истерся кухонный пол. Вообразить, как столетие назад или даже больше кто-то копал землю, закладывая фундамент дома.

Том трет лицо и вздыхает. Воздух покидает его тело, словно остатки сил.

Треск дерева снаружи, совсем неподалеку, возвращает его в настоящее. «Соседи? Колют дрова в темноте?» Этот звук периодически повторялся с тех самых пор, как его семья вернулась в дом. Едва исчезли последние лучи солнца.

Том приближает лицо к окну, но видит не столько улицу, сколько отражение кухни за спиной. Его взгляд возвращается к открытой двери и проходу за ней. Образ, норовящий, словно коридор в ночном кошмаре, привести прямоком к белому электрическому шнуру, подсвеченному новой лампочкой.

Именно там покончил с собой прежний владелец.

Неужели потребность в доме ослепила настолько, что заставила отмахнуться от этого обстоятельства? О чем он вообще думал? Фиона проплакала целую неделю, Том никогда не видел ее такой несчастной. Такой напряженной из-за всего этого. Соседи у них какие-то ублюдки. А теперь и Грейси получила травму. Это уже слишком.

«Хватит!»

Сейчас они очень далеко от всего, что знали, от своего времени и места в мире. От того унылого и бессмысленного города, в котором застряли, не реализовавшиеся и не оправдавшие надежд. Но, по крайней мере, город был им знаком. Здесь же они превратились в ничто. Том постоянно измотан, он бессмысленно кружит вокруг разрушенной оболочки здания. Всю неделю поднимал и опускал вещи. Терял инструменты. Забывал последовательность работ в тщательно распланированном ремонте и при этом слишком долго простаивал, разглядывая грязные стены.

Он столько времени и энергии потратил впустую, маниакально воображая будущее домашнее блаженство – эдакое лекарство от постоянного страха за то, что нарушил границы этого бессердечного места. Откуда это все? Ведь совсем на него не похоже. Но как дом может стать привычным, если в нем столько старых, угнетающих реликвий? Повсюду. В каждой комнате, куда ни попади, постоянно оживают отблески прошлого, сама атмосфера наводит на мысль о единодушии, о том, что здание не может измениться. Всю неделю жуткие мысли о быстротечности жизни сдавливали горло меланхолией. Словно Том стал восприимчив к странному осознанию того, что в прошлом это место было связано с множеством жизней. От которых не осталось ничего, кроме выцветших обоев и истертых полов. Загадочных символов отчаяния.

Возможно, люди здесь жили только из упрямства. Затем умирали, возможно надломившись, как тот самоубийца. Слабому свету нового дня не стереть эти шрамы.

Чтобы он почувствовал себя еще хуже – Том в этом уверен, – ему несколько раз снился один и тот же сон, который уже начал казаться привычным: пожилая, полубезумная женщина копается в мусоре на их темной кухне. Она что-то бормочет, а ее обступают одинокие, отрезанные от всего мира люди из других времен, устремляющие скорбные взоры на беспокойный лес за прогнившим забором.

Том усердно трет глаза и лицо, пытаясь избавиться от ужасного,

непреодоляющего ощущения инфекции. Будто, едва лишь переступив порог этого старого дома, он чем-то заразился.

Сияние невинности Грейси слишком слабо, чтобы изгнать отсюда трагедию.

«Перестань! Ты этого не знаешь».

На другом конце комнаты, сквозь собственное сопение и шиканья его жены, Грейси выпаливает:

– Уоддлс боится леса! Он совсем один в темноте!

Том снова засовывает уставшие ноги в присыпанные опилками ботинки.

За дверью черного хода его ждет холодная, темная земля.

Почти возле самых ворот у Тома возникает странное ощущение, что сад стал просторнее, чем при свете дня.

Он включает фонарик, и одного взгляда оказывается достаточно, чтобы понять: в эту часть сада действительно недавно внесли изменения. Несколько секунд Том не способен ни на что, он лишь таращится на уничтоженные панели забора.

Затем освещает фонариком то, что напоминает выброшенный на берег плавник посреди заросшего сорняками сада. В его дальнем углу три панели забора просто растерзаны на части, деревянные рейки превращены в щепки. Из двух срубленных столбов торчат ржавые гвозди. Варварское разрушение. А в том, с каким упорством и силой обломки потом перебрасывали через границу участков, Том интуитивно видит злой умысел.

Стоя на опустевшей и более свободной, чем днем, границе двух домов, он вспоминает треск дерева, который слышал на кухне. Пока промывал металлическую табличку, успокаивал испуганную четырехлетнюю дочь и думал, что кто-то рубит здесь дрова. А это был его забор. Ветхий и, возможно, опиравшийся на деревья соседей, но все же стоявший сегодня.

Том поворачивается к дому Мутов и освещает лучом фонаря их симметричный сад, окутанные сумерками аккуратные холмики. До красной кирпичной кладки свет почти не дотягивается, но несколько окон мерцают отблесками, а белый брус упрямо сияет яркостью пряничного домика. Пазл с деревенской идиллией, мелькнувший в темной комнате. Хотя теперь силуэт идеальной крыши соседей напоминает Тому высокую шляпу пуританина – солидного, самоуверенного, неодобрительного.

– Ублюдки.

Он со страданием вспоминает эту карлицу – миссис Мут, которая вскидывает в воздух руку, протестуя против сломанных заборов в их деревне. Его забор разрушен по ее указке.

У Тома перехватывает дыхание и кружится голова. На лбу высыхает холодный пот, а внутренности извиваются теплыми змеями. Он испытывает неодолимое желание бросить камень в дом Мутов и даже оглядывается по сторонам в поисках подходящего снаряда. Достаточно тяжелого, чтобы смог долететь.

«Пингвин. Фиона».

С решением проблемы разрушенного забора придется подождать. Но он до нее доберется. И до них. Утром.

Том собирается сделать шаг в сторону леса, но его ботинок цепляется за ржавый гвоздь, спрятанный в высокой траве. Ловушка для ног его маленькой девочки и лап щенка. Лицо Тома снова обжигает гневом, который переполняет его сердце.

Приходится приложить волю, чтобы идти дальше. Но даже тогда он не добирается до леса, поскольку теперь замечает привинченные к калитке распятия.

– Какого хрена?

Очередной символ беспросветно безумной истории этого места. «Неужели их вкрутил самоубийца? Зачем?»

Том был настолько занят разбором комнат, что до сих пор не отходил далеко от дома. А сейчас потерялся Уоддлс, и нет времени отвлекаться на что-то другое.

Том ныряет в лес и светит слабым лучом фонарика под ноги, осторожно ступая между колючими вьющимися стеблями и крапивой.

Бледный свет разбивается о кустарники по сторонам тропинки, морозным узором ложится на листья, натывается на переплетения побелевших веток и сотканые из нитей смолы «пасти».

Сколько ни светит Том на грязную тропинку в поисках замызганной фигурки потерянного пингвина, не находит никаких его следов. Хотя в конце концов обнаруживает что-то еще и вскоре присаживается на корточки, чтобы осмотреть грязь там, где дорожка расширяется.

Необычные следы наводят его на мысль: уж не пасутся ли в этих лесах коровы или овцы с ближайшей фермы? Только вот разве их копыта оставляют такие отпечатки? Похожие то ли на две запятые, то ли на перевернутые слезы. Тому это

неизвестно, но следы повсюду, будто недавно кто-то здесь топтался, впечатывая в почву свои большие ноги.

В других местах Тому удастся разглядеть рисунок с подошвы ботинок Грейси. Следы идут в обоих направлениях: там, где она вошла в лес, и там, где выбежала в слезах. Но отпечатки животных свежее, они стерли большую часть следов дочки.

Муты велели Грейси держаться отсюда подальше. Они, наверное, считают лес своей собственностью. И если подобного абсурда недостаточно, то теперь есть еще одно свидетельство агрессивного присутствия соседей в жизни Тома и его семьи. Забор разрушен, а на пороге сада топталось животное.

Том строил на этот лес такие большие планы. Семейные пикники, походы с Грейси по здешним тропам, прогулки с собакой, сбор ягод время от времени. Он хотел, чтобы его семья свободно бродила по этим просторам и наслаждалась ими.

Том идет дальше, направляя луч фонарика на тропу между деревьями, пока не теряет звериные следы. Но кто-то четвероногий определенно пробежал здесь, прежде чем скрыться в подлеске. В том месте, где следы исчезают, Том опускается на одно колено и вглядывается в кустарник.

И сразу же чувствует зловоние экскрементов.

Ему не требуется много времени, чтобы заметить кучу цвета кровяной колбасы, но неприятно человеческую на вид. Один край кучи расплюснулся у него под коленом. Том раздавил корку чего-то сочного и миазматического, пахнущего гораздо хуже собачьего дерьма.

- Ох, ради всего святого...

Сквозь джинсы проникает ощущение влаги. Том не только вляпался в кучу коленом, но и прикоснулся к ней рукой. Он вскакивает и ударяется головой о ветку.

- Черт.

Том безнадежно смотрит вперед, на то немногое, что еще видит впереди. Совсем немного. Остальное пространство утопает в зелени, достаточно колючей, чтобы в такой темноте выколоть себе глаз.

Он решает прекратить поиски, и только теперь, забравшись глубоко в лес, но решив вернуться в дом, чувствует, как его ощущения резко обостряются из-за того, что за ним наблюдают. С обеих сторон тропинки.

Поводя фонариком по сторонам, Том ищет подтверждения того, что на самом деле он один. Однако сразу понимает, что после захода солнца фонарик в диком лесу только наводит на мысль, что кто-то действительно следит за тобой из-за пределов досягаемости слабого луча.

- Я вернусь утром, Уоддлс.

* * *

Ссутулившийся и побежденный, Том вваливается в дом через черный ход. Запах мокрого сада окутывает его точно древесный дым.

Фиона сидит на табурете и стучит по клавишам ноутбука. Она не поднимает глаз, пока ее муж пытается одной рукой снять ботинки, дергая, а затем разрывая шнурки. Вторую руку он держит поднятой, будто хромое животное, но в конце концов теряет равновесие, валится и ударяется плечом о стену.

Ботинок все-таки слетает и катится по линолеуму, выцветшему от мириад ног и солнечных лучей. Обычно Том ловко снимает обувь и ставит ее рядом, в сторонку.

У раковины он дергает кран, вызывая дрожь в зашитых трубах, дом точно стонет от боли. По всей его артериальной системе воздушные карманы, которые ограничивают «кровоток» и вызывают судороги, от них дребезжат балки и стучат кирпичи. Дела с водопроводом обстоят сейчас гораздо хуже, чем неделю назад, когда они только приехали.

«Еще и это. Небольшой перерыв - все, что мне нужно».

Из крана вытекает струйка молочно-белой воды.

Том отворачивает вентиль полностью. Стук капель не усиливается.

- К черту! - Он сует перемазанную в фекалиях руку под жалкую струйку.

- Нашел? - устало спрашивает Фиона. Взгляд она не поднимает.

- Слишком темно. Он может быть где угодно. Там же много миль. Зайди на Ebay.

- Уже занимаюсь. Уоддлс Четвертый должен прибыть через два дня. Экспресс-

доставка.

- А знаешь что? Угадай, что они сделали. Парочка хамоватых ублюдков-соседей. Фиона не пытается угадывать.

Из-под раковины раздается хлопок, и из крана, наконец, хлещет вода.

- Они разрубили панели забора. В конце сада. Просто вышибли их!

Фиона поднимает взгляд, но вспышка мужа ее не трогает.

- Там все провисло, дорогой. Дыхни на этот забор, и он рухнет.

Том тычет мокрым пальцем в стену, которая соединяет их с Мутами.

- Фи, они его сломали! Чтобы набрать себе ничтожных баллов. - Он делает вдох, чтобы не задохнуться от гнева, дергает вентиль, перекрывая поток воды. - Это был наш забор... Представь, что ты бы так поступила с новыми соседями... Я не могу понять почему.

- Деревенская жизнь. Не то чтобы нас не предупреждали.

Том закрывает глаза, чтобы собрать внутренние силы - крошечную пожарную команду разумных мыслей, которая часто требуется, чтобы погасить пламя ярости. Он не хочет, чтобы тлеющие эмоции обострились и переросли в ссору с Фионой.

А ее внимание переключается на испачканное колено мужа.

- Что за запах? Это дерьмо?

Вокруг старого, сумрачного дома царит тишина. Тяжелая черная пелена ночи без малейшего проблеска света окутывает здание, словно птичью клетку. Само время будто замедляется, а далекий мир, который они знали прежде, летит по ускорившейся орбите. Иногда Тому кажется, что он чувствует, как тот, другой мир уходит все дальше, оставляя их на произвол судьбы.

Сквозь стену, отделяющую их от соседей, не проникает ни звука. Но этот покой Том намерен разрушить с помощью электродрели, которую сжимает рукой в перчатке точно орудие убийства.

Они презирают его семью. Им знакомо лишь презрение к его дому. Отчего так, остается только гадать. Возможно, Муты – снобы. И завидев его, Фиону и маленькую Грейси, наверное, отшатываются и морщат лица. Возможно, считают новеньких невоспитанными выскочками, купившими сельское поместье на аукционе.

Но в его семье нет ничего кричащего, вычурного или аляповатого. Пошлого или чрезмерного. Грубоватость? Немного есть, но чья в том вина?

«Вы топчете гвоздики!»

Семья из рабочего класса, обычная, но образованная, которая ездит на старых машинах и почти сводит концы с концами. Но в наш одержимый статусом век, возможно, именно к этому сводятся все предрассудки: к чистой социальной конкуренции. Соседям необходимо ощущение, что они выше по положению.

«Надеюсь, вы можете себе это позволить? Ваш первый дом, не так ли? Немного поздновато, а? Надеюсь, у вас глубокие карманы».

Или дело в чем-то другом? В вопросе границ? В провинциальных предрассудках против чужаков, у которых нет здесь корней?

«Позор! У нас в деревне нет сломанных заборов».

Какими бы мотивами ни руководствовались соседи, когда разрушали забор и пугали Грейси, Том сомневается, что однажды состоится разговор, где раскроется правда о том, почему Муты испытывают такое отвращение к его семье. Чтобы разобраться в причинах их гнева, требуется время, терпение и энергия, которых Тому не хватает. И с какой стати он должен задабривать Мутов, налаживать мир, считаться с ними, ломать шапку или выпрашивать одобрение? Последний домовладелец и агентство недвижимости истончили его дипломатичность до толщины папиросной бумаги. И этот депозит уже не вернуть.

Он должен ответить на дневные поправки прав.

«Время пришло».

Если у вас имеются соседи, то момент, когда можно воспользоваться дрелью, уже прошел. Том это знает. И теперь, стоя перед разделяющей его и Мутов преградой, он чувствует, как власть над ним из всех сил пытается себе вернуть врожденная сдержанность, сильная и неизменная общепринятая вежливость, которая укоренилась в нем и запрещает подобное поведение. Соблюдение условностей, желание не беспокоить и не раздражать других всегда диктовали ему свою волю. Так его воспитали. К тому же может проснуться Грейси, так что вешать сейчас полки – глупая затея.

Однако эта безотчетная нерешительность заставляет Тома почувствовать себя еще ничтожней, чем после возвращения из леса с пустыми руками. Его ноги стали как-то тоньше, а сердце трусливей. Одно из самых худших ощущений, которые может испытать человек: волокна увядают, соки протекают, взгляд опускается, плечи сутулятся.

«Нет!»

Он вошел в комнату, вооруженный для боя, и должен биться. Нужна шумная, недобрососедская схватка. Нужно отомстить за забор, немедленно и весомо. Этикет здесь не поможет. После нанесенного удара Муты начнут позволять себе все больше и больше вольностей перед лицом его пассивности. Люди вроде них действуют именно так.

Свежие и неприятные впечатления об этих людях клокочут в его голове: их отвратительные лица и нелепые прически, злобные замечания, от которых у него напрягается спина, снисходительность и ухмылки, собственническое отношение к

границе участков, оскорбления, брошенные в сторону его дома...

«Они довели Грейси до слез!»

Между двумя громкими ударами сердца пьяное электричество проходит через его нервную систему. Врывается в его мысли веселыми, безумными гончими, способными на мелкие пакости, и Том выравнивает металлическую скобу на темном участке стены. Напрягает мышцы предплечья, чтобы вес дрели не ослабил жесткость запястья, и прицеливается.

Саморез входит в стену, словно карандаш в мягкий сыр, а руки, легкие, зубы и ступни Тома чудесно гудят от скучной, разрушительной силы, которая сотрясает его руку.

Второй саморез вкручивается заподлицо.

Кронштейн установлен прямо. Хорошая работа. Он создает дом. Их дом.

Том находит метку и начинает прикручивать вторую скобу.

После того как третий саморез ввинчивается до упора и стихает звенящий в ушах вой мотора, по комнате разносятся удары с другой стороны стены.

Хлоп. Хлоп.

Удары быстро становятся ритмичными, решительными. «Кулаком или ладонью?» Кажется, прозвучал даже намек на повышенные тона. Да, определенно только что раздалось: «Эй!» Маги возмущен. «Какой стыд!»

Шлеп, шлеп, шлеп другой рукой, поменьше. Ее рукой.

Подбадривая друг друга, доведенные до ярости соседи начинают колотить по стене. Сочные удары сопровождаются приглушенными, нечленораздельными криками, но те едва проникают сквозь костяк каменной кладки, мышцы планок и кожу штукатурки.

Том стискивает оскаленные зубы и готовится закрепить скобу вторым винтом.

Позади него, щелкнув, открывается дверь.

– Какого черта ты делаешь?

Фиона стоит на пороге, скрестив руки на груди. Она собирается заговорить, но замолкает, прислушивается к шуму, доносящемуся из-за стены.

Затем выражение ее лица смягчается до примирительного, и Том понимает, что его жене наплевать на безрассудное опьянение в глазах мужа.

– Том. Уже становится поздно.

Он пожимает плечами.

– Просто вешаю пару полок. Потом закончу.

– Полагаешь, для одного дня было мало огорчений? К тому же ты разбудишь Грейси.

Том поднимает дрель. Смотрит в потолок. Тишина.

– Я быстренько.

Фиона разворачивается и закрывает дверь с решимостью, которая заставляет его передумать и отказаться от продолжения.

Хлопки и рев уже стихли, сменившись напряженной тишиной. Том почти ощущает ее, словно кто-то стоит слишком близко и смотрит ему прямо в лицо. В мыслях возникает образ миссис Мут, ее обычная гримаса, скрытая нелепой копной волос. Если остановиться сейчас, Муты решат, что они выиграли еще один раунд.

Том прислоняет линейку к стене, огрызком карандаша делает отметку – мишень для шурупа. Готовит дрель и шепчет:

– Иду на вы.

Вращающееся сверло вгрызается в стену и разбивает любые шансы на мир.

По ту сторону пропасти соседи пытаются пробиться к нему, будто замурованные в нише пленники. Они тщетно выбивают еще одно беспорядочное стаккато хлопков. Напыщенный тон Маги становится громче.

Том смеется.

«Но ведь мы всегда делали правильный выбор, не так ли, моя дорогая? Разные стандарты».

Том заглушает шум соседей как вокруг, так и внутри себя. А почему бы не прикрутить еще один кронштейн на четырех саморезах? Непохоже, что здесь не повесить еще одну полку.

Когда работа наконец завершается, Том стоит перед аккуратным рядом из трех полок.

На фоне маслянистого запаха напряженных усилий дрели он не уверен, испытывать ему облегчение или разочарование от того, что Муты так и не явились лично и не постучали во входную дверь. Появилась бы возможность рассказать им о заборе и расстроенной дочке. Но ничего. Никакого абордажного отряда, никаких факелов и вил, никаких закатанных рукавов. И уже некоторое время никаких приглушенных криков или хлопков старческими руками. За стеной тихо. Том ухмыляется. Прогресс.

Торжествуя, как человек с заряженным пистолетом против безоружного врага, которого застал врасплох контратакой, он поднимает дрель и в последний раз нажимает на спусковой крючок.

В ответ на это издали раздается тоненький голосок:

– Мамочка! Почему папа сверлит?

Том выключает дрель, но когда стихает шум мотора, слышит в комнате по другую сторону стены новый звук: что-то вроде тихого топ-топ-топ босых ног.

Похоже, Муты, даже перестав кричать и стучать, не удалились в постель. Напряженные и бормочущие или разъяренные и дергающие себя за средневековые стрижки, они по-прежнему на позициях.

Том придвигается ближе, прижимается ухом к стене. Он чувствует себя нелепо, но ему крайне любопытно, как отреагируют соседи. Что это, топот?

Вот снова: пара ног кружит по твердому покрытию. Стук-шлеп, стук-шлеп, стук-шлеп, круг за кругом. Должно быть, в той комнате деревянные полы. И, видимо, соседи кричат, хотя из-за стены и пустоты в этой комнате голоса Мутов напоминают кваканье и визг. В тоне кого-то из них особенно неприятная резкость, будто человек заставляет себя жестоко хохотать.

Ошарашенный не менее, чем от встречи с сумасшедшим незнакомцем на улице, Том испытывает приступ дискомфорта. Он пытается игнорировать эту перемену в себе – от триумфа к тревоге – и снова дивится акустике в этих старых зданиях.

В комнате соседей продолжается топот, но между ударами ног по полу возникают длинные паузы, из-за чего Том представляет, что теперь кружат не семенящие, а вышагивающие ноги. Или они перепрыгивают с места на место со скоростью, превышающей возможности всех, кроме олимпийцев.

Шаги внезапно смолкают, наступившая тишина набухает и затягивается так надолго, что Том успевает оглядеть комнату, словно стараясь убедиться, что стены выдержат. «Выдержат что? Не будь дураком».

Даже новая лампочка едва рассеивает сумрак в комнате. Глубокая тьма исходит от самих стен. И так в каждой из передних комнат, даже днем. Том никогда раньше не сталкивался с таким нездоровым полумраком в помещениях. В комнатах будто царит суровая убогость пережившего войну мира. Цепляющиеся за все меланхолия, серость, уныние, безнадежная покорность трудных времен.

Они подумывали устроить тут столовую, но ты никогда не разглядел бы то, что у тебя в тарелке. В квартире семья Тома привыкла есть перед телевизором. Целая комната для приема пищи кажется им чем-то захватывающим и новым, но в то же время нелепым и анахроничным.

А еще они не могут привыкнуть к такому простору внутри дома. В их квартире были две маленькие спальни, кухня, больше подходящая для трейлера, туалет, который был бы уместнее в игрушечном домике. Том заметил, что Фиона робко заглядывает в помещения этого дома, словно удостовераясь у их владельцев, можно ли ей войти. Грейси не перестает бегать по комнатам, точно она на улице. Но боится оставаться слишком далеко от родителей и часто прибегает обратно, откуда бы ни начинала свои экспедиции, бросается им в объятия, почти рыдает. Говорит, что «заблудилась».

И тут словно его оценка комнаты подстегивает злые наклонности тех, кто живет за стеной, – странные звуки возобновляются. Но теперь звучат ближе к полу, почти у самых ног. Том отходит от стены.

Он уверен, что у Мутов нет собаки или какого-то другого домашнего животного. И они не фермеры. Но царапанье у основания стены напоминает о когтях Арчи, когда тот скребет заднюю дверь, отчаянно стараясь выбраться в сад. Да, звуки волнения наводят на мысль о возбужденном животном, крупном и четвероногом, которое пытается пробиться на эту сторону.

Том отступает еще дальше и кладет дрель на верстак. Затем уже в дверном проеме с ужасом и восхищением смотрит на стену, ожидая, пока царапанье прекратится.

Некоторое время он остается на месте, поскольку то ли разламывание, то ли разгрызание плитусов не прекращается. Как и неистовое кружение жестких лап. Это все равно, как если бы один из Мутов скреб стену вилкой, а другой топтался бы по замкнутому пространству в обуви на деревянной подошве.

Тому хочется, чтобы Фиона пришла и услышала это, но она, ясное дело, не пойдет. К тому же не стоит снова провоцировать жену. Так что Том просто закрывает дверь, за которой не утихают топот невидимых ног и царапанье, и бредет прочь, стыдясь взгляда, против воли брошенного через плечо. И еще одного.

У подножия лестницы Том отводит глаза от свисающего с потолка белого кабеля. Приходится подавлять жуткий всплеск собственного воображения, подсказывающего, что он только что сделал ситуацию гораздо хуже, чем она была.

Едва Том выключает машину для шлифовки пола, раздается перестук шпилек по потертым ступеням. Мгновение спустя появляется Фиона в своей униформе: темно-сером костюме, блузке с принтом и бейджиком, туфлях на высоком каблучке. Она сделала прическу и красивый макияж. Первый рабочий день в банке после недельного отпуска, взятого для переезда.

Том присвистывает. Рукой в перчатке сдвигает защитные очки на лоб, а оттуда в волосы. Его лицо, джинсы, толстовка с капюшоном и рабочие ботинки покрыты древесной пылью.

– Ты когда-нибудь фантазировала о строителе?

Фиона приподнимает бровь, дерзко улыбается.

Наверху хлопает сиденье унитаза. Она поворачивается и хрипло кричит:

– Грейси! Почистила зубы? И если сходила по-большому, то должна смыть!

Том морщится.

– Иллюзия рассеялась.

Туалет наверху несколько раз лязгает. Затем слышится журчание, похожее скорее на струйку, чем на смыв, за которым следует хор стонов, эхом разносящихся между полом ванной и коридором.

Раздается топ-топ-топ маленьких ножек, после чего по деревянной лестнице с грохотом спускается Грейси. Фиона настороженно наблюдает за дочкой.

– Не так быстро. Ступеньки крутые. Ты к ним не привыкла, милая. – Накануне Грейси упала. Не пострадала, но перепугалась. – Помнишь, мама говорила, что мы далеко от скорой помощи. Нужно быть осторожнее.

Том чувствует в благоразумных словах жены укол обвинения, словно его укоряли в том, что он упустил из виду, когда настаивал на покупке дома, который, вероятно, большую часть года будет оставаться полной опасностей строительной площадкой.

Любое напоминание о том, сколько всего требуется, чтобы сделать дом пригодным для жилья, всегда сопровождается холодным призраком их финансового положения.

– Когда твой босс отвернется, набивай сумочку деньгами. Полтинниками. Никаких пятерок.

Грейси благополучно добирается до подножия лестницы.

– Ты нашел Уоддлса, папочка?

– Скоро найду, любовь моя. Сегодня. С ним все в порядке.

На миг Том и Фиона заговорщически переглядываются: экспресс-доставка не сможет прибыть достаточно быстро.

– Я слишком грязный, чтобы поцеловать тебя на прощание, орешек. Так что лови отсюда. – Том посылает воздушный поцелуй.

Не скрывая улыбки, Грейси отвечает еще более громким поцелуем.

Фиона слегка приподнимает подбородок и бровь, привлекая внимание Тома, затем кивает в сторону соседей.

– Не вздумай ничего испортить, пока я на работе.

– Даю тебе слово. Отныне это будет новая холодная война.

Том подозревает, что Муты не оставят стараний. Вероятно, станут досаждать со своей стороны границы. Такая закулисная тактика. Провокационные попытки пристыдить и запугать, чтобы заставить выполнять свои требования. Операции с преимуществом «своего поля». Но Том полагает, что от прямого столкновения соседи уклонятся. Легче стучать в стену, чем встретиться с кем-то лицом к лицу.

И все же его по-прежнему сильно озадачивает источник звуков, которые прошлой ночью раздавались у Мутов – царапанье, топот жестких лап. Это было первым, о чем он подумал, проснувшись утром, – о звуках, застрявших в его ушах. О шуме, чьего исчезновения он теперь желает, если не сказать настоятельно требует.

Фиона ищет на лице супруга признаки неискренности, а он думает, до чего же прекрасные глаза у его жены, когда накрашены и глядят строго.

– Вот именно. Радиомолчание, – произносит Фиона тоном, который слишком напоминает тот, что она использует, объясняя что-то упрямой Грейси. – Гранитный утес. Позволь другой стороне разобраться с этим.

Фиона разворачивается и жестом указывает Грейси на входную дверь.

Том наблюдает в окно, как его жена, покачиваясь, шагает по подъездной дорожке. Грейси идет следом и тянет время, срывая одуванчики. Она поднимает их к лицу и сдувает белые зонтики. Пытается поймать пригоршню.

- Думаете, я не знаю, что вы делаете? Все трое! Как вам это удалось?

Громкий голос соседа, затем еще один - его гостя. Взволнованные интонации миссис Мут тоже дают иногда о себе знать. То, что она говорит, Том не может разобрать из комнаты Грейси, хотя дважды соседка недобро усмехнулась.

Том пообещал Фионе, что не будет обращать на них внимания, и до этого момента сдерживался, игнорировал обмен репликами снаружи и отказывался подглядывать, сосредоточившись на множестве текущих задач. Инструкции из икеевских коробок разложены вокруг его ног подстилкой для винтов, заклепок, шестигранных ключей и его собственных отверток. Облицованная белым шпоном мебель для спальни вырастает, как на кадрах разрушения, прокрученных в обратную сторону. Они купили комод и книжный шкаф, чтобы сделать комнату Грейси особенной и компенсировать серьезные потери в ее маленьком мире.

Том хочет, чтобы, вернувшись ближе к вечеру домой - когда Фиона после долгого рабочего дня заедет за Грейси, а затем проведет за рулем еще сорок минут, добираясь до дома, - семья увидела его успехи. Поняла, что мечта оживает, что улучшения уже заметны, даже если происходят только в одной комнате. Для приведения этой комнаты в презентабельный вид потребуется работать целый день без перерывов и отвлекающих моментов. Но когда снаружи начинается скандалить мужчина, Том со стоном поднимается - у него хрустят колени - и придвигается к окну.

Внизу, на подъездной дорожке соседнего дома, дородный, взъерошенный тип с нечесаными волосами указывает пальцем на миссис Мут, чей подбородок дерзко вздернут. Маги, кажется, прячется в нескольких футах позади жены, заглядывая ей через плечо. К тому же тощий «менестрель» полуобернут к своему дому, словно готов вбежать внутрь, если противостояние перейдет на следующий уровень.

У Тома немедленно вскипает кровь при мысли, что кто-то сможет наехать на Маги так, как ему самому хотелось бы. Он представляет, как в костистое лицо врежется кулак, как пустеют блестящие глаза. Как от удара по ухмыляющемуся лицу начинают нелепо раскачиваться пучки белых волос, похожие на обвислые уши животного. Да, чтобы взглянуть на такое, Том даже заплатил бы. У него появляется искушение записать перепалку на телефон - вдруг начнется что-нибудь интересенькое, тогда потом это можно будет с наслаждением пересматривать снова и снова. Ему действительно нравится смотреть на YouTube ролики, где бьют воришек. Такие вещи заставляют его сердце биться чаще. У Тома в компьютере даже есть папка «Избранное» для этих самых актов публичного мщения.

Судя по изможденной фигуре, гость Мутов, похоже, спал прошлой ночью так же плохо, как и Том. Брюки и рубашка этого человека, возможно, никогда не знали утюга. Тем не менее он произносит слова аристократично и напыщенно, словно стоит за кафедрой на сцене.

- ...со мной уже много лет. Все сожрали, будто какая-то подлая корпорация. - Толстое предплечье и пухлая ладонь устремляются в сторону миссис Мут, рукава рубашки мужчины небрежно закатаны, манжеты развешиваются при каждом жесте. - Вы намеренно подрываете мою репутацию. Это выжженная земля. Неужели ваши вонючие амбиции не знают границ? А касаясь другого, я знаю, что это были вы. Как вы это сделали? А? Три серьезных несчастных случая за одну неделю. Это не совпадение. И сегодня утром я получил известие из банка. Зачем? Зачем это нужно? И Присцилла. Вы уже отняли у нас бизнес.

Миссис Мут отвечает, но Том не улавливает, что она говорит. В ответ на ее бормотания неряшливый визитер с отвращением отворачивается и направляется к машине, которую небрежно припарковал в начале заросшей сорняками дорожки Тома. Автомобилю по меньшей мере лет двадцать, когда-то он был красным, но выцвел до оранжевого, будто измусоленный леденец Грейси.

Сейчас лицо мужчины багровеет, и бакенбарды выделяются, словно его щеки посыпали поваренной солью. Хозяин автомобиля приостанавливается, чтобы бросить через плечо последнюю яростную угрозу:

- Это еще не конец! Можете быть уверены!

Том переключает внимание на соседей и наблюдает, как Муты хохочут, явно

издеваясь над визитером. Однако властная осанка женщины переламывается, и смех, который она издает, если это действительно смех, превращается в фыркание. Беззвучное хрюканье, выражающее довольство тем, что она отразила атаку врага. Кажется, остроумная реплика – дело слишком глубокое, чтобы появиться из такого мелкого создания.

Соседи поворачиваются спинами к посетителю и неторопливо направляются к входной двери. Небольшое триумфальное шествие, прежде чем исчезнуть из виду. Однако, хотя миссис Мут ушла, ее хрюканье черным налетом обволакивает слух Тома. Эхо ее голоса выбивает его из колеи, как и царапающие звуки за стеной прошлой ночью, но на этот раз Том будто услышал возбужденный хохот гиены.

– Безумные старые ублюдки.

Он переводит взгляд на потрепанного визитера, который плюхается задом на водительское сиденье, – многократно повторенный, но все еще неуклюжий маневр, из-за которого машина оседает на одну сторону. Даже на расстоянии слышен протестующий вскрик подвески.

Том выбегает из комнаты и мчится вниз, перепрыгивая через три ступеньки.

Бросив настороженный взгляд на границу между участками, Том бежит трусцой по подъездной дорожке, прислушиваясь, не возвращаются ли соседи. Сзади его преследует Арчи.

Том поднимает руку.

- Извини, приятель. Сидеть.

Хозяин машины изо всех сил пытается опустить покрытое пятнами стекло, пока после череды резких рывков оно не сдвигается с места. Из салона автомобиля вырывается запах изношенных ковров, мужского пота и нагретого обогревателем пластика.

- Я уезжаю, уезжаю! - рявкает взъерошенный тип. - Я здесь всего несколько минут! Неужели помешал? - Он машет пухлой рукой в сторону общей территории с подъездной дорожкой, на которой бросил свою машину. - Такие огромные неудобства? Правда?

Мужчина пытается завести машину, но, поскольку та стояла на включенной передаче, двигатель глохнет и старая колымага болезненно вздрагивает.

- Нет. Дело не в том. Я просто хотел спросить... Это... - Том смотрит в сторону соседского дома. - Они. То есть... - Том пожимает плечами. - Что не так? С ними?

- Теперь вы здесь живете?

Вопрос звучит как пронизанное жалостью обвинение.

- С недавних пор, - отвечает Том и понимает, что дистанцируется от владения собственным домом, стыдясь его убогого внешнего вида и ужасного прошлого.

- Тогда вам лучше тут не задерживаться. Или об этом позаботятся они.

Переключив внимание на замок зажигания, водитель гремит в нем ключом до тех пор, пока двигатель не взвизгивает и не заводится с нездоровым звуком. На этот раз на дорогу летят клубы черного дыма, словно на бордюр опрокинули мешок с сажой.

Отчаянно needing в дополнительной информации, Том колеблется, но может лишь беспомощно наблюдать, как старая машина, хрипло отплевываясь, с ворчанием отъезжает.

Том переводит взгляд на дом Мутов, отмечая прямые линии, изящные кирпичные стены, безупречную чешую шиферной крыши. Однако фасад больше не очаровывает его сказочным видом. Том чувствует, что характер дома изменился или что того оживила скрытая прежде личность. Теперь перед ним надменный, злобный, насмешливый фасад из кирпича, дерева и краски, а окна - это зеркальные линзы очков, которые прикрывают сощуренные в усмешке высокомерные глаза.

- К черту.

Арчи трусит за своим хозяином, взволнованный возможностью прогуляться. Вдвоем они идут к соседской двери.

На крыльце Мутов густые, как патока, тени. Тому не видна нижняя сторона козырька над головой. Выкрашенное в черный цвет дерево кажется просмоленным и сделанным так, чтобы поглощать весь свет, мгновенно погружая посетителя в ночь. Здесь проще почувствовать себя съеденным, чем желанным гостем.

По краям симметрично свисает завеса из пурпурных глициний, словно полог из болотных трав, сотканный феями, а затем мастерски подстриженный. Украшение еще сильнее затеняет дневной свет. Под цветочной юбкой ослепительно переливается сад.

Перед входной дверью Том прищуривается, чтобы прочитать, о чем кричит табличка рядом с дверным звонком. Он уже видел ее раньше, пока расхаживал тут и звонил соседям, но так и не удосужился изучить тщательно продуманное предупреждение для нарушителей. Это почти роман. «НИКАКОЙ РЕКЛАМЫ. НИКАКИХ ПРОДАВЦОВ. НИКАКИХ СВИДЕТЕЛЕЙ ИГРОВЫ. НИКАКИХ БЕСПЛАТНЫХ ГАЗЕТ. НИКАКИХ БРОШЮР ИЛИ РАССЫЛОК...» И так далее.

Том зашел настолько далеко благодаря приливу адреналина, но на крыльце волнение пронзает его внутренности, истощая энергию. А еще он помнит свое утреннее обещание Фионе.

Но Муты – всего лишь люди. К тому же старики. На вид им чуть за семьдесят, хотя иногда они кажутся гораздо моложе и гибче. Аура пренебрежительного нетерпения – лучшее указание на их возраст; они склонны косо смотреть на тех, кто не занял своего места в жизни, словно молодежь все испортила. Но что Муты здесь делают и какой в них смысл? Во всем этом расчесывании чертовой травы и воплях о границах? Хотя соседей регулярно навещают люди. Что-то забирают. Пакеты. В том, что он наблюдал из окна комнаты Грейси, есть элемент меркантильности. Чем торгуют Муты? Тем, что растет у них на заднем дворе? Том подозревает нечто большее, чем выращивание и продажу овощей, но в основном его недоумение связано со спецификой обмена – это подобострастное почтение, целование рук. Отличался лишь тип с серьезными претензиями, который только что уехал отсюда. Визитер, утверждавший, что Муты его разорили.

Том размышляет о том, что собирается сказать, но уже на крыльце его разум туманится. Кружится голова, глаза слепят солнечные лучи, отражающиеся от полированных плит пустой подъездной дорожки. Но Том никак не может уйти и бессильно наблюдает, как его грязный палец нажимает на кнопку звонка.

Наступает пауза, затем за черной дверью раздаются странные переливы свирели. Том делает шаг назад, его уверенность в себе делает еще два шага. Раздраженный стуком собственного пульса и выступившим на висках потом, Том ждет.

Ответа нет. Он звонит снова.

Опять раздается трель свирели.

Проходит еще несколько секунд, Том уже собирается «покинуть корабль», когда до его слуха доносится приглушенное шарканье. Мгновение спустя с другой стороны отодвигается защелка. Затем дверь широко распахивается, будто обитатель дома в ярости от того, что его потревожили.

Том отступает еще на шаг.

В темноте проступают два лица: знакомая маска веселья Маги, но теперь с толикой неодобрения, и выточенные из нарастающей тревоги черты его жены.

– Да-а-а?! – тавкает она своим резким, царственным голосом.

Том прочищает горло.

– Это я. Из соседнего дома.

Муты сверлят его взглядом.

– Мне просто нужно прояснить ситуацию. Не хочется начинать с неверной ноты. – «Уже слегка поздновато». Том пытается рассмеяться, но звук, который он издает, отвратителен его собственному слуху, как хихиканье школьника. – Мы хотим ладить с нашими соседями. Только у меня есть пара проблем. Я хотел бы их разрешить. Во-первых, мне не нравится, что вы говорите моей дочери, будто она не может играть в лесу. Лес не ваш.

Глаза старухи вспыхивают. Пробивающиеся лучи солнца выхватывают волосы

на ее подбородке. Ну, просто лобковые кудри. Заметив их, Том уже не может отвести своевольный взгляд. Тот просто прирастает к щетине.

- Как родитель, разве вы не заботитесь о безопасности своей дочери?

- Это не то, о чем вам нужно спрашивать.

- Безопасность ребенка. В первую очередь, - пропевает Маги Мут, отменяя заверение Тома как нечто неудовлетворительное.

Том чувствует первые проблески раскаленных углей, тлеющих у него в животе.

- Это лес. Несколько деревьев. Тут не Амазонка, приятель.

Миссис Мут быстро возражает:

- Это очень старый лес. Выдающийся заповедник. А не игровая площадка.

Ее снисходительный тон раздувает угли в животе Тома.

- Какой вред могла нанести четырехлетняя девочка? Я...

Старуха его перебивает:

- Дети так восприимчивы. Это их воображение. В старых лесах детей посещают странные фантазии. А этому лесу двенадцать тысяч лет.

- Фантазии? В этом все дело? Но прогулки на свежем воздухе - неотъемлемая часть развития ребенка. Мы хотим, чтобы природа была частью жизни нашей дочери. Так что, может, вы и прожили здесь немного дольше и приобрели что-то вроде права собственности на этот лес...

Маги продвигается на несколько дюймов вперед.

- Прибежище змей. Гадюк. Что, если она наступит на одну?

Он опять разговаривает с Томом свысока, словно с ребенком в каком-то старом фильме. Наверное, дурак думает, что он на сцене. «Спектакль. Они считают тебя тупым».

Сегодня на соседу узкие брюки цвета лютиков. Льняная рубашка расстегнута на шее, шнуровка распушена, и виднеются заросли белых волос на груди. Их так много, что у Тома возникает искушение поинтересоваться: настоящие ли они? Под всей этой одеждой Маги, должно быть, худой и покрытый белыми волосами, как тощий грызун или обезьяна. Том без особой охоты представляет себе Мут в постели. Обнаженных. Дрожь отвращения быстро изгоняет этот образ из головы.

Со стороны щетинистой мордочки миссис Мут, обрамленной густой прической, напоминающей подстриженный декоративный кустарник, летит едкий комментарий, и предохранитель Тома в конце концов срывается.

- Мы отругали ее ради ее же блага.

Угли внутри Тома разгораются, и, прежде чем осознать свои действия, он принимается орать. Неожиданно и дико, безо всякого почтения, которое не оставляло его в присутствии этой пары. Он даже делает шаг вперед, подчеркивая свою точку зрения тычками указательного пальца.

- Отругали ее? Вы не смеете ругать мою дочь! Никогда!

Глаза Маги широко распахиваются, он прячется за спиной жены, прежде чем отступить глубже в темный холл. А лицо миссис Мут застывает, превращаясь в маску возмущенного неповиновения. Она стоит на своем, и Том останавливается.

- Послушайте... - пытается он снова. - Это выходит из-под контроля. Я пришел сюда не для того, чтобы спорить. Но никто не может «ругать» и пугать чужого ребенка, а потом оправдывать это. Что с вами не так? С первого дня...

Маленькое тельце женщины дрожит.

- Нет! Ты слушай! Этот лес - не зона отдыха. Он не место для детей. Это охраняемая зона. Мы не хотим, чтобы его испортили! Растоптали! Мы... - Она замечает Арчи, ее рот кривится от отвращения. - Мы не хотим, чтобы его завалили мусором.

- Вы им владеете, да? Он ваш, да? Может, и деревня тоже? Слегка заносчиво, нет?

- Мы здесь соблюдаем границы. Границы, которые вы научитесь уважать.

- Как вы уважили забор? Мой забор!

- Небольшая подсказка. Так что устраните дыру. Последнее, чего мы хотим, - это сад с открытой планировкой... При том-то беспорядке, что у вас на заднем дворе.

- Это ваши чертовы деревья нависают по всей длине...

Дверь захлопывается перед носом Тома, и ему остается лишь ошарашенно моргать.

Из-за створки доносится приглушенное бормотание Маги.

Том пытается прийти в себя, будто только что пережил опыт выхода из собственного тела. Он моргает от яркого блеска в глазах, не зная, что делать дальше, пока не замечает Арчи. Пес присел в газоне, ухоженном и похожем на бильярдный стол, и выгнулся калачиком. Из-под маленького дрожащего хвостика плывет пар и неприятно пахнет.

Том в панике срывается с крыльца, сбивая головой пурпурные цветы.

- Нет. Арчи. Нет. - Он со страхом вглядывается в окна соседей, хлопает себя по карманам в поисках пакетов. Но у него ничего нет. Окна Мутов закрыты занавесками.

Облегчение Тома быстро превращается в злобное ликование. Возможно, последнее слово все-таки останется за ним.

- Молодец, мальчик. Выжми из себя все, приятель. Все до конца.

Том бежит рысью по подъездной дорожке и свистит Арчи, который продирается сквозь цветы и ухоженные растения, как пьяный олух. Лишь тогда отдергивается штора одного из окон Мутов. В щели видны пальцы и смутное подобие лица миссис Мут.

Том поворачивает за угол и уже трусцой бежит к своему дому, не в силах подавить смех. Арчи, взволнованный этой переменой в поведении хозяина, шагает рядом, улыбаясь во всю пасть.

У соседей с шумом распахивается дверь. За этим следует шарканье ног по дорожке, а затем воздух сигналом тревоги пронзает царственный вопль миссис Мут:

- Эта... собака!

И следом громогласное Мага:

- Позор! Убери это! Ты слышишь?!

- Обмажьте им свои чертовы гвоздики, - отвечает Том и спокойно идет домой.

Ощущение тщетности, которое металлической ермолкой сковывало его разум с момента приезда, наконец, ослабило свои железные путы. Ремонт в комнате действует как облегчение от бремени беспокойства, оно гнилым наростом свалилось с дерева его мыслей. Тому нужна была победа – бальзам от постоянного страха, что изношенность дома окажется сильнее всех полученных за годы – в основном от отца – навыков.

Теперь при входе в комнату Грейси взгляд поражает взрыв леденцово-розового. В тон гладким стенам цвета мороженого на недавно собранном комодe стоят розовый будильник и такая же лампа. Потолок и плинтусы сияют белизной, красиво дополняя деревянную отделку помещения, полки, шкаф и стеллаж для игрушек. Три картины Грейси в рамках образуют галерею радуг: люди в больших ботинках, похожий на медведя единорог и невысокий холм, на вершине которого стоят сама Грейси и Арчи.

Том так и не нашел в лесу Уоддлса, зато нарвал цветущего дикого чеснока и поставил букет в белой чайной чашке на свежавыкрашенный подоконник. Атласные занавески цвета новой стали не будут подвязаны, пока не высохнут стены.

Растворитель и терпкий запах первого слоя краски добавили восприятию Тома легкомыслия, поэтому он широко распахивает окно. Смазанные маслом петли бесшумно открываются. Он напоминает себе поставить блокировку от детей, не хватало, чтобы Грейси захотелось высунуться.

Отступив назад, Том осматривает дело рук своих. Еще раз.

Пыльные простыни скрывают заляпанные доски пола, но теперь эта комната позволяет заглянуть в будущее их дома. Одна комната готова, остались еще три спальни плюс ванная. Затем он займется гостиной, кухней и недоделанной половиной холла внизу. Появление у его семьи дома снова кажется возможным.

Снаружи доносится знакомое урчание машины Фионы, она поворачивает, а затем с хрустом паркуется на подъездной дорожке.

Том смотрит через окно, которое отмыл почти до полной невидимости. С утра он даже оставил манеру, всякий раз проходя мимо, поглядывать на дверь соседей. Никаких новых контактов с Мутами не было. У Тома даже возникает искушение предположить, что по соседству воцарилось угрюмое признание в нем достойного противника. Тихая обида, возможно, перерастающая в нежелание новой вражды. Последним жестом с их стороны был звук совка, убирающего после Арчи лужайку, а затем заскрежетала ручка ведра.

* * *

Его большие ладони прикрывают дочке глаза. Том ведет Грейси по коридору.

– Не подглядывай!

Девочки поздно вернулись домой. Фиона попала в пробку по пути к Грейси, и та вылезла из машины разгоряченная и клюющая носом. Но теперь дочка полна сил и предвкушает будущий сюрприз.

– Хочу посмотреть!

Фиона, улыбаясь усталыми глазами, следует за ними в своей банковской униформе.

В дверях преобразившейся комнаты Том наконец убирает руки.

– Та-дам! Сперва я сделал твою спальню, орешек. Розовой, как ты и хотела. Первый этап. Дальше настелю пол. Куплю тебе несколько больших пушистых ковров.

Лицо Грейси расплывается в безумной, возбужденной улыбке. Дочка вбегает в комнату.

Фиона наклоняется от двери, вглядывается в потолок, в углы. Опускает взгляд на аккуратные полоски плинтусов.

– А теперь я хочу, чтобы ты здесь прибралась, – говорит Том, стараясь выглядеть серьезным.

Грейси со скоростью тарана ударяется о бедра своего отца и обхватывает его руками за талию.

- Папочка! Папочка! Мой папочка!

Том обнимает ее, смеется, а в глазах его блестят слезы.

Фиона подмигивает старательно накрашенным глазом.

- Кстати, о фантазиях про строителя.

Единственное, что Грейси чувствует, – это вкус краски, вкус *противности*. Все выходные мама и папа красили стены и потолки. Папа разрешил ей поработать валиком, но она устроила беспорядок, размазала краску по всему полу и по рукам, и ей все равно было скучно. Даже когда папа нарисовал мелом сетку для классиков на полу в холле, чтобы она могла «развлечься», ей это наскучило уже после пары раз.

А теперь мама и папа стоят на посыпанном песком полу и оглядывают комнату, пока сохнет краска. Наблюдать за ними так скучно, что просто сил нет. Но папа не перестает говорить о том, что именно делает, а ее мама часто повторяет «mmm» и «да».

Каждый из них положил руку на стремянку, а ей не разрешают лазать вверх-вниз по ступенькам, поэтому скука в животе Грейси разгорается пуще прежнего. Новому Уоддлсу тоже скучно, и он просто болтается у нее в руке.

Грейси шаркает по неровностям пола к маленькому деревянному домику, который построила в углу комнаты. Пустая банка из-под краски под чехлом от пыли изображает холм. Башенки из цветных кубиков – это камни вокруг него. Наверху сидят король и королева. Грейси сделала их из своих свинки и кролика. Она гадала о том, что может произойти дальше в игре «лесной дом».

И тут догадывается.

Она закрывает глаза и прикидывает, сколько раз сможет обойти холм, пятясь задом и не теряя равновесия. Грейси вскидывает руки и неуклюже делает три круга. Затем встает на одну ногу и указывает на своего папу, а после понимает, что проголодалась и готова перекусить. Но даже не успевает подумать, чего же ей хочется, как слышит далекий и прекрасный голос, который зовет ее. Тот самый голос, что раздавался там, возле настоящего лесного дома. Певучий, он снова звучит где-то в ее голове. А может, и снаружи – доносится из глубины сада через покосившийся забор.

Мама и папа этот голос не слышат. Грейси спрашивает, но они не обращают на нее внимания, папа говорит, показывая на угол потолка: «Это старое пятно. Его закрасили», а мама: «Все равно нужно посмотреть. Может, вода просачивается с крыши на чердак».

Вот снова женский голос, он доносится издалека, из-за сада, плывет, как музыка из балета про лебедей, который они с мамой смотрели. Это самая приятная песня, которую Грейси когда-либо слышала; намного, намного красивее, чем голос миссис Бакстер на школьном собрании.

Голос открывает в ее мыслях особое место, такое же теплое и манящее, как солнечный сад, полный пчел и кроликов. Золотое и тайное. Лесная леди предлагает показать, где такое место найти.

Грейси бежит к лестнице. В саду голос леди будет слышен гораздо лучше.

– Арчи-мишка! – кричит Грейси, пока ее ноги стучат по ступеням лестницы. И, как по сигналу, раздается звяканье ошейника и звук хлопающей шерсти – это Арчи встряхивается, проснувшись в своей корзинке. Когда они увидятся, щенок будет смотреть на кухонную дверь. Грейси это точно знает.

* * *

На улице Арчи начинает копать новую яму в газоне, это уже третья за неделю. Хотя Грейси беспокоилась, что пес раскопает потолок кроличьих норок, тот находил лишь металлические кирпичики. Пока что откопали два, все со смешными надписями по бокам. Грейси надеется, что Арчи скоро найдет ящик с золотыми монетами и у папочки никогда больше не кончатся деньги.

Арчи нетерпеливо скребет землю, забрасывая ею ноги маленькой хозяйки, пока та смотрит вглубь сада и напряженно прислушивается, не зазвучит ли снова женский голос. Лес странный и напряженный, будто пустая комната во время игры в прятки, ожидающая, пока ее обыщут. Дальше, над густой крышей леса, поднимается струйка дыма. Солнце садится и, возможно, поджигает красно-

абрикосовое небо так далеко, что и разглядеть нельзя.

Когда снова звучит голос лесной леди, высокий и тонкий, как дым, Грейси кивает, улыбка играет на ее губах и в глазах.

- Да. Да, пожалуйста, - говорит она густой бахромой ветвей, нависающих над сломанным забором, этим ловким рукам с колючими пальцами, вечно норовящим влезть в сад и схватить сорняки.

Шепчущий голос в ушах и одновременно в лесу говорит Грейси, что потерянный Уоддлс в безопасности. Но он шумный и не перестает танцевать. Грейси хихикает, затем смотрит на дома. Щурясь от серебристого света солнца, которое завершает свой путь с востока на запад, она осматривает мутные стекла, проверяя, что родители за ней не приглядывают. Открытые окна - черные дыры, лиц в них не видно.

Наморщив лоб, Грейси снова поворачивается к лесу. Она не знает, что делать, поэтому еще немного слушает лесную леди, которая поет о месте среди деревьев, где играют друзья и животные. Потерянный Уоддлс там. В месте, которое может показаться далеким, но, когда отправляешься в путь, оказывается совсем близко. Грейси представляет себе двух мягких пингвинов. Близнецов в ее новой постели.

- Арчи. Пойдем за вторым Уоддлсом. Он у леди. Но мы должны торопиться.

* * *

Несколько шагов от садовой калитки, и Грейси проглатывает лес, чешуйчатый рот древесных стволов смыкается у нее за спиной. Она переступила границу и теперь оказывается внутри.

Сегодня птиц больше, чем она когда-нибудь где-нибудь слышала, они перекрикиваются друг с другом под лесным пологом, который защищает ее от алого неба. Акры кустарников и деревьев, тонких и толстых, закрывают большую часть закатных лучей. Воздух влажный. Мутный и душный. Влажные запахи мокрой коры и застывших листьев наполняют нос и холодят щеки.

Переход от пыльного дома, упаковочных ящиков, вони краски, бормочущего радио и папиных шлифовальных инструментов к этому лесу напоминает Грейси о том, как она шла от переполненного людьми пляжа в море. Мир позади замирает. Прохладный воздух мягко омывает кожу.

Из-за гигантских деревьев, слишком высоких, чтобы на них взобраться, она сама себе кажется меньше и думает о девушке в красном из книги сказок. Картинка с крошечной фигуркой на фоне темных деревьев занимала целых две страницы, на которых Грейси пыталась найти каждую сову на ветвях. Но здесь лес - нечто большее, чем просто картинка. Он живой, он шепчется и растет, но все же оставляет свои дела, чтобы понаблюдать за ней.

Грейси вспоминает песню про тихую и святую ночь, которую пели в школе. В этом месте есть кое-что из той песни и кое-что совсем другое, тревожное. Грейси понимает, почему Арчи какает, как только попадает сюда. От волнения и у нее крутит живот. Ей хочется убежать с криком. Из-за страха заблудиться и никогда больше не увидеть своих маму и папу трудно дышать. К горлу будто подступает тошнота, хотя Грейси не чувствует себя плохо. Но ей так же сильно хочется войти в эти огромные, темные и тихие лесные залы, как прыгнуть с бортика бассейна в развлекательном центре, когда она стоит над самой глубокой частью.

Грейси делает шаг вперед, потом еще один. Затем еще несколько.

Земля хлопает. Обнаженный корень, скользкий, как перила бабушкиной лестницы, сталкивает ее ботинок в сторону, и Грейси едва не падает. Но постепенно она перебирается на топкую тропинку между костлявыми корнями и вскоре уже перепрыгивает через вязкие лужи.

В мгновение ока Грейси становится гораздо ближе к доброй леди, чья песня струится вокруг стволов огромных деревьев и зовет на холм, к камням. Уоддлс ждет, и вскоре Грейси чувствует себя в такой безопасности, будто мама и папа рядом и держат ее за руки. Она не может заблудиться. Один путь туда и обратно, на холм и с холма, а пока леди поет, дети в любом случае ее особые гости. Голос принцессы доносит это послание сквозь тишину, и чем дальше Грейси идет, тем больше ей кажется, что она видит хороший сон. Добрая леди знает, что она идет, потому что об этом той сообщают птицы.

Теперь уже недалеко. Среди синих цветов все больше белых, запах лука усиливается. Грейси узнает белое дерево, которое упало, будто умирающий с голоду человек – он споткнулся и выбросил вперед скрюченные руки. А вот и заросли остролиста с блестящими ягодами и листьями, похожими на пластиковые; вон там вьются колючие лозы.

Оказавшись рядом с холмом и камнями, Грейси останавливается. Так близко к лесному домику ее начинает немного беспокоить, кто же выпускает дым, который она видела из своего сада, а теперь может и унюхать. Пахнет тут очень странно.

Она пришла сюда ради леди и Уоддлса, но теперь начинает думать о ведьме-соседке и дяде в желтых брюках, у которого воняет изо рта. Грейси гадает, появятся ли они сегодня, и к ней возвращается прежний страх, а в животе начинает покалывать. Ей не хочется шуметь своими хлюпающими в грязи ботинками.

Растущие между деревьями кустарники и молодая поросль скрывают холм, но если ты маленький, то для тебя здесь найдется множество лазеек. Грейси подкрадывается к месту, откуда можно осторожно подсматривать.

На поляне мерцают два горящих шеста. Травянистый холмик изгибается дугой между крошечными языками пламени.

Огонь пылает в металлических чашах. Спиралью вьется сажа. Одна огненная чаша потрескивает и трепещет на церковной части с цветами – алтаре. Другая находится на другом конце поляны. От нее идет странный запах, оставляющий во рту привкус марципана, лимона и чего-то горького, вроде папиного коричневого пива, которое он давал ей глотнуть.

Сегодня лесной домик заставляет Грейси вспомнить картину, которую она видела на школьной экскурсии в музей. Там были изображены маленькие волосатые человечки в звериных шкурах. Они были черными, будто нарисованные карандашом, и стояли вокруг огромного костра. Пламя окружали высокие камни, которые отбрасывали гигантские тени. Эта картина висела на стене за стеклянной витриной с костями – застрявшими в камне ногами. Все, что было в том зале, заставляло Грейси испугаться времени и мыслей о том, что и у нее самой под кожей кости, а после смерти они окажутся под землей и застрянут в холодных камнях под слоем грязи. Слишком ужасно, чтобы думать об этом дольше одной секунды.

У Грейси опять появляется неясное ощущение, похожее на то, что посетило ее в саду, когда в голове сладко пел женский голос. Но на этот раз ощущение оказывается не из приятных. Голос возвращается, но звучит печально, отчего Грейси делается еще холоднее, а высокие деревья с черными туннелями между ними, пряный аромат и красные цветы, стылые старые камни, полый холм... все это начинает кружиться у нее в голове.

Арчи, будто понимая, что что-то идет не так, скулит за спиной хозяйки. Он припадает к земле, а когда Грейси оглядывается на него, не подходит ближе, что совсем на него не похоже. Щенок глядит вверх и с присвистом сопит. Грейси прослеживает за его взглядом и замечает что-то огромное и черное, свисающее с дерева.

Она закрывает глаза и не может заставить себя снова посмотреть на *это*. На потрепанную фигуру с зубастой мордой. При виде этого существа Грейси тут же накрывает самым ужасным запахом, который она когда-либо чувствовала. Как будто старое одеяло сшили из тухлого мяса. Больше никакого миндаля, лимонов и горького аромата.

Густое жужжание мух сотрясает воздух. Грейси кашляет и замечает крошечные белые штучки, которые при каждом порыве ветра падают в грязь рядом с Арчи, точно семена. Но в отличие от семян, белые штучки извиваются. Такими же личинками пользуется на рыбалке дедушка. Он хранит их в пластиковой коробке в холодильнике.

От холма доносится гул голосов, приглушенно твердящих примитивные стихи. Слова Грейси не может разобрать, а лесная дама их не повторяет. Она затихла. Птицы тоже смолкают. Грейси почти произносит «привет», чтобы никто не подскочил и не рассердился, обнаружив, что она шпионит. Ведь теперь на поляне есть двое – то ли люди, то ли нет.

Грейси не видела, как они появились, но сейчас странные создания стоят на одной ноге у огня в чашах, и это именно они с рычанием читают стихи.

Слова заставляют каждую темную впадину за пределами круга камней наполниться тишиной и превращают деревья в гранит. Как будто ничто в лесу не хочет, чтобы его заметили двое белых существ, стоящих на одной ноге.

Те замирают статуями, а потом начинают прыгать.

Травы вокруг камней принимаются тянуться вверх. Такие древние часы, которые показывают странное время – годы и годы, а не минуты или часы.

Пластинчатые тела личинок скручиваются.

У Грейси пересыхает во рту, она совсем не может его закрыть. От лица отливает вся кровь, а девочка даже не догадывается, что она такая же белая, как деревянные панели, которые вчера покрасил папа. Вот кого она сейчас хочет увидеть рядом – своего папочку. Грейси напугана, ей плохо в этом облаке из мух и вони.

Теперь белые существа идут задом наперед вокруг травянистого холмика. Они раскручивают большие каменные часы в обратную сторону, прыгают спиной вперед и выпучиваются, заметив среди зелени лицо Грейси. Арчи лает как сумасшедший и не может остановиться. Затем он рычит, и Грейси лишь дважды слышала, чтобы он зарычал: один раз – на ветеринара, и еще раз – на курьера.

Грейси не в силах шевельнуть ногой.

Белые существа могут быть призраками плохих животных. У толстяка, который упал на четвереньки и бежит внутри травяного круга, потрепанная черная голова с желтыми клыками. Он бежит задом наперед куда быстрее, чем Грейси бежит прямо. У второго существа – тощего – кости торчат, как у скелетов в могилах.

Мысли Грейси разбиваются на кусочки и разлетаются в разные стороны, будто в окно внутри ее головы попали булыжником. Остаются только глупые мысли, которые пытаются не давать ей думать о том, который пружинисто скачет через просеку на цыпочках спиной вперед, точно ужасная голая обезьяна с холодной кожей.

Грейси вся дрожит и не может вдохнуть, в глазах у нее мерцает, она совсем не знает, что ей делать, и тут с другой стороны смотровой щелки появляется лицо.

Наверное, пока она глядела на толстяка, тощий с черной головой перестал пятиться и подкрался к краю поляны, а теперь ухмыляется, как бы говоря: «Это бесполезно. Я вижу тебя и собираюсь добраться».

Потрепанная, покрытая клочьями облезлого меха морда. Большие белые глаза. И эти штуки у него на голове – рога? Как у быков. Таких плохих, которые гонятся за людьми по полям. Но едва Грейси переводит взгляд на бугристую морду с выпученными глазами, как та отодвигается назад. Или, может, просто исчезает.

Грейси шархается. Опрокидывается на спину. Отбрасывает нового Уоддлса, будто это он виноват в ее падении.

Где-то позади лает и мечется из стороны в сторону Арчи. Грейси поворачивает голову и смотрит на щенка. Он глядит не на нее, а на тех двоих, которые снова бегут вокруг холма, окруженного кольцом деревьев. И кольцом камней. Бледные ноги и шлепающие ступни повернуты в неправильную сторону и шагают задом наперед, оттого и взгляд Грейси двинется в неправильную сторону, даже мысли, свернувшись в круг, вертятся не туда.

Грейси закрывает глаза и с трудом встает на четвереньки, чтобы больше не видеть этих бледных. Но иногда, когда они проносятся мимо, их черные лица, должно быть, смотрят на нее сквозь прорехи в кустах. Эти существа знают, что она здесь. Грейси не хочет больше видеть их физиономии, но их видит Арчи и начинает беситься, когда у нее над головой шуршат листья и сквозь них просвечивают жуткие лица.

Открыв глаза, Грейси глядит на мокрую грязь, которая пропитала ее платье, заморозив и спереди и сзади. На земле извиваются личинки, тянутся слепыми мордочками туда, где должно быть солнце.

Арчи на животе отползает от хозяйки, больше напоминая кошку, чем собаку. Он направляется к кольцу из камней. Грейси окликнула бы его, но в ее теле не осталось воздуха. Там лишь вихрь увиденных тут ужасов – они поднимаются, опускаются, кружатся, кружатся, будто сама Грейси обходит холм и произносит имя, чтобы та леди внутри снова запела.

Девочка с трудом встает, и у нее начинает кружиться голова. Грейси кажется, что она ничего не весит и может взлететь к прибитому к дереву лису, с которого сыплются личинки. Вот его розовый язычок обвивает черные десны в

ухмыляющейся пасти. Большие желтые глаза по-прежнему открыты. Рыжие лапы тонкие, словно флейты. У него белый животик. Черные мухи жужжат, вбирая запах его смерти.

Грейси уже раскрывает рот, чтобы заплакать, как страх всасывает ее огромную печаль обратно в тело, ведь белые существа, которые бегали задом наперед вокруг травянистого холма, теперь стоят на его вершине. И ведут себя очень тихо. Их взъерошенные черные головы обращены к небу. Арчи тоже там, щенок взбирается на толстяка, будто у того есть еда, и лижет под его толстыми ногами. Тощий стоит на задних лапах, а передние болтаются и подергиваются. Из его огромного рта в небо несутся всхлипы.

Голос в голове Грейси велит ей бежать.

И она бежит.

Слезы обжигают и слепят глаза. Ветви хлещут по коже. Маленькие ножки отталкиваются от земли, но им не хватает скорости.

В лесу не слышно ни звука. Все здесь закрыло уста и смежило веки.

Последний взгляд назад, чтобы убедиться, что за ней не гонятся, и Грейси видит, как тощий спрыгивает с холма и выходит из круга камней. Затем подтягивается и исчезает из виду, будто ушастая обезьяна, несущаяся через лес.

Грейси не слышит, как тощий касается ветвей, так что, возможно, он умеет летать. И девочка понимает, что, если увидит этот полет, у нее остановится сердце.

– Грейси! Грейси! Иди посмотреть на свои занавески. Краска высохла.

Фиона с грохотом спускается со стремянки и прислушивается, откуда в доме раздастся ответ дочки. Предвкушает быстрый топот ножек и торопливую историю о выходах Уоддлса в пустой комнате. Море слов, накрывающих друг друга потоком, от которого не вздохнуть.

Но на зов отвечает только тишина, затем внизу раздается приглушенный стук молотка Тома, давая Фионе почувствовать, что она не одна в доме.

Даже полностью отдаваясь игре, которая поглощает каждую частичку ее существа, Грейси крайне редко не уцепляется за голос окликнувшей ее матери. Фиона выходит из спальни и наклоняется над лестничным пролетом.

– Муж!

– Да! – Том отвечает из выходящей окнами в сад гостиной. Комнаты, почти законченной их предшественником. Аккуратно оштукатурив стены, тот начал загораживать окна кусками дерева, а затем повесился в холле. Всякий раз взбираясь на стремянку, Фиона думает, что он проделывал то же самое.

– Грейси с тобой внизу?

Пауза, затем:

– Я думал, она наверху.

Фиона отталкивается от перил и заглядывает в главную спальню. Пол здесь пестрит игрушками дочки. Фиона помнит, как Грейси сидела тут на корточках. Когда же это было?

– Грейси, милая? – Взгляд Фионы скользит по горе, которую дочка соорудила из жестяных банок и чехла от пыли. На вершине стоят игрушечные звери, будто обозревая свое царство. У основания располагается Стоунхендж из кубиков.

Тишина.

Снизу доносится шарканье Тома, он идет в холл. Фиона слышит, как муж зовет:

– Грейси!

Призыв, который никто не услышал и на который никто не ответил.

Фиона идет к окну. Идет, но осознает, что движется так, словно ее оглушил непрерывный вой пожарной сигнализации.

Жадно отыскивая дочь, ее взгляд блуждает по заброшенному саду и замирает на темном провале распахнутой в ветхом заборе калитки. Черный туннель, брешь в обороне, он уводит в заросли деревьев и кустарников. Фиона думает о причале без перил, о плещущихся волнах.

– Черт!

* * *

Они не бегут, но и не идут. На полпути между дверью кухни и садовой калиткой их недолгий гнев на Грейси за то, что она снова забрела в лес, перерастает в изжогу беспокойства.

– Повешу тут замок, – обещает Том.

Их бледные лица напряжены, супруги невнятно бормочут друг другу ободряющие слова, пока шагают к деревьям. Ни один из них не обдумывает сказанное другим, поскольку каждый старается удержаться от самых ненужных в такой ситуации размышлений. А затем они одновременно останавливаются и смотрят на маленькую фигурку своей дочери, которая появляется за воротами.

Сбитые с толку, они стоят безмолвно, мысленно подбирая подходящие для расспросов слова. Но поскольку никогда прежде у их девочки не было такого выражения на лице, заминка длится недолго. И вот уже они бегут к дочке.

В начале тропинки ошеломленный взгляд Грейси скорее пустой, чем затуманенный, она совсем не ищет родителей. Словно те появились слишком поздно и случившегося уже не исправить.

Склонна внезапно пугаться и приходить в ужас от опасностей, которые ей почудились? Разумеется, как и любой ребенок, но на этот раз все иначе. На маленьком личике ни кровинки, необычно молчалива, а в глазах шок – это заставляет Тома опуститься на колени перед табуретом, на котором сидит Грейси. Видя дочку такой жалкой и съездившейся, он боится, что уверенность, которую она успела приобрести за четыре года жизни, рухнет за один день.

Внезапное осознание того, насколько она мала и невинна, бьет его под дых. Ее прекрасные зеленые глаза не узнают Тома, лишь глядят сквозь него и моргают, пока разум доискивается и докапывается до истины; вопросы и проблемы по-прежнему спаяны воедино.

Том не может дышать. Его тянет обнять дочку, прижать к своей груди и прогнать горе. Но Фиона ближе, а Грейси хочет к маме.

Их дочка всегда была шалуньей. Отвернешься в супермаркете, а она уже через два прохода придумывает игру в магазин с товарами с нижних полок. Едва научившаяся ходить, она убежала по траве – холодной или покрытой росой, – оставив его в парке с коляской, нагруженной сумками и медведями. Том и сейчас может увидеть ее двух- или трехлетней: похожие на игрушечные резиновые сапоги на коротких ножках выписывают круги на газоне игровой площадки под прерывистое дыхание малышки. Безрассудная и наполненная восторгом от простой радости движения, Грейси всегда топала по прямой к забитому машинами горизонту. Сколько раз ему приходилось изучать местность, отыскивая опасных собак, быстрые велосипеды, пруды, блеск битого стекла, какашки, которые прятались свернутыми змеями. И бросаться в погоню. Сегодня он даже не заметил, как она вышла из дома. Хоть мысль о том, что дочка не вернется, и не нова, смириться с этим Том не может.

– Заблудилась, орешек? Перепугалась? – Констатация очевидного только усиливает ощущение собственной бесполезности.

Плечи Фионы расслабляются от облегчения, хотя в голосе по-прежнему звучат строгие нотки:

– Что говорила мамочка, а? Насчет того, чтобы не ходить туда?

Фиона бросает острый взгляд на Тома, и тот смущенно шарахается в сторону. Он чувствует себя обманутым и внезапно отстраненным, оторванным от этих двоих, которые поддерживают его в жизни. Он затащил их в полуразрушенный дом с отвратительными соседями, непомерно далеко от школы, работы, друзей и комфорта.

Финансовые проблемы – единственное электричество, которое сейчас проходит по их нервам-проводам. Как бестолковый политик, он продал своей дочери идею жизни среди деревьев, чистого воздуха и друзей-кроликов. Том никогда раньше не жил в деревне. Что он мог об этом знать? Или вообще о чем-нибудь? Широкополосный интернет здесь едва струится, а в квартире был стремительным. Мгновенный доступ ко всему миру, к людям. Еще одно предупреждение о том, как далеко он увел свое племя от всего привычного.

– Я позову Арчи, – говорит Том.

Ему никто не отвечает.

Прижавшись к матери, Грейси наконец всхлипывает. Ее накрывает теплом и ароматами, которые были рядом от самой кровати в роддоме и колыбельки. Всего лишь запах матери вызывает целую волну воспоминаний, и та поднимается выше плотин, возведенных дочкой за всю жизнь. Самое безопасное место – рядом с мамой.

Фиона шепчет: «Тссс...» – и целует взъерошенную макушку Грейси.

Том выходит.

Сумерки старят и без того темное низкое небо. Свет, что еще остался, тускнеет и заставляет Тома чувствовать себя так, будто он страдает дегенеративным заболеванием глаз.

За пределами сада, среди корней старых деревьев, тусклый блеск неба полностью поглощает дальняя сторона леса, где бы ни проходила ее граница.

– Арчи!

Пригибаясь под мускулистыми ветвями, отмахиваясь от мешающей молодой поросли, поскальзываясь на мокрой тропинке, он умоляет влажную землю отдать собаку и нового пингвина Грейси. Но перед напряженными глазами Тома лишь муть, словно он погрузился под воду в канале.

Между непроходимыми зарослями кустов и колоннами увитых плющом стволов муть размывается до почерневших сгустков пустоты. Стоящие рядом предметы наползают друг на друга и превращаются в нечто совершенно иное: дерево становится великаном, куст – двуногим волком, папоротник – лицом, перед которым Том едва не извинился, упавшая ветка кажется сторбившейся от горя женщиной в накидке. Пустоты расширяются, углубляются. Верхушки деревьев протягивают руки вверх и поникшими пальцами хватаются за лучи умирающего солнца.

– Арчи!

Полуослепший Том пошатывается, а за ним наверняка наблюдают коварные твари. Он спотыкается, бледный и теплый, точно дрожащее животное, которое пахнет пищей и уже давно должно прятаться в своей норе. Древние инстинкты трепещут в ожидании нападения сзади или сбоку.

– Арчи!

Оказаться здесь так скоро после первых напрасных поисков и пытаться найти уже не только очередную потерянную игрушку, но и собаку – это доводит его от подавленности до раздражения. Оно тлеет внутри, словно приступ несварения желудка. И все же Том здесь, ищет второго пингвина, заблудившегося не на той широте в чужом краю. «Оба мы дураки набитые».

– Малыш!

Грейси не сбилась бы с пути, так что, по крайней мере, игрушка должна быть где-то на тропинке. Местами пингвин белый, приметный. Не так много возможностей сойти с тропинки между деревьями, которую, возможно, даже протоптали животные.

Том идет дальше и все сильнее ощущает скованность, когда пригибается и бросает взгляды на свои едва различимые в темноте ноги. Но он успевает продвинуться вперед не больше чем на несколько сотен метров, когда его заставляет выпрямиться запах разложения.

Морщась от миазмов, привкус которых, кажется, намерен навсегда поселиться у него во рту, Том глядит под ноги. Ничего не видно. Он отмахивается от чего-то невидимого и слышит жужжание у себя над ухом. Затем вглядывается вверх, на кружащееся кольцо насекомых.

Прорехи в лесном пологe пропускают рассеянный голубоватый свет, который очерчивает обмякший, но все же пушистый хвост, висящий на березе.

Том отшатывается, заслоняя предплечьем рот и нос.

– Какого хрена?

Сначала ему кажется, что это кошка. Но для кошки окоченевшие лапы выглядят слишком жесткими и щетинистыми. Только когда удастся разглядеть белое горло и треугольную морду, которая расширяется к большим, поднятым вверх ушам, Том понимает, что перед ним истерзанные останки лисы.

Он вглядывается, не веря и слабея от ужаса, в черные десны и оскаленные острые зубы, выступающие в слабом свете и медленно проникающие в его сознание. Маленькое создание, окоченевшее, то ли тяжело дыша, то ли облизываясь длинным языком. Привязанная к стволу лиса с удавкой из тусклой проволоки на шее. Дерево обернулось егерем.

Том, кашляя, отступает, поскольку трупное зловоние и жестокость зрелища вселяют невыносимый ужас в его мысли.

Прошло несколько дней с тех пор, как он отважился в первый раз зайти так

далеко в лес, но Том узнает упавшее дерево, которое лишилось коры и приобрело цвет бледных костей – одно из того немногого, что все еще видно на земле. И раньше к его стволу не было привязано никакое животное. Конечно, тогда Том высматривал игрушку, но наверняка почувствовал бы запах и услышал жужжание мух. Значит, трупик принесли недавно. И вывесили, точно вора на виселице, чтобы он раскачивался над единственной тропинкой, которая вела из сада. Ради того, чтобы гости не забирались далеко в старый лес. Это сделал кто-то из местных.

Маленькая Грейси тоже видела мертвую лису. Зверька, с которым была знакома только по мультфильмам или иллюстрациям к сказкам о говорящих животных, которые подкручивают усы и носят красные пальто. Его ребенок, его маленькая девочка, обожавшая всех детенышей, увидела *это*. Она не может представить себе смерть персонажа из книги сказок, не говоря уже о задушенном проволокой животном, почерневшем от крови и кишасшем мухами в том самом лесу, который папа преподнес ей как волшебный подарок.

Это должно было стать таинственным и очаровательным местом, окружавшим теплый дом, который навсегда останется в ее памяти наполненным любовью и светом. Никаких непроходимых зарослей, таких же диких и унылых, как холодный, тоскливый дом, зараженный призраком повешенного в холле.

И в сознании Тома вспыхивает образ несуразной головы миссис Мут: чувство собственной важности и врожденная злоба отпечатались на отвратительном для него лице. Он почти слышит покровительственный тон, исходящий из этой морщинистой, заросшей бакенбардами морды. «Да-а-а?»

Что она тогда сказала? «Как родитель, разве вы не заботитесь о безопасности своей дочери»? Затем упомянула что-то о воображении Грейси, о том, что в старом лесу появляются всякие идеи... «Мы отругали ее ради ее же блага... Это не место для детей».

И после Том бежит прочь от миазмов мертвечины, у него перехватывает дыхание. Вдохи и выдохи жаждут превратиться в крики ярости. Он неуклюже мчится в темноту, ударяя по всему, что хлопает у него над головой и скрещивается, точно руки, на груди – ветви, созданные, чтобы увеличить его мучения, престоерегают его, заставляя вскипеть.

До тех пор...

Над Томом, позади него, рядом с лисой трясутся ветки – что-то проталкивается сквозь протестующую зелень. Суету сопровождают решительные движения то ли лап, то ли рук, которые хватают и загибают.

Том останавливается. Оборачивается. Огонь его ярости превращается в иней ужаса, который исходит из кожи головы и сковывающий льдом позвоночник. Этот взрыв страха настолько силен, что сжимаются и разжимаются тестикулы.

Вглядываясь вверх, Том теряет равновесие. Попадает рукой в крапиву. Мокрая кожа на проводах под напряжением.

Взгляд Тома скользит по кружевным и окаменевшим кораллам, которые оплетают нижнюю сторону лесного полога. Невзрачная плетенка, которую слабый свет проецирует на угольный экран неба. Никакого движения. Но любой стусок, очертания чего угодно там, наверху, могут оказаться источником шума.

Возле земли на тропинку вылетает громоздкая фигура, заставляя Тома опустить взгляд. Существо проносится в нескольких футах, отталкиваясь от кустарников.

«Обезьяна или чудовище? Откуда оно взялось, с дерева?»

Невозможность происходящего холодными пальцами сжимает горло, пытаясь выдавить разум прямо через свод черепа. В течение нескольких невыносимых секунд Тома охватывает напряжение, и он с ужасом в глазах заключает, что существо перед ним просто не может быть реальным. Он не в силах ни пошевелиться, ни выдохнуть.

Влажно хлопают лапы. Маленькая лохматая тень, черная, каким скоро станет небо, ковыляет ближе, пересекая участки чернильной пустоты под корнями деревьев. Приближается, не выделяясь ничем, кроме небольших объемов и вихляющей походки, будто тяжелое брюхо покачивается над мокрой землей. Идет прямо на него. До него.

Том скулит. Даже поворачивается боком, чтобы подготовиться к удару по ногам, который, как он ожидает, будет ужасным. Тому хотелось бы подпрыгнуть, словно напуганная мышью домработница в одном из мультфильмов Грейси.

А потом эта штука чихает, отчего звякает стальной жетон с именем на ошейнике. В шаге от голеней Тома похожая на буханку голова с опущенными грязными ушами принимает, наконец, узнаваемый вид.

– Арчи! Мерзавец! У меня чуть сердце не остановилось!

Его голос не вызывает ни дружелюбного лая, ни прыжков, ни вытягивания лап. Не вызывает даже собачьей «улыбки». Здесь лишь подавленный щенок, который с трудом добрался до него, опустив траурным флагом короткий хвост.

Наверное, он заблудился. Брошенный Грейси, которая убежала от мертвой лисы. Его оставили здесь бродить и кружить, скулить и сопеть в поисках своих людей, пока перед его прозрачными карими глазами оскудевал свет в воздухе.

Сердце Тома разрывается.

От раскаленной ярости через превращающий в камень ужас, чистый и белый, до радости, от которой слезы наворачиваются на глаза. У Тома кружится голова.

– Малыш.

Он опускается на колени и берет на руки бродяжку с влажным носом и промокшими ушами. Судя по тому, что Том может разглядеть, глаза щенка кажутся печальными, но в то же время благодарными за то, что хозяин нашелся. Том берет спаниеля на руки и возится с ним так, как хотел бы возиться со своей дочкой на кухне. Но тут же обнаруживает, что изучает мордочку Арчи, поскольку пес постоянно облизывается, словно у него болит пасть... и тут неподалеку среди холода щелкает ветка.

За этим следует свист воздуха, и Том скорее ощущает, чем видит, как у него над головой перепрыгивает с ветки на ветку нечто гораздо тяжелее птицы или белки.

Том поворачивается, запрокидывает голову, Арчи крепче прижимается к его груди. Том осматривает залитую чернилами внутреннюю сторону лесного полога, но не может различить никакого движения среди непроницаемой решетки из веток, почерневших «стропил» дубов, вязов, лиственниц и берез. Там, наверху, что угодно могло стать чем угодно.

«Птица? Крупная птица? Сова? И, возможно, она охотилась на Арчи?»

Том колеблется, пока запах мокрой шерсти пса не наполняет его носовые пазухи и не напоминает о доме и девочках; о каком-то остатке тепла и единения.

Арчи прижимает голову к груди Тома и облизывает свою мордочку. Больной ребенок. «Отнеси меня домой, папочка». Том понимает знаки и хочет выбраться из ужасного леса, подальше от припрятанных колючек, вонючего компоста и тухлой падали.

Он осторожно движется назад, озираясь и задирая голову, словно опасаясь нападения с воздуха, пока не достигает сломанных ворот, где оловянной посудой мерцают старые распятия. Тусклые маяки, напоминающие ему, что он дома.

Том захлопывает ногой заднюю дверь. Его сердце колотится и вытряхивает последние капли адреналина, но теперь, в помещении, он, по крайней мере, может уловить хоть малую толику заложенного в домах предназначения: укрытие и безопасность. Или что-то в этом роде. Такое с ним здесь впервые. В присутствии девочек Тому нужно скрыть, что его потряс лес, под подушкой из кухонного света и комфорта. Их дома. Так должно быть, поскольку идти им некуда.

Сбросив ботинки, Том становится на старый линолеум и направляется к Грейси, держа под мышкой Арчи. Дочь по-прежнему утыкается лицом в мамину шею, но, по крайней мере, уже не плачет.

Том опускается на колени.

– Смотрите, кто у меня здесь.

Грейси слегка поворачивает голову, одним глазом подсматривает, кого принес ее папа – пушистого малыша их семьи.

Арчи глядит в сторону Грейси, но не может проявить привычной сопящей радости, с которой напрашивается на игры. Пес все еще вылизывает мордочку.

Том укладывает Арчи в его корзинку, щенок смотрит оттуда, умоляя взглядом снова его обнять. Жалкий, но душераздирающий призыв утешить, однако пес стал тяжелым и окажется преградой между ним с Грейси и тем, что Том хочет у нее спросить.

– Что за парочка. Заблудились в лесу. Вы оба, честное слово. Напугали меня и маму до полусмерти. Уже дважды. Что случилось, милая? Ты что-то увидела? – Том думает о черной от крови и мух лисе с застывшим оскалом.

– Она в шоке, – говорит Фиона, которая сама шокирована мыслью о том, что ее дочь могла пострадать.

– Зачем ты туда пошла, орешек мой? – спрашивает Том, игнорируя хмурый взгляд жены, говорящий о том, что сейчас не время для выяснений, которые она наверняка рассчитывает устроить. Но Грейси уже достаточно успокоилась для ответа и, похоже, горит желанием поделиться своим ужасом и восторгом от пережитого.

– Лесная леди велела мне прийти. За Уоддлсом.

– Какая леди? Та, что живет по соседству?

Грейси качает головой.

– Лесная леди сказала, что Уоддлс в ее лесном доме с камнями.

– Подожди. Та леди просила тебя пойти в лес? Когда ты была в саду?

Грейси кивает.

– Кто она такая?

– Она в лесу, у холма.

– Ты ее видела?

Грейси качает головой, лицо у нее печальное. Но тут ее глаза расширяются, в них появляется заинтригованное выражение, словно малышка только что осознала, до чего странно слышать бесплотный голос из глубины леса.

– Но она знала твое имя?

Грейси кивает.

– И когда ты была там... ты встретила даму, которая тебя звала?

Грейси качает головой.

– Ее там не было. Там были белые чудища на холме и лиса на дереве, которую они ранили.

Том и Фиона обмениваются взглядами. Фиона озадачена, а Тому делается плохо от деталей этого нехитрого рассказа. Он смотрит на кухонное окно.

Темное стекло, за которым не видно ничего, кроме отражения кухни. «Нужно повесить жалюзи. Так, чтобы ничто... никто не мог заглянуть внутрь». Снаружи – то, что осталось от старого забора, разделяющего два дома. Торцевые панели разбиты вдребезги. Остатки сложены на заросшей лужайке. Помимо того: *они*.

– Что-то здесь не так.

– Да что ты говоришь! – Фиона злится на него, хотя не должна.

Тому нужно поправить ее.

– Это снова они.

- Только не сейчас. Ради всего святого.

Том вглядывается в глаза Фионы, изучая, просеивая, ища хоть намек на любопытство по поводу того, что, черт возьми, только что произошло с Грейси, не говоря уже о нем самом. И не видит ничего, кроме каменного презрения жены, разделяющего их настоящей стеной.

- Ты же слышала, что сказала Грейси, - замечает он мягко, примирительно.

- А кто ей сказал, что этот лес ее?

Тут Грейси садится, напряженность между родителями заставляет ее вмешаться в разговор:

- Новый Уоддлс потерялся!

Фиона кладет книгу на захламленный комод дочки. После двадцати минут чтения «Маленьких серых человечков» она добиралась до концовок предложений, едва представляя, с чего те начинались. Мысли о вещах, не связанных с гномами, то появлялись, то исчезали из этой истории. Мышцы Фионы не отпускает призрачное ощущение работы, словно она продолжает вешать занавески и мазать кистью по стенам, которые Том ободрал и зашкурил. Густой запах эмульсии сделал носовые пазухи нечувствительными к другим ароматам. И хотя Фиона была в перчатках, кончики ее пальцев в пятнах.

«Нужно до завтра привести их в порядок. Погладить блузку. И форму Грейси. Есть ли чистый джемпер? Мы не сделали с ней домашнее задание».

– А гномы в лесу, мамочка? Может, они присмотрят за новым Уоддлсом, пока папа его не найдет.

Фиона выныривает из водоворота своих забот и плывет к берегу и к своей дочери.

– Даже не думай об этом месте. Оно под запретом.

А потом Фиона слышит, как Том снаружи говорит на повышенных тонах, и ее кожа покрывается мурашками. Он пошел к соседям. Она просила его не делать этого. Потом велела ему не делать этого. Он не отвечал, только продолжал пить второй стакан рома. Когда Том вернулся с Арчи, Фиона поняла, что муж встревожен, он был рассеян и скрывал за нервной улыбкой нечто похожее на страх. И в разговоре с Грейси выглядел так, будто только что увидел несчастный случай и выяснял подробности у другого свидетеля...

С тех пор Фиона погрузилась в дела: купала Грейси в тепловатой воде, которая струйкой лилась в ванну из разряженного бойлера. Сушила дочке волосы, искала пижаму, отвечала на расспросы, пока Том мерил шагами кухню, в конце концов он остановился, оперся на костяшки рук и навис над раковиной, глядя в никуда. Даже находясь на другом этаже, Фиона знала, что он ведет себя именно так. И что губы у Тома шевелятся. Актер репетирует свои реплики. «Просто пытаюсь собраться с мыслями», – сказал он, когда она спустилась и попросила проверить давление в шинах ее машины.

«Ублюдки-соседи повесили на дерево мертвую лису, чтобы отвадить нас от походов в лес».

«Ты не знаешь, они ли это сделали», – ответила она.

«Черта с два не знаю!»

Нет смысла спорить, пока он в таком состоянии.

Пара стаканов огненного рома развязали последние нити, сдерживающие внутри ее мужа разъяренного гиганта. И теперь Том молотит ладонью по двери соседей, что слышно им с Грейси. Голос мужа звучит словно издалека.

– Эй! Привет! На одно слово! Эй! Я знаю, что вы там!

Грейси пристально смотрит на свою маму. А Фиона глядит на занавески, прикусывая нижнюю губу и сознавая, что к ней повернуто маленькое личико, бледное, будто под подбородком дочки горит фонарик; пытливый детский ум изучает выражение ее лица, выискивая признаки диссонанса в гармонии «мамы, папы, Грейси и Арчи». Фионе кажется, что теперь она почти каждый день задерживает дыхание.

Голос Том вдалеке:

– Что! Вы! Себе! Думали! Вы играетесь, да? Эй! Мертвое животное! Чтобы напугать маленькую девочку! Вы повесили его там! Вы мерзкие, жестокие, недалекие трусы!

Грейси, наверное, и раньше видела у мамы такое выражение лица, Фиона и сама его замечала во множестве отражающих поверхностей: глубокие трещины вокруг глаз и рта. И она всегда морщится.

Но у нее есть веские причины для беспокойства с тех пор, как контракт Тома истек после трех лет постоянной работы, платой за которую они закрывали ипотеку. Последовали четыре месяца случайных заработков, когда мужу либо не платили оговоренную сумму, либо давали вдвое больше работы, но выплачивали ровно столько, на сколько договорились. Даже остатки отпускных, которые ему

удалось выцарапать на несправедливых условиях, испарились вместе с премией. С тех пор его попытки задействовать старые контакты и вытащить из воздуха несколько полушансов оказывались тщетными. И теперь Том в отчаянии, слишком старается и на самом деле не любит себя, когда доходит до такого. Он заполняет вакуум, ремонтируя дом – «все получается, если подумать, ведь так я быстрее приведу в порядок дом», – и проделывает огромную брешь в их иссякающих сбережениях, так что придется обходиться ее окладом в банке.

Фиона может обеспечить ипотечные платежи, бензин, еду. Но ничего больше. Им нужно будет оплачивать счета, покупать строительные материалы, платить ремонтникам... крыша, электропроводка, сантехника, штукатурка. Это должен покрыть Том.

Этот дом никогда не перестанет забирать то, что у них есть. Фиона чувствует запах его неизлечимой болезни, вечную немощь в покрытой плесенью штукатурке, в потоках пыльного воздуха, которые слышатся хрипами, втягивающими частички омертвевшей кожи из-под половиц в легкие. И это только начало. Они здесь не медики, они – гробовщики.

– Папа опять слетает с катушек?

Она встревоженно возвращается в комнату, услышав от Грейси это выражение. Дочка подхватила его из разговоров самой Фионы с собственной матерью.

Фиона встречается с серьезным взглядом Грейси, и ей хочется расхохотаться и разрыдаться одновременно.

* * *

Когда она заходит на кухню, Том уже опять наполняет свой стакан чистым ромом.

– Я думаю, до них дошло послание. Даже если оно было доставлено через чертову щель почтового ящика. Попрытались. Но я слышал этих старых ублюдков. Как крыс в темноте.

Фиона садится на табурет у кухонной стойки и наблюдает за мужем, ожидая паузу в его тираде или искорки сомнения в глазах, прежде чем заговорить. У Тома бурлит кровь.

– Это жестокое обращение с животными. Они не фермеры и не охотники. Нельзя просто убить животное и использовать его как нечто вроде межевого знака. На общественной земле. Это средневековье. Кем, черт возьми, они себя возомнили?

Фиона гадает: не перепуталось ли все в его голове, не переносит ли он свое разочарование на соседей? Но она не хочет общаться с мужем, пока тот в таком состоянии, и даже понимает, что не может с ним говорить, будто он ей надоел. Что Том наскучил ей не меньше, чем злит.

– Мне нужно поработать. Этот плинтус сам себя не установит. Я потратил кучу времени на поиски гребаного пингвина и собаки. Черт побери!

Фиона смотрит на часы.

– Уже поздно.

Том игнорирует ее слова и выходит из комнаты.

Том смотрит, как отъезжает машина Фионы.

Повернув голову, чтобы выглянуть над спинкой детского кресла, Грейси смотрит на сам дом, а не на своего папу в окне наверху. Дочка проснулась испуганная, подавленная и по-прежнему не улыбается.

Семья уехала на целый день, Том уныло выходит из комнаты дочери и бредет в главную спальню. Страдая от злого похмелья, его дух – это разнесенное штормом побережье, его мысли – разбитые шезлонги и пляжные домики. Вывеску с мороженым забросило на дерево.

Помириться с соседями теперь невозможно. Никаких шансов на ледяную атмосферу между домами, которая могла бы со временем растаять, или на сухую терпимость. В первые дни это был бы наилучший сценарий. Его больше нет. Прошлой ночью он размахивал кулаком возле их лиц. Ходил вокруг дома, будто папаша из семидесятых, чей ребенок получил от соседа по уху.

Морщась, словно у него в животе туже затягиваются узлы бечевки, Том вспоминает, что кричал в щель для писем. Нет, нет. Слишком многое, чтобы позволить себе повторный визит. Стыд за упрёки застилает ему глаза. Что, если соседи не имеют к лисе никакого отношения?

«Как Фионе это удастся? Остаться такой спокойной?»

Том наклоняется, поднимает растрепанный язык одеяла, которое валяется на полу в их комнате, и бросает на кровать. У окна смотрит на изрытое воронками поле битвы в своем саду.

Арчи откопал три ямы на заросшей лужайке, растерзав землю так, будто хотел доказать, что это поверхность негостеприимной планеты. Этим утром трава кажется темнее, не хватает красок, словно единственная спасительная благодать – полевые цветы – тоже исчезла. Кажется, этим утром они не раскрылись. Фасад обращен на восток. Там свет. Может, в этом все дело.

Том оборачивается на участок соседей, и его зрение переключается с монохромного канала на полихромный, от анемичного черно-белого к сочному, яркому спектру красок, взрыву цветущего плодородия. Том пораженно замирает, пока движение на дальней окраине соседского сада не привлекает его внимание. Маги и миссис Мут выходят из леса с корзинами в руках.

Том отступает назад, от нервозности у него появляется желание отлить, будто он только что увидел двух хулиганов, болтающихся без дела у школьных ворот, через которые он должен пройти.

* * *

Когда Том входит на кухню, щенок жалобно визжит. Пес превратился теперь в затихший черный комок, неподвижно лежащий в корзине. Несъеденный корм засыхает в собачьей миске.

Кроткий взгляд щенка умоляюще смотрит на хозяина. Том садится на корточки и гладит Арчи по голове.

– Немного не в себе, малыш? Или просто сочувствуешь, что я в этой конуре? – Том треплет Арчи за уши, а пес снова облизывается. – Повредил себе пасть? Я попозже посмотрю. Но сегодня станет полегче, приятель.

На заднем дворе, на краю патио, Том опускается на колени и осматривает отвратительных подданных своего недавно завоеванного королевства. Дотрагивается пальцами до побегов вьюнка, который обвивает копну бирючины, его стебли тянутся от опушки леса.

Грейси любит эти соцветия в форме горнов, раскрытые будто бы для музыки, словно сто граммофонных ратрубов, растущих вдоль края их сада. В первый день, когда дочку выпустили во двор с Арчи, она бросилась к этим цветам. Но сегодня они напоминают саваны призраков, скрывающие высохшие пестики. Цветы увяли сами по себе и выглядят раскисшей под дождем бумагой.

Том пытается вспомнить, когда в последний раз видел вьюнок не таким, как сейчас. Не мертвым. Вчера? Нет, вчера он сюда не смотрел, но последние

несколько дней растение точно не было в таком плачевном состоянии.

Гибель лисьих перчаток, как иногда называют наперстянку, тяжелым грузом ложится на его сердце. «Шляпки фей», – говорила про них Грейси. Персонажи одной из ее книг носят похожую одежду. Кусты в тени развалившейся изгороди стали выше, чем раньше, и приобрели инопланетную эстетику: гроздьях обращенных вниз громкоговорителей неземного ярко-фиолетового цвета. Флора с обложек старых научно-фантастических книг в мягком переплете, что были у отца Тома. Система оповещения Марса. Но теперь все цветки увяли и приобрели темновинный оттенок, некоторые чернеют гангреной, побеги трещат, будто стебли кукурузы после библейского мора. Их считают сорняками, но только не Грейси. Она оплетала ими ошейник Арчи. А сам Том с Фионой смотрели из окон и смеялись над своим «сумасшедшим псом-хиппи», прыгавшим по травам за их дочкой. Всего несколько дней назад.

Белый как снег клевер недавно тоже обосновался на этой лужайке – клочке земли, заново ожившем после долгих лет забвения. Но теперь кремовые цветы засохли и побурели, словно сожженные дотла ядерной вспышкой. Цветки похожи на хлынувших из города беженцев, которых настиг и поглотил жар звезды.

У основания разрушенного забора недавно расцвели ярко-желтые стада трилистника птичьей лапки. словно в сюжете романтической акварели, цветы оживили руины. И тоже были уничтожены, будто присыпанные липким и шипящим дефолиантом^[4].

Том шарит в буйной траве, ищет выживших. Но все его цветы поникли, закрылись и сморщились.

Настойчивое жужжание мух привлекает его к яблоням. Том подозревает, что эти три дерева когда-то были частью фруктового сада, над которым выросли дома на окраине деревни.

Когда он подходит ближе, молодые, незрелые яблоки кажутся болезненно-темными, уже не зелеными, бока у них неровные. Держа яблоко на ладони, как фермер перед зимой, которая будет блеклой от голода и нужды, Том поворачивает сморщенный, размякший трупик яблока. Над деревьями жадно кружат мухи, собирая свою порцию сидра с привкусом кровоподтеков. Том отмахивается от одной, пролетевшей прямо возле лица.

Его сад погиб в одночасье, полностью пораженный болезнью, которая распространилась за сутки или того меньше. Невозможное дело.

В конце лужайки, где соседи сломали забор, брешь теперь напоминает место проникновения армии захватчиков, которая стремительно налетела и так же стремительно отступила. Нарядные декоративные деревья обозначают вторую границу собственности, выглядывая из-за покосившегося забора. Там, где он все еще стоит. Симметричный ряд деревьев, которые позируют, как самодовольные рыцари – они только что атаковали его седых крестьян, выжгли землю и гордо пустились галопом домой, в царство шика и света.

Ничто из того, что можно разглядеть в соседском саду, не тронута этой гнилью. Нет, он просто светится; небесная аура, видимая из пролетающего самолета.

Оттуда доносится гул триммера «Флаймо». Щелк, щелк – садовые ножницы лениво подрезают зелень за шатким забором возле патио. Соседи снова занимаются садоводством. Что еще им делать?

В воображении Тома быстро вспыхивает и гаснет подозрение, что старики выбрались из дома только потому, что он в своем саду. Они лишь притворяются занятыми. Это игра, уловка, прикрытие, а на самом деле им хочется увидеть его реакцию на мертвый сад.

«Это они сделали? Но как?»

Том пробирается по зараженной траве к свежим ямкам, которые выкопал Арчи. На дне первой замечает тусклое мерцание, мелкие брызги грязи покрывают потускневшую поверхность. Еще одна свинцовая табличка. Том наклоняется, просовывает руку в дыру и выковыривает металлическую пластину ногтями, которые немедленно покрываются красно-коричневой коркой земли.

«Еще одна металлическая пластина, зарытая на фут глубже?»

Она из свинца.

Счистив большими пальцами землю с верхней стороны, Том сразу замечает отметины.

С табличкой в руке он, спотыкаясь, подходит к следующей ямке и приседает.

Заканчивая работу пса, Том напоминает человека, копающего себе неглубокую могилу. Он снова достает свинцовую табличку и тоже с надписью. В недоумении изучает ее, сидя на корточках. Затем со стоном поднимается и бредет за садовым шлангом.

Холодная вода смывает землю с табличек. Теперь лучше видны отметины – любопытные царапины, покрывающие одну сторону каждой плашки. Таблички, с которых срываются капли, потертые, но, похоже, на них нацарапаны иероглифы, символы или буквы алфавита, который Том не узнает.

Дома он кладет две новые находки на подоконник, рядом с первой, которую обнаружили Грейси и Арчи. Уже три. Сколько там еще? Что это такое и какой у них возраст? Хотелось бы ему спросить об этом хоть у кого-нибудь. Например, у дружелюбно настроенного соседа. Возможно, это «сувениры», оставшиеся от какого-то местного завода? Части здания, которое давно сровняли с землей? Какая-то традиция, связанная с сельским хозяйством?

Размышляя над загадкой, Том замечает мокрое пятно на линолеуме рядом с собачьей корзинкой. Маленькая пенистая лужица мокроты с розовым оттенком. Пес заболел.

Том опускается рядом с корзинкой Арчи.

- Что ты съел, парень?

Затем он наливает в миску воды из-под крана, хотя на то, чтобы выпросить достаточно жидкости у кухонных труб, уходит некоторое время. Том подставляет наполненную до краев миску поближе к носу Арчи. Одной рукой гладит щенка по голове, а другой промокает пенистую рвоту ворохом бумажных полотенец.

Через распахнутые, чтобы выветрить запах клея, которым приклеивал к половицам виниловые плитки в комнате Грейси, окна Том слышит, как машина Фионы сворачивает на подъездную дорожку.

Желая похвастаться новым полом, он проводит ладонями по блестящей поверхности, словно по льду. После потерянного утра и потраченных в садовом центре четырехсот фунтов (купленное было спрятано в сарае), Том заставил себя подняться наверх и постелить полы в спальне Грейси. И теперь рад, что так поступил.

Вчера он разложил напольное покрытие, чтобы дать материалу за ночь усесться и приспособиться к новой среде, а после разрезал эластичные полотнища до того идеально, что сам удивился. Под гладким темным покрытием не заметно ни неровностей, ни складок, и на первый взгляд оно выглядит как настоящее дерево.

Новый пол заново запечатывает скопившийся за долгие годы сор, который просачивается сквозь трещины и неровные края, будто черные кудри, срезанные с грязной головы. Именно через эти щели в дом могли забегать мыши. В обеих спальнях Том залил все заметные зазоры и прорехи силиконовым герметиком.

Еще он нашел время, чтобы аккуратно и ровно прибить плинтусы в комнате Грейси. Дополнительная преграда на пути того, чему, по его и Фионы мнению, не место в доме и в легких дочки. Венцом совершенства стал металлический порожек там, где теперь плавно и беззвучно качается недавно повешенная дверь. Том избавился, по крайней мере, от одного источника стонов в этом здании и открыл новую комнату в его сердце.

Завтра утром он сдвинет кровать и настелит пол в главной спальне. Возможно, послезавтра успеет уложить пол в нижнем холле и еще на этой неделе разберется с гостиной. Если дело пройдет так же хорошо, как в спальне Грейси, все это вполне достижимо.

Прямо тут, под его руками и коленями, это место приобретает новую форму: более яркую, более гладкую и молодую. Цель восстановлена, вершина вновь обретена. Том должен помнить о них, осознавать их, признавать их. А после сегодняшней гибели сада ему особенно было нужно ощущение цели. Боже, как ему было это нужно.

Открывается входная дверь, и этот звук пробивает оболочку безмолвия внутри дома; пузырь лопается одновременно с тем, как Том выходит из хмурой концентрации, нужной для укладки полов.

Две пары ног стучат внизу по голым половицам, над звуками шагов разносится голос Грейси:

– Арчи-медвежонок! Посмотри, что я сделала для тебя в школе!

Ее маленькие ножки барабанят по коридору в поисках щенка, который не скакал, приветствуя ее, и не скребся у двери, скуля от нетерпеливого желания добраться до своей Грейси.

Том осматривает продланную работу с другой стороны. Смахивает кончиком пальца одинокий волосок, словно оглядывая капот новой машины.

А тут на кухне раздаются рыдания Грейси.

Том неуклюже поднимается на ноги. День у дочки был долгий. В школе на детей сильно давят. Потом еще два часа на продленке, пока Фиона не приехала за ней из банка. Потом сорок минут на машине сюда. Домой. Малышка заснет уже к половине девятого.

Когда Том появляется в дверях кухни, он не знает, на что смотреть в первую очередь и с кем говорить.

– Что тут такое? А?

Фиона съежилась в углу, держа на руках Грейси. У нее тоже был долгий день. Волосы растрепались, макияж стерся, под глазами появились морщинки от усталости, а теперь еще маленькая дочка уткнулась лицом ей в грудь и плачет навзрыд. Глаза Фионы тоже влажные. Крошечные частички туши сажей стекают по скулам.

На Тома никто не смотрит.

Он оглядывается вокруг и видит мягкую корзину и еще одну лужу жуткой

розоватой пены, которой стошнило щенка. В корзинке лежит черное тельце: окоченевшее и неподвижное, голова запрокинута, глаза открыты. Белая пена покрывает мордочку щенка, словно он за день внезапно постарел на целую жизнь и скончался во сне в самом сердце дома псом-стариком.

Том закрывает книгу БиБи «Маленькие серые человечки». Они с Фионой по очереди читают дочке по вечерам. И сегодня Грейси у них в постели. После смерти щенка Том не стал спорить о том, где ей спать.

Словно для того, чтобы игрушка вселила в нее уверенность, Грейси вглядывается из-под одеяла в неподвижные зрачки и сверкающие радужки своего второго нового пингвина, которого этим утром доставил курьер. Том изучает выражение лица своей дочери. Ее пытливые глаза обрамлены ресницами, тоньше и мягче которых нет на земле. В них такая уязвимость. Она кажется Тому почти невыносимой. Это лишь мимолетное ощущение, но он чувствует, что по-настоящему видит свою дочь во всей ее полноте только перед сном. Едва утихают ее болтовня и шалости и Грейси ложится спать, как Тома поражает захватывающее дух осознание: этого маленького человечка он создал и должен защищать.

Грейси хочет для всех самого лучшего. Нуждается в счастье. Может вынести лишь крошечные отклонения от абсолютной безопасности и покоя, иначе у нее появятся синяки и раны. И все же она здесь, в большом, странном доме, наполненном темными тайнами, от которых ее защищают родители. И Грейси знает об этом. А Том знает, что она знает.

Там, снаружи, старый лес: катакомбы теней и манящие тропинки, которые скучают в подлеске. Бесконечно шепчущее море. Но в эти огромные пространства, в эти новые места теперь прокралась смерть и погасила тепло, дружбу и любовь, которыми Грейси делилась с другим маленьким живым существом. С Арчи.

Том читает все это на выразительном личике своей дочки: стремительные мысли, которые мелькают в маленьком мозгу, мчатся, будто пескари в затененных глубинах, между заботами и кровотечениями, к вопросам, слишком ужасным и окончательным, чтобы вынести их, когда ты так мал. Дети страдают и всегда страдали. «Но не моя малышка. Только не сейчас». Таков был план.

Он наклоняется к Грейси и долго целует ее в лоб. Руки дочки обвивают его шею.

Но внимание дочки сосредоточено на окнах.

– Ты в безопасности, – говорит Том.

Грейси его слова не убеждают.

– Эти деревья. Они напугали меня.

Том откидывается назад и берет дочку за руку. Грейси крепче стискивает своего пингвина. Том оглядывается через плечо на дверной проем, убеждается, что берег чист, и поворачивается к малышке.

– Твой папа никогда не позволит, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Ты очень дорога мне.

Легкое пожатие ее руки.

– Но на днях, когда вы с Арчи были в том лесу, ты что-то видела? А? На деревьях, перед тем как побежала обратно.

Глаза Грейси расширяются от страшного возбуждения и радостного удовлетворения от того, что ей задали этот вопрос. Том даже начинает подозревать, что подтолкнул ее к сочинению сказок.

– Белые существа ходили задом наперед на холме, который должен был стать моим лесным домиком. Странно ходили. Они привязали к дереву лиса. Сделали ему больно. – Лицо Грейси морщится от слез.

Том использует всю силу воли, чтобы сохранить спокойное выражение лица и не отреагировать ужасом на эти детские описания.

– А где был Арчи?

– Там, с белыми существами. Сначала он испугался и зарычал на лисичку, потом заполз внутрь круга и поднялся на холмик. Лизал ногу тому, который был похож на хрюшку.

– Эти... белые существа были людьми?

Грейси решительно качает головой.

– Чудовищами без одежды.

– Они кормили Арчи?

– Он лизал ногу.

- Ногу?
- Как когда он лижет пальцы.
Снаружи скрипит лестница. Фиона.
- Том. На пару слов.
Том вздрагивает. Затем целует Грейси.
- Мамочка уложит меня спать?
- Конечно. Она прямо за дверью.
- Папа, не уходи.
- Папа будет слушать снаружи, как ты ложишься спать. И потом ляжет рядом.
А в холле горит свет. - Том медленно поднимается с кровати, подмигивает Грейси.
Она сжимает его пальцы.
- Папочка, когда Арчи будет укладываться в свою кроватку в саду, возьми его одеяло, чтобы ему было тепло.
Том улыбается и кивает. Его глаза увлажняются, и комната теперь словно под водой. Он использует всю свою волю, чтобы не утонуть в жалости и любви, которые испытывает к этому маленькому человечку, и чтобы устоять перед ужасом, который сегодня вошел в их жизнь. Том сглатывает, но едва может говорить. Затем он шепчет:
- Обещаю.

Накатывает ночь, заливая чернилами неровное патио и запущенный сад. Фиона стоит на кухне перед раковиной, скрестив руки на груди. В оконном стекле отражается ее мрачный оскал.

Том берет левее, огибая распахнутый люк плохого настроения жены, и направляется к полупустой бутылке рома на кухонной столешнице. Он замечает, что ноутбук Фионы открыт. На экране светится графика их банковского счета.

Не поворачивая головы, Фиона произносит напряженным шепотом – она не хочет, чтобы ее слова долетели до второго этажа:

– Я не желаю, чтобы ты ее поощрял. С этими... кем бы они ни были. Я не желаю, чтобы наш ребенок даже думал о таких вещах.

Том льет в стакан рубиновый алкоголь и говорит так же тихо и немногословно:

– Думаешь, она выдумывает?

– Конечно, выдумывает. Она не понимает, что видела. И видела ли что-нибудь. Но дай угадаю, ты не считаешь, что она сочиняет?

– Трудно точно определить, что я считаю. – Глоток спиртного обжигает его пищевод, а затем превращается в охваченный пламенем грохочущий лифт, который разбивается в желудке. – Но вот что скажу. Что бы ни происходило – а что-то происходит, – это связано с ними. – Том кивает на стену, отделяющую их от соседей. – С выставкой цветов в Челси^[5].

Фиона оборачивается, ее веки опущены, но дрожат, она набирает в грудь воздуха, чтобы разразиться тирадой в его адрес.

Том продолжает:

– Арчи? Грейси видела, как один из... тех в лесу кормил его. Мм? Сад, черт возьми, мертв. Это случилось за пару дней.

Он подбирается к подоконнику, вступает в еще ощутимую дымку духов Фионы. Она не успела сменить рабочий костюм. Том берет свинцовую табличку, его запястье напрягается от тяжести. Он повышает голос, так его, наконец, услышат:

– Что это такое? Они по всей мертвой лужайке, которую раскапывала наша мертвая собака. Заставляет задуматься. Последний владелец...

– Паранойя. Насчет них, – Фиона кивает на стену. – Ты не прекращаешь с тех пор, как мы приехали сюда. Как будто у нас без того мало забот, Том. А этот дом? А все здесь? Мы едва можем позволить самое необходимое, а ты только что потратил четыреста фунтов на товары для сада. Четыреста! Бензопила?

– Совсем маленькая.

– Действительно нужная вещь.

– Для живой изгороди. Я не могу обрезать ее вручную.

– И это тогда, когда мы должны быть бережливее. С каждым пенни. Тебе не звонили уже...

– Грейси нужен сад, в котором она могла бы играть.

– Ей нужен отец, который...

– Что?

– Просто не обращай внимания на психов по соседству.

– Говорю тебе, Фи. С первых дней. Постепенно, шаг за шагом. Забор. Лес. Они прибили гребаную лису к дереву, чтобы напугать Грейси. Чтобы не пускать туда нас. Кто еще мог это сделать или имел на то причины? Это сделали они. Они. Соседи. Отравили нашу собаку, потому что... – Том останавливается. Он не рассказал Фионе о ссоре, которая закончилась тем, что Арчи наделал дел на лужайке перед домом соседей. – Это возможно. Если не безусловно. Малыш Арчи.

– Ты этого не знаешь.

– Днем тебя здесь нет. Ты не видишь этих уродов.

– Нет, потому что я работаю. И теперь мне придется работать сверхурочно или найти подработку, потому что нам нужно отремонтировать эту чертову крышу. Пока наш ребенок будет заниматься в группе продленного дня. Жизнь мечты, приятель.

Том подходит к корзине Арчи и опускается на колени. Пес завернут в одеяльце.

– Мамочка!

Позади Тома вздыхает Фиона.

- Мамочка! Там какой-то шум!

Том, не поднимаясь, разворачивается.

- Я схожу.

- Нет, черт возьми, ты не сходишь. - Фиона едва не плачет и выходит, промокая глаза салфеткой. - Как можно ожидать, что она уснет после того, как ты заставил ее представить все это!

Наверху начинает рыдать Грейси. Уже сам звук заставляет Тома чувствовать себя вдвое ужаснее, чем тогда, когда они нашли окоченевшего Арчи. Он терпеть не может, когда Грейси или Фиона плачут, и обычно делает и говорит что угодно, лишь бы они перестали.

Фонарик, прислоненный к старому кирпичу, освещает работу могильщика-Тома, пока он спихивает лопатой остатки разрытой почвы в маленькую могилу. В дальнем конце зачехленного сада Том прихлопывает землю, а затем тянется к крошечному кресту, который сделал из двух планок забора. На необработанном дереве белой краской, оставшейся от ремонта главной спальни, написано «АРЧИ». Том вонзает колышек в землю, затем застегивает ошейник Арчи на перекладине.

Скорбные сумерки наполняют небо, воздух и сердце Тома. Внутри он становится такого же сероватого оловянного цвета, когда прижимает руку к разрытой земле и шепчет:

– Малыш.

В ближайшие дни его дочь укроет эту землю дарами. Том легко представляет пластиковые вазочки с увядающими маргаритками, веточки ягод и все, что Грейси сможет раздобыть, чтобы положить здесь, пока болтает с иссохшим тельцем под землей, вспоминая, как влажные, просящие глаза щенка наполняли ее любовью, думать о которой слишком больно.

Вытирая щеку, Том обзревает свою разоренную землю. Разбитые панели забора громоздятся, точно обломки после шторма. Мертвые растения. Червивые яблоки на деревьях, окруженные опьяневшими мухами.

Они живут здесь всего две недели, а он уже хоронит их собаку, стоя на пораженной болезнью лужайке. А вылазки четырехлетнего ребенка в лес привели к тому, что на дереве повесили изуродованную лису.

«Совпадение? Да как же!»

Том глядит на лес, чей неровный силуэт растворяется в угольной черноте. Среди деревьев угадываются шишковатые и чешуйчатые голени, капающие росой пещеры, влажные норы среди кустарников, хранящих многие лиги теней, усеянные запахами тропинки, по которым снуют и охотятся друг на друга мелкие создания.

В мыслях Тома мелькает воспоминание о том, как нечто громоздкое и грузное пробило лесной полог. И прыгало с дерева на дерево. Что это было? Рассказ Грейси о странно говорящих белых монстрах, которые ходили задом наперед. Об Арчи, лизавшем «ногу хрюшки». Том не может найти в этом никакого смысла. Как и в истории с леди, которая, по словам Грейси, позвала ее в лес забрать свою игрушку. Могло ли это быть навеяно сказками, которые ей читали, мультфильмами, которые она смотрела? Они так осторожны со всем, что может на нее повлиять.

Но их щенок лежит теперь под полуметром рыхлой почвы, и его вот-вот переварят естественные процессы сельского мира, где Том надеялся обрести счастье для своей семьи. Этот факт он не в силах вычеркнуть, переиначить или исправить.

И неужели его семья переехала сюда лишь для того, чтобы тоже исчезнуть, превратившись в призрачные следы? В кости в земле. В наполовину доделанные комнаты, которые всего через несколько месяцев после их недолгого пребывания будут осматривать новые владельцы. Том без труда представляет себе будущие слухи от агента по продаже недвижимости. И сплетни в деревне о похожем невезении, которое постигло их предшественника, повесившегося на лампе через полгода после покупки дома.

Никто не мог рассказать Тому, кем был тот человек и почему так поступил. От него осталась лишь пара аккуратно обставленных комнат, гладкие половицы, несколько отрезков новой блестящей проводки и смерть. Не доведенные до финала жизнь и ремонт в доме, над которым тот трудился.

«А вот они знают, что произошло. Соседи».

Том напрягает зрение и переводит взгляд на гордые линии и властную крышу дома Мутов. Слабый отблеск деревянной отделки в умирающем свете создает впечатление хищного оскала. Шторы задернуты. Том воображает, что соседи могут видеть в темноте и бродят по своему идеальному кукольному домику, не включая электричества.

«Они».

Они поселились в его голове.

Ухмылка Маги Мута, его снисходительность при первом же знакомстве.

Миниатюрная и резкая миссис Мут – кукольное пугало, вырезанное бритвой из чистой злобы. Грубая собственница. «Ведьма со щетиной на щеках. С волосами пластикового пупса», – недобро думает он и почти улыбается. Вот что напоминает голова миссис Мут: крошечных пластмассовых человечков Грейси со съёмными волосами. Уж не подстригает ли Маги волосы своей жены садовыми ножницами, придавая ее голове с изможденным, безрадостным лицом форму луковицы? Воспоминание о злых, водянисто-голубых глазах старухи насмехается над Томом.

«Что заставило бы их улыбнуться? Чужое страдание».

Смех Тома больше похож на лай. Хриплый, он пронзает тихий вечер, точно крик безжалостной птицы, которая собралась съесть чужие яйца.

«Неужели над нами будут издеваться?»

Сколько вторжений он должен вытерпеть? Если Муты способны поймать и задушить проволокой лису, способны отравить прекрасного щенка спаниеля за то, что тот нагадил на их лужайке, то что еще они могут сделать со своими соседями?

«Один человек уже умер здесь».

Посетители целуют руку миссис Мут. Почтительно склоняются в глубоком реверансе. Абсурд!

Страх. Муты хотят, чтобы их боялись. Никто никогда не смог бы полюбить уродов, но соседи предпочитают ужас привязанности. Подобострастное уважение – вот чего они жаждут, робкого подчинения их невозможным стандартам.

«Не от меня. В этих вопросах надо доверять своим инстинктам».

Эти люди не правы. Они хотят причинить вред его семье. Демонстрируют превосходство, принижают и подрывают его авторитет при каждой возможности – продуманная стратегия, скрывающая нечто более зловещее. То, что уже начало просачиваться наружу.

«Они презирают тебя». Их мнение о его семье сложилось еще до того, как та переступила порог дома. «Дело не в тебе, а в них». И *они* не остановятся. Пока его семья будет жить здесь, мучения будут продолжаться и становиться все тяжелее.

Возможно, Муты почувствовали, что он близок к срыву и крайне уязвим. Со всем этим грузом ответственности на плечах. И они захотели ускорить его падение.

Краем глаза Том замечает самодельную надпись на могиле Арчи, и холод приземляет его мысли. Они теряют опору и спотыкаются, пока единственным, о чем он может думать, не становится: «Убили члена моей семьи. Ведь вот кем ты был, малыш, – одним из нас».

Зубы сжимаются, челюсть заостряется. Пока спокойная рассудительность не успела усомниться в его намерениях, ноги сами несут Тома к сараю. Лес позади – зрители, ветер – подстегивающий рев толпы. И с каждым шагом понемногу ослабевает невыносимое давление безысходности. Том сломал печать, и волна злобы, едва коснувшись воздуха, превращается в ярость.

«Мать вашу, годами длилось. Хватит. Хватит всего этого. Суки, да пошли вы!»

Том отпирает и широко распахивает хлипкую дверцу своего арсенала. Одержимый собственным демоном, он врывается во мрак, усеянный мусором и гнилью. Запах креозота, заплесневелых досок, могильный аромат навоза – ароматы деревянного нутра сарая, пробудившие воспоминания о его собственном детстве, когда Том впервые открыл эту дверь. Он тогда вспомнил, как часами возился в теплице дедушки и в сосновой хижине отца. И впервые за много лет к нему вернулось ощущение того, как его худые мальчишеские руки поднимали тяжелые, пахнущие маслом инструменты. Как поранил пальцы о зубья пилы, как кровь текла среди паутины, как потом он набрался смелости и признался, что забирался туда, где ему не следовало быть. Сегодня Том снова там, где ему не следует быть, ради другого типа оружия.

Перед ним среди затянутых паутиной, резко пахнущих стен сарая – его собственного сарая! – оставленные прежними жильцами ржавые и покрытые плесенью реликвии. Они теснятся на полках и по углам: коричневые пластиковые горшки, выцветшие пакеты с семенами, сломанная метла, стол, на котором больше плесени, чем дерева, два садовых стула из отбеленного холста, изъеденные коррозией металлические рамы, покрытые пылью банки с краской. Все это соединено воронками из паутины, инкрустированной перламутровыми яйцами. А еще здесь новая бензопила! Блестящая и по-магазинному яркая. Том наклоняется в грязь и тень и разматывает провод орудия.

Фиона наблюдает за ним, стоя у полуосвещенного окна спальни. Руки

скрещены на груди, лицо вытянутое. Она отворачивается, и Том не замечает ее присутствия.

Ноги несут его к одной из кухонных розеток. Разматывая кабель, он направляется оттуда к границе участка. Вокруг никого, Том один среди этой унылой, неровной, изрытой ямами и изъеденной болезнями земли. Он разматывает провод, как рыбак, опускающий в воду ловушку для крабов. Блестящая «пуповина» хлопает его по пяткам. На сгибе локтя Том баюкает длинное тонкое лезвие пилы. Еще не испытанной в бою, но это ненадолго. Удаляющийся сарай зияет чернотой распахнутого дверного проема – безмолвного рта, широко раскрытого от ужаса перед тем, что выбралось из него на волю.

Стремительный бросок, и Том возле декоративных деревьев, нависающих над той частью забора, что все еще стоит у патио. Здесь лучше понятна задумка Мутов, высаживавших свои деревья. Участок по эту сторону находится во владении Тома, но соседи сделали размежевание невозможным для него. Посадив березы, они заявили о собственных правах на границу.

«Сорт „Святая Троица“^[6]», – думает он. Деревья с V-образными тонкими ветвями, которые вскинута к небу будто в молитве. Листва неминуемо перевесится на его сторону. Соседи, *они* знали, что так и будет: неумолимая сила заставила ветхий забор, *его* забор, прогнуться и отломиться от столбов.

Там, где можно заглянуть в щели, земля между корнями деревьев кажется чистой, ухоженной и аккуратной. Березы посажены недавно: улучшение, которое еще не вписалось в идеальный ландшафт соседнего сада. Возможно, соседи воздвигли эти символы своего господства после самоубийства его предшественника, пока дом пустовал? Муты восприняли трагедию как шанс посягнуть на ненавистную границу. Конечно! И замена забора, которую они требовали, вынудила бы перенести тот глубже в сад, делая поправку на бледные, вытянутые ветви соседских берез.

«Муты хотят заполучить даже твою землю».

За этот узкий клочок, вполне возможно, боролись годами, прежде чем сюда переехала семья Тома. Спорный участок границы шириной всего в несколько сантиметров – такой толщины столбики забора. Пустячные габариты, которые и отражают, и усиливают мелкодушные соседской пары.

А эти деревья – сторожевые башни. Часовые, затеняющие чужие владения, пока солнце движется с востока на запад. С полудня до раннего вечера они станут отбрасывать тени на его лужайку, и те будут лишь удлиняться по мере роста деревьев. Муты создали этот плацдарм, чтобы захватить землю и воздух его владений и погрузить его семью во мрак. Нижние ветви – это сапоги, вышибающие его дверь.

«Я этого не допущу».

* * *

На линии фронта ворчание, а затем рев бензопилы нарушают спокойствие сумерек. При взрыве шума в столь поздний час деревья в лесу кажутся испуганными, подавленными и потрясенными.

Том убирает палец со стартера, когда у соседей наверху вспыхивает свет. Белые лучи сверкают за занавесками Мутов. Две пары глаз, вероятно, отчаянно хотят что-то разглядеть снаружи.

Том снова нажимает на стартер, рычащая мощь сотрясает его руки и заставляет дрожать весь мир. Тому хочется вонзить вращающиеся зубцы глубоко в «мясо», и он поднимает жужжащее лезвие над покосившимся забором. Неуклюже, пошатываясь от тяжести вскинутого оружия, он приставляет бензопилу к бледной шее первого дерева.

Цепь скользит по гладкой коре, и лезвие отскакивает в сторону.

Том сжимает рукоятку крепче.

Когда металлические зубы вновь царапают белую кору первого листовного обидчика, дерево вздрагивает, даже съеживается.

Том сильнее надавливает на бензопилу, пока лезвие не захватывает и не начинает пережевывать сочные внутренности первой «шеи». Мощные вибрации сотрясают его бледные руки, передавая безумие машины, пока та не срезает

дерево начисто.

Отпиленная на высоте плеч, пушистая головка березы опрокидывается вбок на своего соседа. Они с шуршанием сталкиваются, и живое дерево пытается удержать убитого товарища, но отсеченная верхушка слишком громоздкая и исчезает за забором.

Том движется вдоль линии.

Тонкие листья и упругие ветви простираются так далеко в его владения, что впадают в лицо, словно в последней, отчаянной попытке защититься от превосходящей огневой мощи.

Становится все темнее, и кажется, что в атмосфере повисает осуждение его поступка. Том с трудом может разглядеть, что именно и где режет. Но его поддерживает уверенность в том, что, будь это его деревья, Муты их тоже срубили бы. Так соседи и согласились бы мириться с одинокой веткой, нависающей над границей! Чушь!

В кухонном окне появляется Фиона. Широко распахивает раму. Кричит что-то с ошеломленным лицом.

Оглушенный бензопилой, Том ее не слышит.

Блаженство наполняет теперь каждую его мышцу и сухожилие от лодыжек до шеи. Он уже много лет не чувствовал себя таким пьяным и счастливым. Он навеселе, его шатает; электрический ток, питающий его оружие, подсвечивает артерии и превращает нервные окончания в рождественские гирлянды.

Том прокладывает себе путь сквозь заплесневевшие и провисающие панели забора. Два. Три. Четыре. Пять деревьев. Свалены.

«Спасибо тебе, брат, – кажется, душевно благодарит забор. – Наконец-то подкрепление, которое освободило меня от бремени, что сковывает мою согнутую спину и сбивает с ног».

Том подпевает этому великому излиянию, этому потоку ярости. Никто его не слышит. В этот решающий момент он может сказать что угодно, вообще что угодно в этом столкновении воль на границе своей новой жизни. И Том ликует, ослепленный и воспрянувший духом, движимый чистым экстазом мести.

– Уважайте гребаную границу!

Они не предвидели, что такое произойдет. Что он станет бороться со страхом с помощью страха.

«До самого конца. Бей туда, где будет больнее всего».

Позади него стоит Фиона. Возможно, она пробыла тут уже некоторое время, но снежная буря, бушующая в голове Тома и застилающая перед глазами все, кроме уничтожения, не позволила заметить появление жены. Возможно, ее дрожащая рука на плече Тома вернула бы его в реальность. Но сейчас Фиона прижимает ладони к щекам. Она кричит, но слышен только ускоряющийся рев перегретой бензопилы, которая все еще дрожит в руках Тома. Гнев доведен до автоматизма, его силу не сдержать.

Одна за другой падают оставшиеся березы, протестующе трясутся, прежде чем опрокинуться на сторону соседей. Ухоженная стража границы повержена, предана мечу. Их была по меньшей мере дюжина, Том перестал считать. Обезглавлены все до самого последнего, стоявшего там, где Муты снесли забор.

Свет в задних комнатах соседей создает туманное сияние вокруг их французских окон и кухни. Открывается спрятанная от взглядов дверь, сияние распространяется, заливая лишенный солнца сад – святилище, грубо разбуженное и травмированное жестокостью внезапного нападения на себя и на тех, кто ежедневно заботится о его совершенстве.

Лишь когда падает последний ствол, Тома настигает усталость. Но дело сделано.

Фиона несется по зараженной лужайке вдоль электрического шнура, будто гонится за двадцатифунтовой банкнотой, выхваченной и унесенной по дорожке ветром. Жена Тома исчезает на кухне, и мгновение спустя вой бензопилы замолкает, ее сила иссякла.

Когда из онемевшего черепа исчезает скрежет, Том может лишь смотреть на красное оружие в своих руках. Он вдыхает запах моторного масла, пошатываясь от покидающего тело адреналина, и понимает, что раздражен внезапным молчанием бензопилы. Том чувствует, что нужно было сделать больше. В ушах у него звенит, как на холодной колокольне.

«Я мужчина». Однако пыхтит он, как измученная жаждой гончая.

Ночь почти наступила, но теперь, когда березы превратились в столбы без ветвей, Том видит больше окружающего пространства. Перед ним открывается бескрайнее небо, окрашенное чернилами ледяного космоса и испещренное далекими термоядерными реакциями.

Снова появляется Фиона, она держит в руках шнур с вилкой.

– Ты, черт возьми, сбрендил?

И тут же раздаются крики.

Фиона с Томом поворачиваются к покосившемуся забору. Отверстия между планками ловят свет, льющийся из соседнего дома, будто прожектор, который разыскивает источник звуков страшного горя, истерики, разразившейся в соседнем саду.

Это миссис Мут, ее деревья осквернили, и она безутешна. У самой границы участков, близко к земле, словно стоя на коленях, миссис Мут сходит с ума от горя. Ее рыдания настолько сильны, что напоминают Тому похоронный плач на Ближнем Востоке, а еще нечто такое, что, возможно, даже не имеет отношения к людям. Наверное, она тронулась рассудком от ужаса и нежелания верить в то, что Том сделал с ее декоративной березовой фалангой.

Вне пределов видимости ей вторит бас Маги Мута. Того будто ударили ножом в бок и заставили смотреть, как черная жидкость просачивается сквозь высокомерные пальцы. Старик стонет.

Огромное удовлетворение, которое испытывает Том, эфемерно. Восторг проходит, и он снова становится «мужем скорбей», который недавно прижимал к груди мертвого щенка. Сердце колотится, словно в тщетной попытке оживить собаку. Осознание полнейшей бессмысленности разрушения, которое он только что устроил, вызывает у Тома тошноту.

В попытке раздуть угасающие угольки он кричит в сторону соседей, стараясь оправдать совершенное:

– Я приехал сюда не затем, чтобы похоронить свою собаку!

Фиона молча глядит на Тома, точно вообще не узнает своего мужа, затем бросает шнур, разворачивается и шагает в дом.

Том отходит от границы участков, громоздкая бензопила волочится, оттягивая натруженную руку. Угли внутри остыли, и только сейчас при взгляде на свое орудие в его душе поселяется сомнение. Тому больше не хочется держать *это* в руках.

Его стараниями Муты превратились в два жмущихся к земле темных комка по ту сторону забора. Том их почти не видит, но слышит всхлипы и стенания.

«Дело сделано».

Унитаз за спиной скорее оmyвает, чем спускает. Под половицами раздается протестующий стук, будто вся энергия смыва без толку застряла под полом, вместо того чтобы оказаться внутри чаши, где ей и следует быть. Том забыл собственное правило – не смывать воду по ночам. Иногда от этих звуков Грейси просыпается и плачет от ужаса.

Том прикрывает дверь это безумие, однако извержение в трубах преследует его и стучит по пяткам, будто кулаки разъяренных соседей. Он устало спрашивает себя: как скоро им придется мыть кастрюли в ведре с водой?

В одних трусах и носках Том бродит по пустой розовой комнате дочери. В слабом свете свежая краска поблескивает над новым полом, чей холод проникает сквозь носки.

На лестничной площадке у одной из стен сложены инструменты и отделочные материалы, на пристроенный у прохода верстак накинута чехол от пыли.

Том осторожно толкает дверь главной спальни, заглядывает в узкую щелку и видит, что Фиона, обняв Грейси, спит лицом к окну. Половина фигурки дочери высовывается из-под одеяла, тощие ноги широко раскинуты, руки сжимают очередного Уоддлса. Обе девочки выглядят измученными.

Том наклоняется и подбирает постельные принадлежности, которые Фиона оставила для него за порогом. Спальный мешок, подушка. Когда он все это поднимает, его плечи сотрясает слабая остаточная дрожь от бензопилы. Том разворачивается и идет к лестнице.

* * *

Устроившись на старом диване перед голыми окнами гостиной, Том смотрит в сад. Тусклый свет сочится от лампы в ногах дивана. Тело Тома до плеч завернуто в спальный мешок.

Том не может вспомнить подробности каждой из ссор, но, по его оценкам, в прошлом Фиона не больше трех раз настолько на него злилась. Настолько, что не разговаривала. Но молчание растает, и в ближайшие дни она разберет по косточкам его сегодняшнее поведение, а он почувствует себя уязвленным и будет страдать от угрызений совести.

Вокруг Тома мерцает незаконченная комната, по углам сгущаются сумерки. В воздухе витает запах заброшенности. Холод улицы смешивается с сыростью дома. Мучнистый запах с кухни проникает и сюда. Раньше Том этого не замечал. Воня мышьиной мочи.

Несчастье, которое он ощущает, видно и в бледном отражении его угрюмого лица на пыльном стекле старых французских окон. «Я на самом деле сейчас так выгляжу? Как часто у меня такое лицо?» Том смотрит мимо своего отражения на луну, на три четверти полную и словно освещенную изнутри. Небо вокруг нее изрыто оспинами «лица» – цвета смолы.

Потягивая ром, Том размышляет о соседях. По другую сторону стены, за тонким слоем кирпичей, Муты, вероятно, не спят и совещаются. Возможно, миссис Мут рыдает за кухонным столом, а Маги утешает ее очередной кружкой горячего травяного чая. Оба закутаны в халаты, старые ноги спрятаны в тапочки.

«Безумец. Псих. Бандит. Ванда. Ублюдок». Том представляет тираду в свой адрес.

По крайней мере, полиция все еще не появилась. Ближайший участок в сорока километрах отсюда. Том предполагает, что соседи вызвали полицейских и сделали заявление, но срубивший деревья сосед – не повод объявлять тревогу. Однако стоит погуглить подзаконные акты о растительности, нависающей над границами участков, прежде чем утром явятся представители закона.

Том неуклюже ставит пустой стакан на пол рядом со своей импровизированной постелью. Гасит лампу. Успокаивается. Только сон может сейчас его спасти и избавить от этих страданий. Хотя бы на время.

В темноте Том сквозь полузакрытые веки наблюдает за далекой луной.

Вода.

Вода, омывающая его лодыжки, настолько темная, что он ничего в ней не видит. Лишь мутное и изломанное отражение собственной бледной наготы на ее поверхности.

Но вся его фигура мгновенно приходит в трепет от этого прохладного бальзама, что плещется у его ног. Мягкий песок под ступнями и холодные черные отмели вдыхают в него новую жизнь и бодрость. Его ощущения немедленно обостряются. Насколько, что даже в такой темноте он улавливает чьи-то движения, кто-то молча идет рядом, но расступается, чтобы пропустить его.

Мощный, свежий запах влажных камней и чистой воды наполняет его грудь. Он глубоко вдыхает воздух, настолько пробирающий, что крепкая хватка страха ослабевает, хиреет, сдувается вместе со всеми насущными заботами, которые создают и направляют его мысли, вовлекают в безумные гонки без финишной черты. За спиной разлетаются сухие листья.

Если бы его не заворожило пламя впереди, то пребывание в воде потрясло бы еще больше. Однако у него на глазах в темноту устремляется живой столб темно-оранжевого пламени. Он считает этот огонь волшебным.

Тишина вокруг мерцающего света глубока и неподвижна. Притяжение огня гипнотическое. Подобно потоку, затягивающее его глубже в орбиту пламени.

Во всех членах такая энергия, внутри такое воодушевление, что ему хочется взречь от чистой радости. Совсем рядом сокрушительное раскрытие его истинной жизненной энергии. Чем ближе он подходит к питательному, чудесному пламени, тем интенсивнее сила, почерпнутая от воды.

Не особенно жаркий столб огня высотой с дверь обвивает его дрожащую обнаженную кожу. Пройти сквозь него – это как пройти сквозь теплый водопад.

Он оказывается в пещере, границу которой и отмечало пламя.

Здесь его ждет откровение, полное и окончательное понимание себя и своего места в мире, самого мира и всего, что находится под, над и за ним. Если это путь к смерти, то он примет его без оглядки.

Лишенный одежды, поглощенный этой чудесной, нежной пустотой, он погружается в небытие. Ощущение тела исчезает вместе с мелочами гнетущего прошлого. Здесь все это становится бессмысленным.

Пустота принимает новую форму за пределами пламени и поблескивает прозрачными кристаллами. Они усеивают стены пещеры, скала изгибается дугой, а затем сужается, образуя вход. Слабый свет исходит из овального отверстия, которое ведет в широкий туннель в дальнем конце пещеры. Из этого нового прохода несет быстрая музыка нового потока воды.

Он входит в туннель, будто приближаясь к берегам могучей, темной реки за его пределами. Реки, пробившей себе русло на заре времен.

Когда он входит в следующую пещеру, то кажется, будто вступает в огромную тень, высотой с гору.

Здесь, в этом грубом каменном соборе, истинные размеры и пределы которого остаются неясными, ощущается такая древность. Но малейшее предположение о происхождении и назначении этого места уменьшает тебя до ничтожности, которая восхитительно ужасает. Если бы сознание осмелилось искать и развиваться здесь, забвение положило в желанный конец способности понимать.

Он продолжает путь к новому свету в дальнем конце пещеры, вода беззвучно колышется вокруг его лодыжек, могучий шум невидимой реки нарастает, наполняя слух. Едва не рыдая, он спешит к тусклому пятну света, чтобы приветствовать силу ожидающего обещания.

Легкое дуновение ветерка пронизывает его, пробуждая глубинную жажду чуда, оставленную и позабытую в детстве. Возрождение этой жажды вызывает у него слезы. Капли бегут по лицу, пока он скользит в темноте, окруженный неясными стенами древней скалы. Шум невидимой подземной реки становится оглушительным.

Впереди второе пламя – такое же, как первое, через которое он проходил, огонь проведет его через следующий отрезок одиссей. Он знает об этом интуитивно и осмеливается заходить все дальше и дальше, пока его не останавливает множество

знаков.

Они мерцают на камнях огромного, точно небо, свода. Мысли путаются, а ноги запинаются, он кренится вбок. И старается не смотреть вверх, чтобы не упасть плашмя.

Знаки вскоре проникают в него, крепко удерживают его взгляд. Он выпрямляется и понимает, что уже сталкивался с этими отметинами раньше. Символы, которые кажутся ему выцветшими и потаенными воспоминаниями, просто вне его понимания.

Высоко наверху ему чудятся летящие контрфорсы, ребристые своды, история, пронизанная множеством символов. Пещера – пространство, созданное и освященное замыслами и явлениями, которые он никогда не поймет.

Он умоляет знаки объяснить их значение. Умоляет эти старые, потертые метки, украшающие влажные каменные стены, которые возвышаются над великим пламенем в огромном, устрашающем каменном нефе.

Под его ногами и за стенами бушует невидимый поток, маня его подойти ближе и найти край воды, обещая обжигающий, ослепляющий экстаз. Погружения в который не смогла бы выдержать ни одна живая душа. И все же каждая душа охотно прыгнула бы в невидимый ониксовый поток, чтобы утонуть в миг блаженства, граничащего с мукой.

Но сила одинокого пламени еще больше. Он приближается к огню, будто к сердцу этого подземного царства.

Здесь стоит каменный постамент, из которого бесшумно вырываются огромные бездымные языки. Грубая, выдавшая виды глыба. Топлива для костра не видно, но по краю дольмена и у его основания лежат красные цветы с лепестками, яркими как кровь.

За пределами пламени в свете костра виднеются смутные очертания другого предмета. Второго изваяния из камня.

Большой, примитивный трон, по-видимому, вырезанный не рукой, а эрозией за столько времени, сколько невозможно представить. Ужас осознания того, как давно этот трон занимает апсиду перед пылающим алтарем, грозит стать настолько всепоглощающим, что мысли разбегаются, стремясь спасти разум.

Удушательный ужас – лишь подготовка к тому, кто восседает на камне. Пристальный взгляд на это существо мог бы ослепить и разрушить разум, раздавить, точно ботинок – птичьи яйца. Резко вдохнув, он закрывает лицо. Обнаженный, ослабевший, охваченный паникой, униженно опускается на колени, умоляя о том, чтобы не видеть и самому стать невидимым.

Для фигуры. Которая желает, чтобы он смотрел на нее. Почти неразличимую, если не считать длинных рогов. Или это огромные уши возвышаются над скрывающим лицо капюшоном? Два черных острия пронзают тьму, их широкие звериные основания увенчаны тиарой из тех же красных цветов, что усеивают алтарь. А что это покоится на седом камне – руки или лапы, узкие, точно очищенные от плоти кости? Туловище кажется расплывшимся, неясным во мраке пещеры. Каскадом ниспадает подол балахона, прикрывая сморщенные ноги, прижатые к одеянию, будто корни к земле.

Он отчаянно надеется, что это лишь статуя. И молится, чтобы это был всего лишь идол. Но кому он молится? Какой бог может быть могущественнее и страшнее этого?

Вода ревет.

* * *

Том просыпается на коленях рядом с диваном. Твердые половицы обжигают его кожу. Руки закрывают лицо, как это было в конце сна. Защищают от того, что сидело...

Сон... под землей. Где было чудесно. И очень пугающе. Черная вода. Знаки на стенах. Огонь. Фигура. То существо на каменном троне...

Том оглядывается. Осторожно дотрагивается до половицы, чтобы убедиться, что комната на месте.

Что могло заставить его увидеть такое? У него никогда не было подобных снов, даже яркий бред сильнейшей лихорадки не идет ни в какое сравнение. История

была не бессвязной или бессмысленной, а вполне ясной.

Том неуверенно поднимается, и у него хрустят суставы. Запинаясь, он подходит к дверям патио, где стекла ослепляет яркая луна, ее сияние окутывает расплывчатые формы, в которые превратился после заката сад. На опушке леса слабый свет оседает паром.

Пройдя между хлипкими дверями, Том вдыхает холодный ночной воздух. Закрывает глаза, сгибается пополам, кладет руки на колени. Ему хочется ощутить под босыми ногами холодные плиты патио и осознать, что действительно проснулся.

Из соседнего дома доносится громкий гул голосов, слов не разобрать.

Том выпрямляется и смотрит на недавно спиленные деревья и на изможденный силуэт разбитого забора. На границу, за которую сражался всего несколько часов назад.

Он вслепую пробирается по бывшей цветочной клумбе, которая теперь пуста. Словно идет по комковатому печенью, слипшаяся земля крошится под босыми ступнями. Сорняки проскальзывают между пальцами. Кустарник колет и трещит, протестуя против вторжения и вынуждая идти туда, где листва пореже. На месте панели, оторванной от изъеденного червями столба, щель. Том вглядывается в чернильную пустоту.

В конце соседского сада горит свет. Они там, на границе с лесом. Это должны быть они, Муты. Саблей мелькает луч фонарика, затем ныряет за препятствия – растения, украшение пруда и небольшие деревца. Второй луч направлен в землю, на открытое пространство, свет его распыляется в сторону леса.

Том глядит под ноги, отыскивая свободный проход по своей разоренной лужайке. Он ничего не видит, но все равно идет во тьму. Ступает на цыпочках по неровной мертвой земле, и тут в его стопу вонзается что-то острое, Том едва сдерживает крик.

В одних рубашке и трусах он крадется по саду и чувствует себя нелепо. От холода перехватывает дыхание, немеют руки и ноги, ломит в носу и ушах. Но он должен увидеть, что делают Муты. Часов у Тома нет, но, по его прикидкам, сейчас около трех утра. Еще немного, и небо посветлеет.

Дальняя часть его сада, где нет забора, выходит в дендрарий соседей. Так близко к пролому Том гораздо уязвимее, поэтому он опускается на четвереньки и ползет вперед.

За последними устоявшими столбами забора новое укрытие предлагают аккуратные кустарники Мутов. Соседи не увидят его там, если только не подойдут к самой границе участков и не направят свет фонарей в его сад.

Дикий восторг заставляет его преодолеть последние десять метров до правого угла участка, полностью затерянного в темноте. Том бежит. Роса заливает внутреннюю поверхность его бедер и предплечий. А там, где над забором нависает дерево, он может выпрямиться, оставаясь незамеченным.

Том заглядывает в сад соседей, и ему открывается сумрачный вид вплоть до самой двери их черного хода. Но стоит только напрячь зрение и посмотреть туда, где играет свет фонарей, как Том начинает жалеть, что не остался дома за французскими окнами. Закрытыми и запертыми.

Аккуратная миниатюрная лужайка в дальней части сада Мутов, которая больше подошла бы для эксклюзивного поля для гольфа, полностью укрыта чем-то белым.

Тому требуется несколько мгновений, чтобы в свете соседских фонариков различить текстуру. Это или холстина, или ситец, поскольку смотрит он на расстеленные белые простыни. А уложенные на них кустистые массы – это верхушки недавно спиленных деревьев. Отделенные стволы лежат отрубленными головами членов королевской семьи или святых.

Поваленные кроны вызывают в памяти причитания, которые Том не так давно слышал. Сегодня вечером он явно ударил пилой в самое сердце, и теперь Муты собрали своих мертвецов. Соседи действительно любили деревья и с почтением укладывали отрезанные ветви на погребальные саваны.

Кто бы ни разговаривал в саду соседей, делается это не по-английски. Невнятное бормотание переходит в возмущенную тираду. Том будто столкнулся с ненормальным, который несет околесицу. Гортанная интонация потока искореженных слов вызывает отвращение. И любопытство. Том поднимается на цыпочки, его взгляд ищет источник неприятного голоса.

Его любознательность быстро сменяется откровенным недоверием.

Из-за миниатюрного островка черных в ночи цветов появляется одинокая бледная фигура.

Фонарь факелом торчит из земли, освещая жутковатое существо на этой странной, яркой сцене. Тот, кто держит второй фонарь, скрыт от глаз мраком и барьером из листьев в середине сада, но этот свет добавляет дополнительную иллюминацию, периферийное свечение.

Те самые белые монстры, о которых говорила Грейси.

Когда существо бесшумно проходит сквозь свет, в его движении ощущается нечто призрачное, зыбкое. В бесплотной атмосфере бледная как мел фигура, кажется, бесшумно скользит по белым простыням. Когда же она поворачивается, словно собираясь встретиться лицом к лицу с каменным бесом у пруда, Том вздрагивает. И хотя свет лишь слегка затуманивает очертания, этого оказывается достаточно, чтобы Том пожалел, что видение не осталось во мраке.

Костлявые плечи фигуры, которая кажется обескровленной, венчает темная голова – абсурдно большая и гротескная маска с шишковатыми очертаниями. Однако можно разглядеть жутковатые детали. В первую очередь пару щетинистых ушей и острые клыки, которые торчат, загибаясь, из открытой пасти. Под рылом ряд зубов, окрашенных в цвет грязных морских раковин. Маска либо изображает, либо на самом деле является ощерившейся головой дикого кабана.

Под бесформенной головой гибкое человеческое тело пепельного цвета. Его то ли перемазали, то ли нарочно выкрасили каким-то белым веществом, которое высохло и запеклось, точно грязь. Мириады черных трещин выдают огромный возраст тела.

Голова звериная, однако существо – человек. И оно женского пола, с тонкими бедрами и вздернутыми сосками на маленькой груди.

Женщина в маске отрывает от травы одну ногу, переносит весь вес на другую, которую выпрямляет, словно балерина у станка. Она в точности повторяет позу статуи беса у пруда. Плоть и камень обращены друг к другу. Рука изящно вздымается от правого бока и тянется вперед. Распрямляется. Один палец, окрашенный темнее остальной плоти, указывает через границу между участками и разоренную лужайку, в сторону дома Тома.

Из постоянно раскрытых челюстей маски льется все больше тарабарщины. В неузнаваемом языке звучит скорее хрюканье, чем слова, он напоминает флегматичное кваканье жабы. Интонация и без того была грубой, но этот выпад отличается особой язвительностью и ненавистью.

Вся смелость и целеустремленность, которые завели Тома так далеко, испаряются. Он подозревает, что, услышав этот голос еще раз, рискует лишиться разума. Том зажимает уши. Но это почти не заглушает страх.

Теперь уже два фонаря освещают зрительный зал – из-за кулис на сцену выходит вторая фигура. Мягкие, семенящие шаги беззвучно переносят нового актера по простыням прямо туда, где на одной ноге стоит «кабан».

Вызывая в воображении образ жуткого балеруна, выпорхнувшего из могилы, чтобы ухаживать за свиноподобным дьяволом, второй бледный призрак обладает хрупкими конечностями и телосложением старика. Но кожа у него по-мальчишески гладкая и тоже покрыта белым веществом.

Его голову тоже видоизменил кошмарный головной убор, покрытый пестрым мехом и удлиняющийся к носу. На вершине черепа расположены глаза размером с куриные яйца. Рваные уши торчат вертикально, словно настороженно. Это громадный заяц, тело которого ободрали до гладкого жира; нечто такое, что могло бы появиться только в кошмарном сне или в какой-нибудь пугающей авангардной пантомиме.

Ужасная морда зайца также обращена к каменному бесу у пруда, украшению, которое все больше напоминает святилище. И хотя второй персонаж стоит прямо, локти его упираются в безволосую грудь, так что тонкие, как тростинки, предплечья болтаются, будто у животного, поднявшегося на задние конечности. И поза настолько реалистична, что руки могут даже показаться костлявыми лапами.

Затем, словно желая продемонстрировать звериные качества своего облика, зайцеподобное существо опускается на корточки и крадется по белым простыням к кабану. Первая фигура продолжает стоять на одной ноге и указывать на дом Тома. Когда ужасный заяц добирается до свиньи, он опускает свою длинную морду в знак

уважения.

Прежде чем Том успевает отвести взгляд, заяц издает ужасный возбужденный визг. Точно ягненок под брюхом матери, он принимается водить носом по внутренней стороне бедра кабана, находит там сосеца, к которому с жадностью припадает. Вскоре раздаются чавканье и глотание, пока звук кормления не становится слишком шумным.

Том садится и еще сильнее зажимает уши ладонями. Остатки своей сосредоточенности он тратит на то, чтобы удержать внутри горячее, кислое содержимое желудка. Только услышав металлический звон соседской калитки, он поднимает голову и видит опустевший сад Мутов.

Согревшись в джинсах, джемпере и рабочих ботинках, с выключенным пока фонариком в руке Том тихо и целеустремленно возвращается из дома в свой сад.

Он торопливо направляется к густой темноте лесной опушки.

Вдалеке раздаются голоса. Шепот, переходящий на повышенные тона среди безмолвных деревьев. Серия ритмичных лающих криков, которые то нарастают, то стихают.

Настороженность, переходящая в страх, заставляет Тома замешкаться у ворот.

Муты. Он слышит своих соседей. Людей, превратившихся в эти гротескные «белые» существа. Те, что видела Грейси. Они сумасшедшие. Совсем как бледные змеи, которые ждут в подлеске возможности укусить и отравить.

Подумав о спящих Грейси и Фионе, Том оборачивается на свой дом. Тоска удерживает на месте, пока он не переводит взгляд обратно, на черную как смола, шелестящую стену запретного леса.

Инстинкт велит ему больше никогда не вступать в противоборство с соседями, ни при каких обстоятельствах. Чтобы не рисковать столкнуться с их злобным безумием. Но у Тома есть более насущная потребность: убедиться в том, что увиденное недавно – не более чем жутковатое чудачество деревенских жителей. Он знает, что не успокоится, пока не выяснит, кто же такие Муты на самом деле. Что они из себя представляют. Рядом с чем он поселил свою семью.

Не стоило спиливать их деревья.

Сожаление кажется ему свинцовым нагрудником. Тень ужасных последствий, которые он навлек на себя, на всю семью, кажется, подвергла его нервы воздействию нового вида статического напряжения. Возможность закрыть на все глаза, как мудро советовала его жена, давно упущена. Этот спор вышел далеко за рамки терпения к мелким неприятностям от соседей.

Направив луч фонарика под ноги, Том движется так скрытно, как только может. Его слух слабеньким радаром направлен в сторону далеких голосов – теперь их два, и они обращаются друг к другу, если это вообще возможно.

На грязной тропинке Том поскользывается и катится, пригнув голову. Попытки унять учащенное, нервное дыхание только укорачивают его вздохи. Сбитый ритм сердца дезориентирует, как и гнетущая темнота. Космическая пустота теснит слабый свет фонарика, будто сами деревья излучают непроницаемую тьму, протестуя против любых попыток разбавить ее размытым лучом.

Через несколько сотен метров акры стволов, листья и кустарников уже не так заглушают голоса. На пределе слышимости они звучат так, будто рты у говорящих набиты едой или закрыты тканью. Но по тому, что можно разобрать, он все равно узнает этих людей, несмотря на их старания говорить ниже.

Миссис Мут рычит так же часто, как и произносит слова.

– Под землей... Свиноматка...

– Благословенная сука... Земля... – отвечает Маги.

«О боже». Волосы Тома словно прищипили к голове булавками.

Просто нелепо. «Что только не вытворяют люди. Белые существа».

Том гасит фонарик. Садится на корточки и ждет, пока глаза привыкнут к темноте.

На краю поляны он замедляется, пока не начинает медленно красться вперед. Там, согнувшись и упираясь рукой в холодную землю, он находит щель, достаточную для того, чтобы в нее могло заглянуть испуганное лицо. И его глазам открывается лесная поляна, окруженная молодыми деревцами.

Круглое пространство, мерцающее янтарным светом. Место, которое он не видел ни днем, ни в сумерках, потому что в охоте за пингвинами дочери ни разу не забирались так далеко.

«Лесной дом Грейси? Тут с ней говорила леди?»

Тусклый свет цепляется за деревья, напоминая грязные останки дня, попавшего в ловушку с наступлением ночи. Но на самом деле размытое и колеблющееся зарево – это отблески зажженных свечей и пламени на шестах вокруг обрамляющих поляну зарослей.

Травянистый холмик – творение человеческих рук. Земляной вал. Сферический,

будто слепленный и разглаженный мокрыми руками гончара.

Ухоженный, поросший травой ров аккуратной лужайкой окружает холм. Подобное совершенство сразу бросается в глаза неуместностью среди путаницы лесных ветвей. За этим местом ухаживают, его охраняют, точно святыню, о роще заботятся так же старательно, как за садом Мутов. Их мания и одержимость дотянулись и сюда.

Предупреждения соседей о лесе и их антипатия к нарушителям внезапно обретают смысл. Они не хотят, чтобы это место изучали. И на то есть веская причина. Тот самый ужас, который они здесь творят.

Поляну будоражит какое-то движение. Из inferнальной тени тигриного окраса появляется миссис Мут. Обнаженная и гибкая, она движется спиной вперед. Ее походка нелепа, но до ужаса завораживает. Долгая прогулка. Мим изображает мир, обращенный вспять.

Щетинистая маска кабана по-прежнему скрывает ее голову, из кустарной пасти торчат костяные наросты. Обнаженное тело по-прежнему выкрашено в пепельно-серый, но, когда миссис Мут обходит травянистый холмик, становятся видны черные полосы. Они пересекают ее плечи, грудь и живот.

Когда она проходит мимо свечи, установленной на высоком железном шесте, эти высыхающие метки на ее плоти мерцают багровым. Сверкающие рубиновые брызги свежей крови.

Это уже не та грубая, властная чудачка, с которой он ругался в саду и на крыльце, а другая личность, нечто иное. Женщина преобразилась. Она старше Тома на тридцать лет или даже больше, но гибкая сила, заключенная во всем ее теле, возбуждает и будоражит его. Ошеломленный Том непроизвольно склоняется и опускается на кучу земли и листопада, его джинсы мгновенно промокают.

Он осмеливается поднять лицо, но не раньше, чем миссис Мут снова скрывается за холмиком, и, успокоив свой прыгающий взгляд, старается как можно лучше осмотреть видимую часть поляны.

Четыре толстых свечи на железных подставках указывают четыре метки в роще: север, юг, восток, запад. Грубый каменный дольмен служит алтарем, расположенным перед огнем, отмечающим север. На алтаре распластано черное животное. «Козел или ягненок», – определяет Том по запрокинутой голове.

Закрыв глаза на замученное существо, хотя невозможно его не замечать, Том думает о резвящемся Арчи, этом пытящем толстячке. Неверие сменяется отвращением. И хотя Том все лучше знакомится с происходящим безумием, ужас, с которым он не сталкивался с раннего детства, не уменьшается. Но разве он прежде видел нечто похожее на эту рощу? Видел. Во сне! Хотя тут алтарь порыжел от крови животных, а в его кошмаре такой же каменный постамент украшали красные цветы.

Вскоре появляется голый Маги Мут, привлекая внимание Тома, который последний раз видел того прильнувшим к соску на бедре его жены-свиньи. На старике по-прежнему маска зайца.

Легко ступая на цыпочках, он движется против часовой стрелки по пути, пройденному «кабаном». Хотя его узкая грудь все еще окрашена и бледна, как у мертвеца, на ней проступают багровые и черные полосы, словно недавний неопрятный «банкет» привел к протечке. Раздражающе белые, широко раскрытые глаза возбужденно мерцают в глазницах громадной, бугристой морды, которой он скрыл свой человеческий облик. Усатый нос покачивается при движении, потрепанные уши торчат вертикально.

Когда фигура проходит в танце перед щелью в листве, Том прижимается к земле, будто упав ниц перед этой жуткой сектой, соблюдая ее отвратительный ритуал.

«Сумасшедшие ублюдки».

Звероголовая миссис Мут снова выскакивает из-за холма и направляется к алтарю.

Испытывая отвращение, но не в силах отвести взгляд, Том слегка поднимает голову, чтобы лучше видеть северную часть поляны, где за покрытым пятнами камнем замирает «свинья».

Руки подняты, ладони обращены к небу, она стоит на одной ноге и принимает ту же ужасную позу, что и в саду, перед каменным бесом в декоративном пруду. Она стоит лицом к травянистому холмику, ее миниатюрные и обвисшие груди

поднимаются и опускаются от напряжения, вызванного танцем. И из открытой пасти маски раздается задыхающийся, но ликующий голос:

– В зале подземном я видела свинью.

Передвинувшись, Том смотрит на юг и находит бледного зайца. Тот тоже перестал пятиться и стоит на противоположной стороне рощи, его длинные ноги расставлены в первой балетной позе. Руки подняты, ладони обращены к небу, как будто призывая зрителей подняться. Маги отвечает на призыв жены:

– Мы накормили свинью. Благословенную суку. Благословенную девственницу. Нашу мать-землю.

– Над залом подземным мы ликуем.

Муты перебрасываются фразами через поляну. И тут же словно открывается какой-то адский шлюз – землю накрывает звук бегущей воды.

Он настолько громкий и чистый, что Том не удивился бы, обнаружив себя лежащим в стремительном потоке. В отчаянии он оглядывается по сторонам, но никакого ручья нет. И все же серебристая, журчащая песня воды льется без остановки, овеивает его лицо и убегает в темноту, которая душит едва видимую Тому землю.

И вновь проклятая память доводит его страх до паники. Тот же звук сопровождал его недавний сон. Уж не перенес ли он мелодию подземной воды из ночных видений в этот лес? А может, это звук фонтана или родника стараниями отвратительных Мутов превратился в целый водопад? Может, здесь спрятаны динамики, чтобы транслировать шум воды в лес?

«Да. У них должна быть запись, которую они включают, когда... вытворяют все это. Наверняка».

Голос «свиньи» становится ниже, пока не достигает уровня, который, как подозревает Том, является нечеловеческим. Ее слова превращаются в ворчание.

– В зале подземном я видела свинью.

Голос зайца срывается на фальцет, на звериный визг:

– Мы накормили свинью!

Затем обе фигуры с идеальной синхронностью приседают к земле, будто разыгрывая какое-то гротескное представление.

Как? Как два помешанных на садоводстве чудака стали настолько невменяемыми?

В мерцании неяркого света, дополняя вокальные эффекты, особенности физических обликов Мутов снова меняются. Невероятно, но позы соседей приобретают еще более звериный характер. Пестрая фигура Маги, неясная и скрытая черными тенями, покоится на жилистых, но мощных задних лапах, напоминая вставшего вертикально зайца. Изображая костлявые передние лапы, его руки свисают перед торсом, приобретая длину, которой раньше у них не было. Даже его нос приплюсывается, будто посреди прыжков по засеянным полям Маги уловил запах охотящейся лисы.

Свиное хрюканье заставляет Тома перевести испуганный взгляд на миссис Мут. Она, или оно, теперь стоит, опустив лицо к земле перед алтарем, и с отвращением нюхает пятна, которые натекали с жертвы. А затем со скоростью, невозможной для любого человека, кроме опытного танцора, к тому же куда более молодого, чем миссис Мут, свиноподобное существо устремляется вперед. Передвигаясь на сжатых кулаках и подушечках стоп, гротескная фигура с кряхтением несется к холму. Там, на вершине, подняв к небу облезлую голову, уже сидит заяц, безвольно свесив передние лапы.

«Невозможно». Это иллюзия, не мог заяц так быстро переместиться от подножия. Столь же невероятно то, что его живот теперь покрыт шерстью. Всего несколько мгновений назад на бледной краске не было и следа щетины, торс у Маги был гладким.

Заяц закидывает голову и издает новый вопль, от которого у Тома слабеют конечности, ему едва удается удержать их вместе. Крик не был похож на то, что способны издавать человеческие голосовые связки. Несчастный, но при этом отчаянно яростный. Визг злобного горя.

С куда большим шумом, чем ему хотелось бы, Том пятится прочь, опасаясь за свой разум. Зацепившись ногами за кустарник, он теряет равновесие, затем выпрямляется и смотрит на рощу.

Заросли скрывают круг, алтарь, огонь, но Том все равно видит гораздо больше,

чем хотел бы.

Потрепанные силуэты свиньи и зайца теперь стоят бок о бок на вершине холма. Их позы неловкие и неестественные, словно у четвероногих зверей, обученных стоять на задних лапах в подражание людям.

Они слишком далеко, чтобы можно было точно определить, что заметили глаза зайца. Но пасть свинной маски, сквозь которую миссис Мут, должно быть, смотрит, обращена к кустарнику, где сейчас барахтается Том. Чувствуя себя таким же бессильным и бестолковым, как потерявшийся ребенок, он замирает в нерешительности достаточно долго, чтобы успеть увидеть, как заяц и свинья опускаются на четвереньки.

Одновременно и беззвучно две белесые фигуры ползут вперед. Спускаются по склону и исчезают из виду. Но их направление вызывает у Тома безмолвный крик тревоги.

Дрожащими руками он пытается нащупать выключатель фонарика, теряет равновесие, шатается, а затем пьяно кружит на месте. С тем же успехом Том мог бы топтать ботинками пузырящую пленку.

Краем глаза он выхватывает движение в полумраке – вертикальный прыжок зайца, уши которого развеваются, как натянутые на проволочный каркас тряпки. И, словно умея летать, длинное тело темной полосой исчезает под пологом этой нереальной ночи. Среди верхних ярусов черных ветвей с шорохом собирается похожая на веретено фигура.

Внизу же скоро появляются решительный топот и царапанье. Припав к земле, к границе рощи невидимо приближается свиноподобный зверь. Тишину затаившей дыхания ночи нарушает пронзительный скулеж, от которого тают остатки самообладания Тома. В нескольких футах раздается визг, почти напоминающий речь, а затем голодное хрюканье. У самых ног Тома из кустов вырывается зверь.

Том срывается с места.

Вдоль тропы. Налево, направо, прямо, слабый свет фонарика выхватывает кривые ветки и зазубренные листья. Полные шепотков колодцы тьмы между ветвями, толстые стволы, плетущиеся растения – все они стараются поглотить свет.

Растянувшись на краю тропинки, свинья ревет, визжит и издает хищное хрюканье. Из-за ее голодного зова Том тоже падает. Затем поднимается и, пошатываясь, сходит с тропы. Прыгает на узкую канавку, уводящую прочь.

Не успевает он вернуться на тропинку, как прямо над его головой раздается крик зайца. Том отвечает собственным воплем, словно уже стал добычей налетевшего сверху зверя с грязной черной мордой и свисает из пасти со сломанной, болтающейся шеей.

На ветке, нависающей над тропинкой, виднеется тощий силуэт. Длинноухий заяц сидит высоко над землей и наблюдает за Томом.

Тот потрясенно замирает, пока возле его ног из подлеска не вырывается кабан. Том уверен, что слышит щелканье желтых зубов.

Он роняет фонарик, словно балласт, который только тормозит его. Пошатываясь походка переходит в спринт, но кажется, что расстояние между Томом и ворчанием его преследователей ничуть не увеличивается. Охваченный страхом, он на миг задумывается о том, чтобы лечь на землю и умолять о скорейшей смерти. Но тот, за кем гонится стая, и сам превращается в животное – желание бежать без оглядки сильнее инстинкта подчинения, и Том мчится с такой скоростью, которую не развивал со времен далекой юности.

Продираясь сквозь молодые заросли и колючие кустарники, загребая воздух руками, он несется к своему саду по темной тропинке. Словно сквозь толпу, где каждый готов подставить подножку, схватить острыми когтями и утащить вниз. Лицо исцарапано, грудь исколота, ноги порезаны. Но Том продолжает бежать, спотыкаясь и подпрыгивая. Его дыхание и сердцебиение, кажется, отстают от шагов, будто внутренние органы принадлежат другому телу, которое торопится следом. Когда Том врывается в ограду сада, он не может сообразить, сколько времени ему потребовалось, чтобы добраться до дома.

Забор стоит крепко. Тело Тома складывается пополам и перелетает через преграду. Голова и плечи ударяются о заросли сорняков.

Точно загнанный гончими барсук, Том ползет по мокрой траве пожухлой лужайки, которая тянется до далеких очертаний его «норы». Двери патио зияют чернотой, а вокруг него разверзлась могила сада.

Над лицом Тома гнетущая глубина холодного воздуха. С неба падает бескрайняя тишина. И ледяная, невыносимо тяжелая гравитация прижимает к земле. Измученный и израненный, он похож потрясенное животное после окончания охоты. Но крещендо его отчаянного бегства из леса звучало так громко, что Том не может угадать, когда прекратилась погоня.

И даже не уверен, что сбежал. Возможно, Муты просто играли с ним в некое подобие «кошек-мышек», давая понять, что случается с теми, кто бросил им вызов.

Его руки словно принадлежат кому-то другому. Словно они теперь сами по себе. И дергаются за секунду до того, как его разум соображает, что им трудно справиться с задвижками на дверях и окнах.

Еще и тело болит там, где его цепляли деревья. Капельки лимфы и пятна крови покрывают руки. Внутри джинсов и толстовки тихими криками исходит хор порезов. Стреляющая боль пронзает спину и бедро после того полета через забор.

Заперев дверь на засов, Том плюхается на диван среди постели. Оцепеневшие токи его сознания не в состоянии вывести мысли из застоя. Том может лишь пялиться в пространство полными ужаса глазами. Только вид его порванных джинсов возвращает Тома в настоящее, в эту комнату, и приводит в еще большее изумление от того, чему он только что стал свидетелем. «Того, с чем ты рядом живешь».

Том жаждет задернуть шторы и еще сильнее отгородиться от всего, что проникло в их воздушное пространство от соседей.

Память возвращается разрозненно, по частям. Каждое следующее воспоминание отвратительнее предыдущего. Медленный танец задом наперед против часовой стрелки. Драпировка из мягкого, блестящего меха, и кровь, сочащаяся из животного и покрывающая разводами каменный алтарь. Безумные глаза Маги Мут, мерцающие в глазницах драного головного убора. Он – заяц, сидит вот так... Рев свиньи. Отголоски всего этого слишком ужасны, чтобы оставлять их в памяти. Бледный дьявол на одной тонкой ноге... указывающий на этот гребаный дом...

Дыхание Тома срывается. В легком влажные хрипы. Воздух с присвистом входит и выходит из тела. «Что, что, что они такое? Что, что, что мне сказать... полиции?»

Он поднимает с пола свой телефон. Нужно вызвать полицию. Тут убили зверя. Двух, если считать лису. Трех, если считать их пса, потому что эти его отравили!

Это запугивание. Какое-то... колдовство?

Такое Том не может принять даже сейчас. Потому что... такого не существует.

Но все, что он пережил с первого дня, – часть замысла Мут, чтобы преследовать и пугать своих соседей. На это он готов поставить.

Почему? Ради чего?

«Чтобы выгнать тебя».

Соседи сумасшедшие. Мстительные. Извращенные. Они овладели каким-то... он не знает чем. Актерским мастерством? Трюком с подражанием диким животным? Не важно, чем именно, они психи, которые каким-то образом обманули систему уголовного правосудия, социальные службы, весь мир, живя здесь десятилетиями.

Том бьет по клавиатуре на экране и прижимает телефон к уху.

Он, конечно, срубил их деревья, но они разломали его забор.

Как говорил тот взъерошенный тип в потрепанной машине: лучше тут не задерживаться или об этом позаботятся они? Что-то в этом роде.

Сколько людей знают обо всем? О них. В деревне.

Тому незнакома ни сама деревня, ни ее жители. На том холме нет ни магазинов, ни чего-то другого, нужного для их семьи. Они все вместе прогулялись по улочкам лишь однажды и не встретили ни души.

А их предшественник? «Беднягу, наверное, довели, раз он повесился из-за этих... из-за...» Том не может подобрать нужные слова, чтобы сообщить о своих соседях в полицию. Как можно разумно и точно описать людей, которые по ночам красят себя в белый цвет и подражают свиньям и зайцам?

«Как он запрыгнул на чертовы деревья! Иллюзия? А свинья?»

Миссис Мут. От жуткого ощущения ее власти холодеют мысли. Непреклонная воля под чудовищным обликом. Том видел, как люди – женщины – склонялись перед ней на лужайке у дома. И целовали ей руку!

– Полицию, – говорит он оператору.

– Подождите, пожалуйста, соединяю.

Вскоре раздается голос другой женщины, ночной дежурной ближайшего полицейского участка.

- Здравствуйте. Чем я могу вам помочь? - спрашивает она твердо, но рассеянно.

Том заикается, мнется от смущения еще до того, как произносит первое слово:

- Соседи. Мои соседи. Они...

- Сэр?

- Нет, не так. Они проводят ритуал. В лесу. Они...

Долгая пауза, полицейская ждет, пока он закончит свой бред. У Тома не выходит закончить. К лицу приливает жар и кровь, в ушах шумит, мысли сбиваются. Язык немеет. Горло сдавливает.

- Сэр, вы в опасности?

- Да. Нет. Не сейчас. Возможно. Я не знаю. Они... что-то делали. На кургане. Вокруг него. В лесу за нашим домом. Мы только что переехали. Мы тут новички. Они. Соседи...

- Сэр, в чем суть жалобы? Вы пытаетесь сообщить о каком-то неудобстве? Если о шуме, то споры с соседями обычно решаются в местной управе.

- Нет. Все хуже. Они убили животное! А еще нашу собаку. Я знаю, что они это сделали. И лису на днях. Привязали ее к дереву, чтобы напугать мою маленькую дочку. Они дикари. Садисты. Жестокое люди. Мы здесь не в безопасности.

- Сэр, вы хотите сказать, что видели, как ваши соседи убили животное? Вашу собаку?

Том раздраженно смотрит на телефон.

- Твою мать.

- Сэр? Могу я напомнить вам...

- Простите. Мне жаль. Но... мы не ладим. С ними. Пробыли здесь совсем недолго, но уже возникли споры. По поводу забора, леса, шума. Туда-сюда. И... вот наша собака мертва. Они сказали, что мы не можем ходить в лес. Там происходило... что-то вроде колдовства. Они танцевали. - Последний слог - это выдох, слабая и безнадежная заключительная нота в потоке тарабарщины.

- Сэр, не уверена, что понимаю. Могу я спросить, вы пили?

Том вешает трубку. Бросает телефон на диван, пока желание разбить трубку об пол не взяло верх. Закрывает лицо ладонями, изрезанные пальцы сжимают и царапают кожу головы. Затем смотрит в пустоту. Раскачивается взад-вперед. И снова смотрит.

Измотанный, но внутренне бодрый, как солдат в окопе посреди сражения, Том накладывает очередной пластырь на одну из многочисленных царапин, покрывающих его икру. Очнувшись после короткого сна без сновидений, он почувствовал тошноту при виде собственной крови, испачкавшей спальный мешок. Ткань приклеилась к коже в трех местах, пришлось ее отлеплять. Пропитанные йодом ватные шарики лежат в аптечке на кухонном столе, превращенном в полевой госпиталь. Швы? Только на одной голени шесть пластырей. Еще три на предплечье. Щека и лоб исцарапаны до крови. Том даже не помнит, как получил некоторые раны. Кое-какие из них рваные и требуют перевязки – «У нас есть бинты?» – они кровоточили все два часа сна, в который он провалился.

Услышав глухой стук шагов Грейси, спускающейся по деревянной лестнице, Том пытается спрятать мусор.

В комнату вбегает дочь, одетая для школы.

– Ой, папочка! Что ты наделал?

Отчаянно желая, чтобы спустилась Фиона и он мог рассказать ей о своей травматичной ночи, Том не придумал, что сказать Грейси. В ярком свете утра события в лесу уже кажутся нереальными. Слишком шокирующими и хаотичными, чтобы их можно было осмыслить или сравнить с чем-нибудь из жизни самого Тома или кого-то из его знакомых. И все же он точно знает, что между полуночью и рассветом стал свидетелем безумных способностей соседей. Когда он проснулся, хуже остального было мрачное предчувствие какого-то нового ужаса.

– Несчастный случай. В саду, – говорит Том, пока Грейси роется в аптечке, надеясь помочь.

Она хмурится, пытается понять, почему ее отец так рано занялся садоводством.

– Тут царапина. – Она стучит себя по брови.

Том кивает, его улыбка – слишком жалкая, чтобы прожить дольше мгновения, – почти сразу превращается в гримасу.

Фиона в офисном костюме и достаточно суровая, чтобы настроение Тома упало еще ниже, не заставляя себя долго ждать и следом за дочерью появляется в комнате. Ее шпильки с острыми носами рикошетят от пола.

– Теперь причиняешь себе вред? Сама к тому же приближаюсь. Посмотри на себя.

Грейси сворачивается в объятиях Тома, прижимается к нему. Он обнимает дочку, целует ее в макушку.

– Порезался о какую-то деревяшку, орешек. Не волнуйся.

– Папа, ты должен быть осторожнее. – Те же слова они говорят ей после какой-нибудь неприятности. Слышать их эхо приятно, но слегка оскорбительно.

Фиона достает из холодильника коробку для завтрака. Засовывает пластиковый контейнер в школьную сумку Грейси. Берет второй упакованный ланч. Сует его в свою сумочку. Встряхивает рукавом темно-синего жакета, чтобы посмотреть на часы. Поворачивает голову к двери.

– Грейси.

Том встает и снова целует дочку в макушку. Он не желает ее отпускать. Ему хочется плакать ей в волосы.

Опаздывающая и явно еще взбешенная представлением с бензопилой, жена выбегает из комнаты. «Ты даже половины не знаешь», – думает Том. Но как можно рассказать такую историю или затронуть эту тему? Как и любой нормальный человек, его жена ночью спала. А не лежала лицом в лесной грязи, пока шоу уродов плясало вокруг поляны, хрюкая и визжа, а на их алтарный камень капало кровью мертвое животное.

Том окликает:

– Фи! По поводу прошлой ночи.

Не обращая на него внимания, она отпирает входную дверь.

Том следует за девочками к подъездной дорожке, но вскоре останавливается и глядит на трейлер, припаркованный прямо перед их домом. Грязный обелиск, отбрасывающий тень на неухоженный газон. Соседи перетащили его от своего дома сюда. Испачканные боковые панели теперь отгораживают противоположную

сторону дороги, откуда открывается вид на поля, который окаймляют уходящие за горизонт зеленые холмы.

Грейси скачет к трейлеру, чтобы изучить его, рюкзак на спине делает ее совсем крохой. Фиона отпирает свою машину, даже не взглянув на развалюху.

Том отвлекается от потрясенного созерцания брошенной машины и шаркает по заросшей сорняками дорожке. Неровные плиты и рыхлый гравий впираются в его босые ступни. Том тянется к локтю Фионы, чтобы помешать ей нырнуть в машину.

- Фи.

Она поднимает взгляд. Хорошенькое личико под слоем косметики бледнеет от сдерживаемой ярости.

- Фи, это место.

- Что с ним?

- Оно небезопасно. Прошлой ночью...

Том смотрит на Грейси, проверяя, что она не может подслушать. Дочка стоит на цыпочках, заглядывая в грязное окно брошенной машины. Большую часть стекла закрывает потрепанная, выцветшая оранжевая занавеска.

- Внутри люди, - говорит она.

Том поворачивается к Фионе.

- Кое-что произошло.

- Можешь еще раз повторить. О чем ты, черт возьми, думал?

По ту сторону живой изгороди дверь соседского гаража скрежещет в металлических направляющих. Тома обдаёт жаром, а затем ледяным холодом при мысли о том, что может оттуда выпрыгнуть, он поворачивается и смотрит в сторону дома Мутов. Слышатся приглушенные голоса.

- Грейси! Подойди к папе. - Резкость в его тоне настораживает дочку, которая угрюмо повинуеться, будто ее несправедливо отчитали.

Уголкем рта Том шепчет жене:

- Не это. Позже. Посреди ночи. Я сам с трудом могу в это поверить. Они...

Прекрасные глаза жены изучают Тома, но в выражении лица нет теплоты, что каким-то образом делает ее еще привлекательнее, будто он теряет ее и только сейчас понимает, насколько она особенная. Пристальный взгляд Фионы ищет в его лице то, что, как она подозревает, Том скрывает. Возможно, лживость или признаки безумия.

- Я не шучу, Фи. Они проводили... церемонию. В лесу. Фи, они убили еще одно животное.

Фиона высвобождает свой локоть. Осторожно забирается в машину, сбрасывает шпильки. Нашаривает туфли для вождения. Засовывает в них свои атласные ножки.

Том снова со страхом смотрит на соседский дом. Виден только верхний этаж, шторы задернуты. Из-за изгороди доносятся, накладываясь друг на друга, голоса. Тому кажется, что их три. Кто-то смеется. Это добрый знак?

Грейси забирается в детское кресло, а Том обходит машину, чтобы продеть ее ремень безопасности через множество пластиковых прорезей. Как только он закрывает пассажирскую дверь, Фиона заводит машину, отпускает ручной тормоз и катится вниз по склону подъездной дорожки. Том следует за машиной, не желая отпускать их и оставаться один.

- Люблю тебя, орешек, - обращается он к Грейси.

Только в конце дорожки Том останавливается. Вид полицейской патрульной машины, припаркованной у дома Мутов, там, где вчера стоял фургон, заставляет его чувствовать себя таким же обескровленным и одеревенелым, каким, по собственному мнению, он выглядит.

- Черт.

Окно Фионы с механическим жужжанием опускается.

- Я оставляю тебя разбираться с законом. Нанесение ущерба, полагаю.

Прежде чем Том успеет придумать подходящий ответ, машина отъезжает, и он действительно остается один. Осознание этого бросает его в нервный пот. Том возвращается в то состояние, которое поглотило его всего несколько часов назад в лесу: измученный и слабый от страха, который можно почуять носом.

Ему нужно верхнее окно, чтобы следить за тем, что происходит у соседей, и Том на цыпочках пробирается в комнату Грейси.

Он собирался позвонить в местный полицейский участок, как только Фиона уедет, и извиниться за брошенную трубку и за бессвязные объяснения, а затем рассказать о событиях прошлой ночи. Но Муты его опередили.

Убедившись, что он достаточно далеко от окна и не виден снизу, Том рассматривает соседей, которые уже вернули свой обычный облик. Миссис Мут в наряде для работы в саду. А Маги напоминает стареющего клавишника из прогрок-группы семидесятых. Но это возвращение Мутов к представлениям о нормальности никак не смягчает отвращения Тома при виде их. И не рассеивает ужас при воспоминании об их других «я».

Посетительница Мутов – привлекательная сотрудница полиции. Ее светлые волосы собраны в тугий пучок на затылке, который Том может видеть, когда констебль кланяется миссис Мут и пожимает затянутые в перчатки руки старухи, выражая сердечную благодарность. Игра, от которой Том ощущает ту же горечь, что и ночью, когда его соседи стояли перед бесом возле пруда, балансируя на одной ноге – она намекала не только на безумие, но и на накопленную врагом власть. На их связь с этим местом, в которое он лишь вторгся.

Ухмыляясь, Маги наблюдает, как Фиона разворачивает машину в конце дорожки и, набирая скорость, уезжает прочь. Затем он поворачивается и смотрит на окно, через которое подглядывает Том, и бородатое лицо старика искажает проницательное, злобное выражение.

Том вздрагивает, но не убегает. «Откуда ему знать, что я здесь?»

По-прежнему ухмыляясь, Маги прячет ладони за блестящую лысину и распрямляет указательные пальцы, изображая уши животного. Когда он это проделывает, пол и розовые стены комнаты на краю зрения Тома начинают дрожать.

– Черт. Дерьмо. Черт, – шепчет он. Но, прежде чем успевает отойти от окна, замечает, что офицер полиции опускается на колени.

Миссис Мут, тоже зная, где прячется Том, поворачивается лицом к окну комнаты Грейси.

Опустившись на колени, полицейская хватает пожилую женщину за бедра и сует свое хорошенькое личико между ягодиц миссис Мут. Затем преданно целует задницу соседки.

– Нет. Нет. Нет. Пожалуйста. – Даже для собственного слуха голос Тома звучит слабо.

На фоне этого нелепого зрелища ухмылка Маги становится шире.

Властное выражение лица миссис Мут смягчается от блаженства.

Том опускается на пол своего тихого старого дома и замирает.

Его голова опущена, глаза закрыты, на кухонном столе стоит недавно початая бутылка рома и наполовину наполненный стакан. Том некоторое время не двигается, лишь смотрит на свои руки, стискивающие край раковины. «Как давно я здесь?» Он подозревает, что по крайней мере с тех пор, как уехала патрульная машина. По ощущениям, уже несколько часов.

И вот, если верить кухонным часам, уже наступила и прошла половина одиннадцатого, а он все еще неспособен на что-то большее, кроме как сидеть, сгорбившись в тишине недостроенного дома. Не имеющая никакого значения домашняя утварь расплывается у него перед глазами, почти неузнаваемая. Мысли текут медленно, точно патока, затем устремляются вперед, будто вздувшиеся от дождя реки, затопляют разум, но заглушают желание делать хоть что-то. Том сидит неподвижно, с раскрытым ртом.

Когда внутренняя буря наконец утихает, он чувствует себя разбитым, сонным и вялым, а еще у него болит челюсть. То ли скрипел зубами, то ли пялился на адские муки, как ухмыляющийся скелет. Его взгляд останавливается на пустой корзинке Арчи, затем перемещается на игрушечную коляску Грейси. Теперь внутри сидит мохнатая свинка и выжидающе смотрит на него.

Издав рев, Том хватает стакан с ромом и швыряет в стену, отделяющую его от соседей.

Стакан взрывается серебристой гранатой. Вокруг вмятины на штукатурке стекают брызги рома.

Как он сюда попал? Том читал о подобных случаях. И видел документальные фильмы по телевизору. Про конфликты между соседями, поначалу кажущиеся нелепыми, но приобретающими правдоподобие во время журналистских расследований. Отвратительные истории о преследованиях, рассказанные дикторами местных каналов. Истории, которые раньше заставляли Тома радоваться тому, что он и его девчонки не живут рядом с преступниками.

На телевидении всегда полно подобного материала. Порча припаркованных машин. Экскременты, льющиеся в щель для писем. Камеры слежения, направленные поверх заборов на окна. Изнурительные войны на истощение в мировых судах. Социальная конкуренция, перерастающая во вражду в неравном обществе, где некоторые не могут вынести стыда за то, что материально уступают тем, кто живет по соседству. Гнусные и дерзкие способы возвыситься над предполагаемыми конкурентами – пища для таблоидов и, возможно, фирменное блюдо британцев.

Неподалеку от их городской квартиры мужчина даже расправился с пожилой соседкой. Расчленил ее в своей ванне, а затем по частям скормил бойцовым собакам, которых держал в клетках на заднем дворе. Инцидент ненадолго попал в заголовки газет.

Они сломали его забор. Запугивали Грейси. Арчи нагадил на лужайку Мутов. Сам Том уничтожил их деревья. Вражда характеров. Обмен огнем заряженных голосов... Что делает его ничем не лучше тех, кого он высмеивал в телевизионных передачах. Сам попал в их клуб и прошлой ночью видел подтверждение этого в глазах Фионы. И утром тоже.

Хотя, разумеется, его соседи другие. Конечно. Сон, свинцовые таблички, ритуал в лесу, твари, которые преследовали его... Все это свидетельствует о чем-то другом, что ему все еще страшно принять. Даже сейчас он не может удержаться от упрямого стремления найти рациональное объяснение; часть его по-прежнему настаивает на том, что Муты владеют искусством иллюзий. Силой внушения, как фокусники в Лас-Вегасе, которые заставляют вас видеть то, чего нет на самом деле. Но как?

В холле со скрипом приподнимается клапан над щелью для писем, а затем захлопывается.

Том подпрыгивает.

– Господи!

Сбитый с толку, он ждет, пока успокоится бешеный стук сердца. Снаружи хрипло ревет двигатель автомобиля.

Слишком напуганный, чтобы разбираться с тем, что там прислали, Том задерживается на кухне, расхаживает туда-обратно, пока не набирается решимости выйти.

* * *

Сев на диван в гостиной, Том осматривает конверт. Коричневая бумага, штамп предоплаты. Франкированный конверт с деловым ответом, предназначенный для подписки на журнал под названием «Вяз, дуб и тис».

Конверт адресован не Тому, а компании, которая распространяет периодическое издание о деревьях. Юридический адрес зачеркнут маркером. Над ним изящным курсивом от руки написано: «Джентльмену из дома номер 1». Том живет в доме номер один, поэтому полагает, что письмо предназначено ему. На конверте нет ни почтового индекса, ни марки. Письмо доставили лично. Звук отъезжающей машины.

Обычно движение по этой улочке практически отсутствует. Если бы не обстоятельства и ненормальные соседи, Том был бы в восторге от почти всегда пустой дороги. Теперь же он часто ловит себя на том, что жаждет какого-нибудь признака обычной жизни.

Потрепанный конверт и вес его содержимого – толщина сложенной бумаги и предмет, сделанный из открытки, – вызывают острую потребность опорожнить кишечник. Том опасается, что послание пришло от одного из тех, кто целует задницу соседке. Иррациональная мысль, и, возможно, от таких подозрений веет паранойей, но все же дрожь проходит морозом по его позвоночнику.

Когда Том большим пальцем разрывает конверт, по его рукам стекает мягкий дождь из сушеных трав.

– Какого хрена?

Заглядывая внутрь конверта, он видит листки бумаги. Осторожно вытягивает их пальцами. Две ксерокопии газетных вырезок и черная визитная карточка. Том кладет карточку на подушку рядом с собой, его внимание цепляет первая вырезка.

VENEFICIUM написано от руки тем же стильным почерком, которым выведен адрес на конверте, над заголовком «ПОВЕШЕННОГО НЕ ОБНАРУЖИВАЛИ НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ». Под текстом, который Том не читает, зернистая фотография фасада его дома. Статью написали за пять месяцев до их переезда.

На вырезке фото предыдущего владельца дома, стоящего рядом с покосившимся крыльцом. Том никогда раньше не видел этого человека. Тот совсем незапоминающийся, обычный: редкие седые волосы, невысокий и коренастый, с мускулистыми руками, в поношенной рабочей одежде, забрызганной краской. Непривычные к веселью жесткие глаза прищурены с намеком на проницательность.

сидящие седые волосы, невысокий и коренастый, с мускулистыми руками, в поношенной рабочей одежде, забрызганной краской. Непривычные к веселью жесткие глаза прищурены с намеком на проницательность.

Том бросает взгляд на копию другой статьи, тоже вырезанной из местной газеты. Вверху страницы от руки написано еще одно слово: MALEFICIUM. Ниже кричащий заголовок: «ПОПУЛЯРНОГО МЕСТНОГО ЖИТЕЛЯ НАШЛИ МЕРТВЫМ ПОСЛЕ УБИЙСТВА ЖЕНЫ». Под заголовком – двое с улыбками на лицах. Дородная пара средних лет, стоящая в его саду на заднем дворе, когда тот еще не напоминал поле битвы при Пашендейле.

Том берет с дивана телефон, гуглит veneficiu. Из всех сил старается не моргать, сосредоточиться, но ему удается извлечь немного информации из бесплатного онлайн-словаря: «приготовление ядов», «колдовство» и «чародейство».

Он сглатывает, в тишине комнаты этот звук звучит слишком громко. Том гуглит maleficiu. И на экран снова выпрыгивает «колдовство» вместе со строкой текста: «Причинение вреда другим с помощью колдовства».

Том бросает телефон и берет визитную карточку. Сдувает сухую траву с глянцевой черной поверхности.

На лицевой стороне золотыми буквами напечатано: «А. Блэквуд, доктор философии. Народный целитель. Практическое магическое руководство. Магическое обучение. Очищение. Таро. Каббала».

Взгляд Тома скользит по саду и срезанным бензопилой деревьям на границе участков. Его внимание переключается на пустую собачью корзинку. В мыслях Тома прыгают белые фигуры: одна визжит, другая хрюкает. Он крепко

зажмуривается и отворачивает голову в сторону, словно хочет отвести взгляд от воспоминаний о танцорах на освещенной костром поляне.

- О боже милостивый. Черт, черт, черт.

Нервничая, Том берет телефон. Читает информацию на визитке, набирает номер на экране. Подносит трубку к уху.

Ему отвечают после первого же гудка, из динамика раздается звучный голос:

- Ситуация становится отчаянной?

Том некоторое время молчит. Его разум туманится, так много нужно переварить: ужасные намеки статей, определения странных слов, яркое воспоминание о полицейской, уткнувшейся лицом в жилистые ягодицы миссис Мут, животное, зарезанное на старом камне в черном ночном лесу... Всего этого слишком много.

Том отвечает, и собственный голос удивляет его, настолько тот старческий, дрожащий, хриплый и вызывающий стыд.

- Кто вы такой?

- Это только начало, - произносит властный собеседник, будто бы обращаясь к зрительному залу, который превратила в силуэты рампа старой узкой сцены. - Мы должны встретиться. Поскорее. Боюсь, вам нельзя терять время.

Том переводит взгляд на светильник в холле. Белый провод слишком бросается в глаза - жестокая насмешка, болтающаяся в пределах видимости камеры осужденного.

- Мой адрес на обратной стороне визитной карточки.

Абонент отключается.

Том узнает потрепанный полумертвый автомобиль на улице из семидесятых годов. Череда одинаковых зданий, которые выглядели чистыми и функциональными в проекте. Пятьдесят лет назад.

На окнах Блэквуда висят пожелтевшие сетки, стекла достаточно грязные, чтобы окрашивать золотистый солнечный свет в коричневатый цвет. Никто не подстригал газон, по крайней мере, год – это у них с Блэквудом общее. Здесь подобной заразой поражен каждый третий дом на улице.

Практикующий маг. «Иисус прослезился бы». Идея приехать сюда, чтобы получить ответы от человека столь эксцентричных и сомнительных занятий, теперь заставляет Тома пылать от стыда. Даже сильнее, чем до отъезда из дома. Сейчас от жара унижения у него на голове выступает пот. Быть здесь – это доказательство отчаяния, он не переживет, если кто-то узнает о его посещении магического... Даже слово не придумать.

Мысль о том, что он добирался сюда час двадцать по множеству узких улочек категории «Б» вместо того, чтобы работать на верхнем этаже и ждать строителя и сантехника, заставляет повесить голову. Каждый час, отданный не поискам работы и не улучшению дома – пустая трата времени.

И все же, перекрывая беспокойство по поводу денег и отставания от графика, возникают постоянные и уже настойчивые вопросы о том, почему же его предшественник так и не доделал дом.

Этот чудик что-то знает о соседях. Есть связь и история, которые нужно распутать. Газетные вырезки наводят на мысль о чем-то возмутительном и мерзком. Этот человек хотел, чтобы их прочли.

Том выходит из своей машины и перекидывает через плечо сумку. Три свинцовые таблички оттягивают нейлон и глухо позвякивают, пока он идет по подъездной дорожке, заросшей сильнее, чем у него самого. У Тома хватило присутствия духа, чтобы принести «сокровище», которое Грейси и Арчи обнаружили в лужайке. Свинцовые плашки, покрытые символами и спрятанные под землей, приобрели после вчерашней ночи новое значение. По крайней мере, Блэквуд, как доктор философии, может кое-что знать об артефактах.

Том не успевает ступить под волны непослушной жимолости, которой удалось сорвать решетчатую шпалеру с навеса крыльца, как входная дверь широко распахивается.

У Тома перехватывает дыхание. Кажется, Блэквуд ждал за дверью или, возможно, наблюдал за ним из окна, и это впечатление никак не успокаивает нервы. Мгновенно и надолго наступает неловкая тишина. Двое настороженных людей, у которых, несомненно, мало общего, кроме неухоженных газонов и чувства социального дискомфорта, молча оценивают друг друга.

Стоящий в дверном проеме мужчина все такой же растрепанный, каким Том его помнит: на бледном одутловатом лице сидят очки, а волосы в ушах и брови давно требуют ухода. Брюки на нем те же, что были, когда он ругался с Мутами, – они на дюйм не доходят до лодыжек, выставляя наружу разные носки и шнурки ботинок.

Том чувствует себя обязанным выйти из неудобного положения.

– Мне нужно, чтобы вы объяснили, кто, черт возьми, мои соседи.

Блэквуд тихо отходит в сторону и жестом приглашает Тома войти.

* * *

Ковры в доме практикующего мага так и мелькают, узоры меняются, узоры исчезают. Коробки и книжные шкафы в тесном холле покрыты слоем серой пыли. На кухне виднеется пирамида из грязной посуды. Упаковки из-под еды и испачканные тарелки захламляют все поверхности. А резкий запах тела, исходящий от деловой рубашки мага, конкурирует с запахом выдержанного мусорного ведра и заставляет Тома зажать нос.

Он следует за Блэквудом в гостиную, настолько захлавленную, что почти не

сомневается в том, что попал в логово сумасшедшего затворника, который, возможно, даже опасен. Стены комнаты едва видны за книгами. Тысячи корешков твердых переплетов высасывают тусклый электрический свет, создавая коричневатую пелену, затемненную задернутыми шторами. На загроможденном столе в углу возвышается компьютерный монитор, на заставке которого светятся знаки зодиака.

– Возможно, вам лучше присесть, прежде чем услышите то, что я хочу сказать.

Том старается найти место, где можно было бы опуститься. Нет ни одной поверхности, где не возвышались бы башня из книг, лыжные склоны из бумаг или груды одежды, ожидающей то ли глажки, то ли сортировки для благотворительности.

Вынужденный сидеть краем задницы на двух дюймах дивана, Том с опаской поглядывает на огромную астрологическую карту, которой оклеена стена до самого потолка.

– Что я здесь делаю? – Он не уверен, что собирался произнести это вслух.

Блэквуд занимает позицию на противоположной стороне комнаты, у книжного шкафа, и принимает профессорскую позу – наигранная попытка возвыситься, от которой Тому хочется издевательски расхохотаться.

– Могу я называть вас Томом?

Он кивает.

– Вы со своей семьей выбрали крайне неудачное место для дома.

– Чтобы напоминать об этом, у меня есть жена, приятель. Подкреплять не нужно.

– Жена пока не ушла от вас?

– Нет!

– И вы все еще можете выносить ее вид?

– Что?

– Значит, у нас есть время. Немного. Они хороши. Не ошибитесь. Муты могущественны.

Наполовину уверенный, что ему следует просто встать и уйти, Том поднимает руки в знак недоумения.

– Ваши соседи – те еще шептуны, – произносит Блэквуд нараспев, будто его гость должен немедленно признать это весомое откровение. Но замечание просто повисает во мраке, постепенно становясь таким же абсурдным, как и сам говорящий.

– Это эзотерическое определение для мудаков?

От слов Тома Блэквуд морщится.

– Травники. Фармакиды^[7]. Торговцы низкой магией. Вот что я имею в виду.

– Все еще не понимаю.

– Им платят за услуги. За чары. Как и их родителям. Вы идете против династии.

– Подождите. Родителям? Они не... вместе?

– О нет, они не супруги. Брат и сестра.

– Брат и сестра? Но... – Сосание бледного бедра. И «моя дорогая». Том слышал, что Маги называл ее так – ласковым обращением, наверняка предназначенным для супруги, с которой прожили много лет. – Когда он назвал ее «моя дорогая», я подумал...

– Не «моя дорогая», а Медея. Как в трагедии. А эти брат с сестрой принадлежат к древней традиции. Когда-то такие служили беднякам как врачи и ветеринары. Несколько столетий назад. Но знания передаются от одного поколения к другому. Меня ввела в курс дела моя тетя. – Блэквуд смотрит на свой стол, направляя взгляд Тома на фотографию в рамке рядом с монитором. На снимке улыбающаяся пожилая женщина с буйной копной волос стоит посреди летнего сада. На ней белый фартук. Не будь фотография цветной, можно было бы решить, что ее сделали сто лет назад.

– Мы предлагаем специализированные услуги. Чары. Лечим недуги. Корректируем дисбаланс в судьбе. Некоторые из нас даже наделены даром прорицания. – Тут Блэквуд делает паузу, явно раздуваясь от гордости.

Том остается в недоумении.

– Гадания, – поясняет Блэквуд, словно глуповатому ребенку. – Но Маги и Медея уже давно изменились. Их магия темная. С моей точки зрения. И поэтому я связался с вами. У меня было ощущение, что ситуация выходит из-под контроля.

Для вас. Что уже началось.

- О чем именно мы здесь говорим? Что они делают? Я имею в виду как?

- Как? Я еще вернусь к этому. Но истоки того, что они делают с вами, возникли двадцать лет назад. В то же самое время в вашем доме началась смена владельцев. Вам нужно понять, что полную ответственность за это несут Муты. Самой прибыльной стрелой в колчане ваших соседей всегда было снятие проклятий. - По-прежнему ожидая, что посетитель удивится и ощутит благоговение перед столь судьбоносным откровением, Блэквуд делает вдох, чтобы позволить осознать весомость замечания.

Но Том продолжает таращиться на этого человека, из вежливости подавляя жалость, отвращение и смех. Пока Блэквуд не вскрикивает:

- Только вот Муты налагали кровавые проклятия!

Том подпрыгивает, в глубине комнаты еще что-то сдвигается, словно одна из кип бумаги тоже перепугалась, хотя он не заметил, чтобы что-то съехало с места или упало.

Судя по всему, Блэквуд у самого себя вырвал чеку и взорвался. Он продолжает реветь:

- Теперь они вышли из-под контроля!

- Обычная история. - Том снова ерзает, смущаясь из-за этого всклокоченного, взволнованного человека. И может лишь наблюдать за его выходками с той же страшной жалостью, с какой смотрел бы на разъяренного пьяницу, беснующегося на улице. Том позвякивает ключами от машины.

Звук, кажется, побуждает Блэквуда взять себя в руки или хотя бы попытаться, но у него кипит кровь. Закрыв глаза, он умиряет дыхание.

- Фактически они шантажируют жертв, требуя дани. Ради снятия проклятия!

Сама мысль о подобном заговоре тут же приводит мужчину в ярость. Его жесты становятся более дикими, приобретают необычный рисунок и ритм, будто руки исполняют странный танец, в котором ноги не должны двигаться.

- Мне ли не знать. Я сейчас пытаюсь снять одно! Они губят меня! Они уничтожили всех конкурентов на юго-западе. Я последний оставшийся в живых чаровник. Есть те, кто ежемесячно платят Мутам уже десять лет! Обобранные до нитки! И даже хуже.

Том наклоняется вперед, его интерес вызывает то, что он, наконец, может понять: возможное мошенничество, на котором специализируются Муты. Плюс запугивание соседей. Психологическое насилие через живую изгородь. Том поднимает руку, чтобы прервать разглагольствования Блэквуда.

- Подождите. Они умны и коварны. Злобные, мстительные засранцы. Я понял. Видел это. И еще много того, что не могу объяснить. То есть прямо сейчас объяснить. Но колдуны? Поклоняющиеся дьяволу или что-то в этом роде?

Замечание Тома раздражает Блэквуда больше, чем его претензии к Мутам.

- Это не имеет никакого отношения к христианству! Или чертову дьяволу!

- Ладно. Ладно. Хорошо.

Нездорово дыша, практикующий маг начинает объяснять, но словно для слабоумного.

- Тут все намного старше. Что касается такого рода колдовства, то его не существует! Не было до окончания Второй мировой войны. Это все современное изобретение.

- А как же черная магия? Проклятия? Вы же сами сказали.

Блэквуд закрывает глаза.

- Если вы ищете современный эквивалент, то ваши соседи - жрецы. Магия и вера неразделимы. Из-за этого то, что они делают, становится чрезвычайно опасным.

Том пожимает плечами.

- Это все... немного притянута за уши. Боюсь, я все еще в растерянности, приятель. В смысле... магия?

Блэквуд открывает глаза, и смотрит на Тома с прищуром.

- Обычная история. Вы и представить не можете. Совсем рядом с вашим домом, на самом деле. Вы уже видите результаты, иначе вас бы здесь не было. Не так ли? Но, если вы не можете

принять мои слова, не можете воспринять их серьезно, тогда вы уже прокляты.

Ужас пронзает холодом внутренности Тома. Он слишком живо помнит тех

чудовищ, которые прыгали и хрюкали в ночному лесу, гоняясь за ним с топотом и визгом. «Прошлой ночью они могли разорвать тебя на части».

– Чего они хотят? У нас ни черта нет денег.

– Они хотят, чтобы вы ушли.

– Это невозможно. Нам некуда идти. Мы заложены по самые уши.

– Вы сейчас так говорите, но они терпеть не могут соседей. Не имеет значения, кто занимал соседний дом, история не менялась. Не могу припомнить, чтобы кто-нибудь продержался там долго. Те, кто выстоял, ну... Некоторых уничтожили быстрее, чем других. А те, к кому Муты питали особенно яростное презрение... – Блэквуд приподнимает бровь. – С тысяча девятьсот девяносто второго года в том доме произошли восемь смертей. И три психических срыва, которые закончились госпитализацией. Наследие. И они наслаждаются своей работой. Соседи для них – просто развлечение.

Том вспоминает специфический звук бензопилы, срезающей деревья Мутов. И чувствует себя плохо.

Блэквуд складывает руки за спиной и приподнимается на цыпочки.

– Вы прочитали материал, который я предоставил. Всего пару примеров. И это ваша проблема. Не моя. Так что, может, наконец, покончим с этой утомительной видимостью самодовольного скептицизма. М? Что скажете?

Том бросает на пол рюкзак.

– Это было зарыто в нашем саду. Может, есть какая-то связь с тем, о чем вы говорите.

Блэквуд подходит на цыпочках и наклоняется над сумкой. Сдвигает очки со лба на нос, собираясь заглянуть внутрь. Но при виде содержимого его глаза широко распахиваются, в линзах очков отражается страх.

– Не позволяйте этому прикасаться ко мне! Или к полу! Сумка. Держи их в этой чертовой сумке!

Сплетая руками над головой еще больше узоров, он стремительно выходит из комнаты.

Том медленно закрывает рюкзак, поднимается и следует за Блэквудом. Он предполагает, что так и следует поступить.

* * *

Если бы по этому адресу жили обычные люди, тут была бы столовая. Но поскольку здесь владения Блэквуда, то над голыми половицами сияют золотые стены и такой же потолок. В центре пола нарисованы два круга, один внутри другого. По краям круга символы, которые, как предполагает Том, имеют оккультную природу. Просто есть в них что-то такое.

Блэквуд становится внутри кругов с прикрепленной к голове ювелирной лупой. В линзе виден гигантский глаз. Под мышкой практикующий маг держит три книги в твердых переплетах. Он указывает на пол за пределами внешнего круга.

– Положите их. Там.

Том опускает рюкзак со свинцовыми табличками на пол.

– Теперь разложите их плашмя. Внутри сумки. Мне нужно изучить надписи.

Не успевает Том разложить таблички, как Блэквуд с глухим стуком падает на четвереньки. Взмолнованно сопя, словно коллекционер странной порнографии, он придвигается к свинцовым плашкам.

Том отступает прочь.

– Что это такое?

– Скрижали проклятия. Направлено на любого, кто обитает в вашем доме.

– Вы издеваетесь надо мной. Как... – Том ловит себя на том, что теперь сам размахивает руками. – Как они должны работать?

– О, они работают. Очень эффективно, если их уложили специалисты. Как эти. – Блэквуд поднимает голову. – Их вынули из могил. Из очень старых могил. – Огромный глаз в линзе один раз моргает, затем лохматая голова снова опускается. – Так я и думал. Вот как они выживали людей. Смотрите! Сюда! Это греческий. Пятый век, я бы сказал. Я уже видел подобное в Сомерсете и Уилтшире. Вызывают болезни. У скота. Убивает животных. Поражает посевы.

Разум Тома борется с невозможностью того, что ему говорят. Но после мыслей

о мертвом саде и маленькой могилке Арчи его сопротивление ослабевает.

- С вами случалось что-нибудь подобное? Мм?

- Наш сад...

Блэквуд не слушает.

- Ага! Латынь! Язык Рима. Тоже обычное дело. Цель - финансовое неблагополучие. Что-то непредвиденное, внезапное, затрагивающее семью. Обычно размещают рядом со входом, даже под порогом. На открытом воздухе их можно найти возле ворот. Третья табличка написана на иврите. Мне придется вернуться к вам с этим вопросом. Но рискну предположить, что скоро ваши сны станут невыносимыми. Вы можете страдать от видений. О подземном мире и всяком подобном. Увы, вот она, нечестивая троица. Отравление. Разрушение. Безумие.

Блэквуд вынимает лицо из открытой сумки и снова глядит вверх, его огромный глаз моргает.

- По предварительной оценке, могу сказать, что лично я больше не ступил бы в эти владения. Не говоря уже о том, чтобы жить там.

* * *

Полагая, что теперь все его существо состоит из замешательства, отчаяния, неверия и изнеможения, Том падает на потрепанный диван и опускает голову на колени.

Подкрепляя возмутительные утверждения Блэквуда, в памяти всплывает непрошенная и страшная бледная фигура. Существо стоит на странном земляном холмике, кричит в небо, затем прыгает на верхушки деревьев. И все это лишь в нескольких сотнях метров от того места, где спят Том и его семья.

- Если все это... Что я могу сделать? Чтобы остановить это? Чтобы защитить нас?

Несколько равнодушный, даже черствый к бедственному положению Тома, Блэквуд просматривает фолиант на своем столе. Как будто фокусируясь на собственном увлечении, он перелистывает страницы и говорит небрежно, не поворачивая головы.

- Вы должны начать с того, что найдете остальные таблички. Подозреваю, что их еще больше. И пока вы этого не сделаете, вам не будет отдыха. Ваши соседи могут оживить проклятия в любое время по своему желанию. Вы даже не узнаете, пока крыша не рухнет на голову. Проклятия будут взрываться минами в вашем будущем. Всевозможными сверхъестественными способами. В любой момент. Ваша жена может стать неверной. Такое всегда было популярно.

Том смотрит на часы.

- Черт. - Он встает и хватается за сумку. - Мне пора идти. Я дам знать, если найду еще что-нибудь. И на этом все закончится, да? Как только я найду все?

И пока Том гадает, как именно справиться с такой задачей, Блэквуд отворачивается от своего стола, его брови приподнимаются над очками.

- Остался вопрос о моей награде.

Том хмурится.

- Что еще?

Лицо мужчины темнеет, взгляд становится острым от гнева.

- Если у вас лопнут трубы, вы вызовете сантехника, я прав? И оплатите этому специалисту оказанные услуги, м?

«Если бы у меня были деньги», - хочет сказать Том, но не может вымолвить ни слова. Он сбит с толку скоростью событий и невероятностью заявлений Блэквуда, которые уже не кажутся абсурдными. Его замешательство не уменьшает и пугающие подозрения о мотивах этого человека. И пока Том колеблется, Блэквуд достает из хлама на столе портативную машинку для кредитных карт.

- Консультация бесплатная. Диагностика и лечение - нет. Я также могу предложить вам метод обнаружения. В рамках пакета услуг.

Тому удается шепотом спросить:

- О какой сумме мы говорим?

- Сейчас посмотрю, остался ли у меня прибор. Тогда и договоримся. - Блэквуд вскакивает из-за стола и пересекает комнату. Выйдя из гостиной, он рывком открывает дверцу чулана и начинает шумно рыться под лестницей. Наружу

вываливается покатая гора коробок, пальто и старой обуви, которая скапливается у его ног. – От винта!

Том встает с тесного дивана и достает из кармана пиджака бумажник. Выбирает банковскую карту и представляет, как над ним смеются все знакомые.

Блэквуд вынимает из шкафа металлоискатель.

– Наушники где-то здесь. Я точно знаю.

Том подходит и берет машинку. Это старый, потрепанный, жалкий прибор, с помощью которого можно справиться с задачей и раскрыть проклятие. Не такой уж и тяжелый. Том сдувает с аппарата пыль, пока Блэквуд продолжает поиски, его голос и хриплые вздохи приглушены теснотой чулана.

– Пыль. Мне еще понадобится пыль. Из их собственности. Изнутри. Это жизненно важно.

– Вломиться к ним? Ради пыли? Черт возьми, вы сумасшедший?

– Я похож?

Том прикусывает язык, затем хмурится, когда до него доходит:

– А трейлер подойдет?

Тяжело отдуваясь, Блэквуд шумно вылезает из чулана.

– Если он им принадлежал. Или они им пользовались. Возможно. И у них есть такой. Они передвигаются на нем по этой улочке. По деревне. Я не знаю почему, но мы можем только предполагать. А теперь мой гонорар.

Блэквуд с неприличным нетерпением подходит к столу и со всей серьезностью врача, выписывающего рецепт, пишет в блокноте. Затем отрывает страницу и протягивает ее Тому. Водянистые глаза практикующего мага смотрят поверх очков в черепаховой оправе, взгляд их становится напряженным. «Да, сэр, вопрос серьезный и требует моего опыта».

Том видит сумму и чувствует необходимость присесть или, возможно, даже прилечь.

На выходящем в сад кухонном окне Фиона мельком замечает призрак своего лица: отражение темных глаз, искаженные беспокойством и разочарованием черты. Спросив себя, не постоянно ли это выражение, она наклоняется вперед, чтобы прогнать с грязного стекла видение усталой женщины. Ее внимание переключается на мужа, который стоит вдалеке и занят странным делом перед частоколом деревьев на границе с лесом. Именно выходы Тома и привлекли Фиону к окну.

Бугристая поверхность сада уже напоминала поле битвы времен Великой войны. Клочок земли, который когда-то подвергся разрушениям и взрывам, а затем возвратился в дикую природу – воронки и землянки вновь заросли травой, дикими цветами и кустарниками. Но между тем, как Фиона утром ушла на работу, и ее вечерним возвращением боевые действия возобновились и нейтральную полосу заново распахали. Холмики свежевырытой земли кротовыми норами усеивают недавнее подобие лужайки. Рядом с выходом на патио возле двух ям сложены каменные плиты. Скорее кладбище, чем благоустроенный сад.

Приведение в порядок сада – последнее дело в растущем списке ремонтных работ. В конце концов они доберутся и до него. Но Том, похоже, намерен потратить драгоценное время и немногие силы на то, чтобы сделать сад еще неприглядней.

Припозднившийся сантехник наконец-то появился, чтобы начать работу над ванной. А Тома не оказалось дома. Фиона обнаружила короткую записку, застрявшую в щели для писем. Теперь непонятно, когда этот необязательный мастер сможет прийти снова. И придет ли вообще. Потребовалось столько времени, чтобы найти сантехника с хорошей репутацией по подходящей цене. Они так долго ждали эту аудиенцию, но Тома здесь не было. Его не было дома, чтобы встретиться с сантехником!

Разгневанный ремонтник тоже звонил Фионе на работу. Он сегодня проделал такой путь, чтобы никого не застать дома. Фиона дважды звонила Тому и оставила два сообщения. Он на ее звонки не ответил. И с полом не работал. А ведь собирался сегодня постелить винил в их спальне и заверял, что приступит к полу в прихожей или гостиной. Но, судя по тому, что видит Фиона, муж вообще ничего не сделал. Вместо этого он ведет себя как какой-нибудь нелепый любитель римских сокровищ, хотя клялся, что дом будет его единственным делом, пока его не наймут на оплачиваемую работу.

Том в наушниках водит над землей металлоискателем.

Он даже не переодел грязную одежду, в которой ходит со вчерашнего дня. Посреди ночи снова ее надел. А потом в ней же спал.

Руки Тома заклеены множеством пластырей, ладони покрыты сажой и грязью. На лице застыло похмельное выражение. Фиона уже неделю созерцает это лицо: обвисшее, сероватое, изборожденное морщинами. Неприятная царапина пересекает бровь, Фиона видит ее со своего места. Швы.

Вид этого лица утомил ее сильнее, чем собственный изможденный облик.

Том одной рукой подносит устройство к могиле Арчи. Если заявит, что ищет зарытые сокровища, это удивит ее куда меньше, чем следовало бы. С каждым днем ей все труднее понимать поведение мужа. Тревога гложет его мысли и изнашивает нервы. Том либо маниакально набрасывается на стены и полы в неистовом приступе трудолюбия, либо погружается в размышления и бормочет себе под нос. Или, что хуже всего, впадает в ярость из-за соседей.

Его паранойя озадачивает, смущает. Том недостаточно настроен на настоящее, чтобы разбираться с тем, что у него перед носом. Фиона борется за его осознанность, но в этом ее преследуют неудачи.

«Не уверена, что он мне все еще нравится». Мелькнувшую мысль она с шипением гасит.

Ей приходится напоминать себе, что он – отец Грейси. И копаться в гораздо более безопасных воспоминаниях об их знакомстве, чтобы напомнить себе, кто такой Том. Или кем он был до недавнего времени.

– Помогут папе! – Грейси бросается к задней двери и выбегает в сад. Она сжимает пластиковую лопатку, купленную во время единственного отпуска на

море, который они смогли себе позволить, пока копили на этот дом.

Не чувствуя в себе сил останавливать дочь или хотя бы заговорить, Фиона лишь наблюдает, как Грейси скачет через ямы и холмики туда, где перед деревьями хмурится ее отец.

Едва Грейси уходит из комнаты, Фиона, наконец, начинает плакать по себе.

* * *

Из темноты, которая сводит на нет мир за пределами кухни, пошатываясь, выходит Том, его сгорбленная фигура и бородатое лицо мрачны от того, что, возможно, является отчаянием. Налет дикости заостряет взгляд, который даже не ищет за столом Фиону.

Окутывая Тома, в едва теплую комнату врываются ароматы вскопанной почвы, влажной травы, вечернего холода, прижимающего сад и лес к земле. Ароматы, с которыми их семья никогда не сталкивалась в своей городской квартире. Ароматы, которые перемещают их дом к границе первозданного, к краю чего-то огромного и безжалостного, не ведающего об их нуждах.

Том скидывает рабочие ботинки и прислоняет металлоискатель к стене. У большой раковины его почерневшие доисторические руки дергают кухонный кран. Трубы гремят, затем содрогаются. Тонкая струйка воды, капли. На сушильной доске стоят немытыми миска из-под супа Фионы и чайная чашка Грейси.

Лицо Фионы обесцвечено экраном открытого на столе ноутбука. Возможно, она заглядывает в лучший дом из темноты за пределами этого яркого «окна». Рядом с ней стоит пустой бокал из-под вина. Неуместный тут пережиток утонченности. Остатки оставленного позади мира.

Фиона похожа на инсталляцию, выставленную здесь, в центре тусклой, холодной кухни с выгоревшими на солнце шкафами и покрытыми черными пятнами грибка и мушиного помета стенами. Старая раковина из семидесятых стремится подавить и погасить единственный проблеск современности, который олицетворяет светящийся экран. Фиона не поднимает взгляд и не здоровается с Томом.

- Что с водой?

- Это ты мне скажи. Так было, когда я пришла. Водопровод внизу полностью забит. Я не смогла приготовить чертов чай. Том, мы устроили палаточный лагерь в доме.

- Я сделаю пару звонков.

Том возвращается к задней двери, которую оставил открытой, скудное тепло уже высосало из комнаты. Он наклоняется и со злым, усталым ворчанием тащит пластиковый ящик по облупившемуся оранжевому линолеуму. Через прозрачные стенки контейнера, в котором до недавнего времени хранилась тщательно завернутая в газеты посуда, видны уложенные друг на друга, будто напольная плитка, свинцовые таблички. По пластиковым стенкам размазались влажная земля и ил.

- Все нашел.

Нотка удовлетворения, даже триумфа, в его словах провоцирует Фиону.

- Помимо испорченного сада, ты сегодня потратил четыреста фунтов. Магические услуги Блэкуда?

Том не встречается с ней взглядом.

- Знаю, это выглядит как безумие.

- Нет. Это реальное безумие.

- Он помогает мне. Объяснил, почему все идет не так. У нас. Здесь. Знаю, ты не хочешь этого слышать, но это... должно было всплыть. Это только начало.

- Чего?

- Процесса. Все должно измениться. Или... Он сказал... он сказал, что это таблички с проклятиями. Так вот, я не...

Фиона больше не может этого выносить. Ее голос дрожит, будто она вот-вот заплачет, и эта слабость лишь злит ее еще сильнее.

- Таблички с проклятиями? Вот что у тебя там? Он помогает нам, да? Тебе, мне и Грейси?

- Да.

- Ты упустил чертова сантехника. И ремонтника. Ты должен был быть здесь.

Они больше не придут! Я целую неделю их искала! Но полагаю, что вместо этого ты покупал металлоискатель?

- Это входит в сделку.

- В сделку! А новая крыша входит в те четыре сотни, которые ты отслюнявил?

Том поворачивается и тычет указательным пальцем в стену, отделяющую их от соседей.

- У нас не будет чертовой крыши, если их не остановить! Они убили Арчи. А гребаный забор? Теперь трейлер. И то, что Грейси видела в лесу. Гребаная лиса, прибитая к гребаному дереву. Раскрой глаза! А то, что я видел прошлой ночью, я... - Он притормаживает, заговаривает тише. - Ты должна выслушать, Фи. Это только кажется безумием. Я не потерял разум.

Фиона встает из-за стола и размашистым шагом выходит из комнаты, ее пальцы тщетно стараются удержать потоки слез.

- Но сегодня ты потерял кое-что другое.

Когда жена уходит, Том приваливается к кухонному столу и вытирает рот перепачканной рукой. Он смотрит на ящик с исписанными рунами и залепленными грязью свинцовыми табличками, затем переводит взгляд на стену, которая отделяет их от Мутов. «Так много».

Когда Том и Фиона смотрят на спящую Грейси, их поражает красота собственного ребенка. В ее разгладившемся личике они снова видят младенца, более юную малышку из тех времен, когда их тревога за ее безопасность была такой же яростной и слепой, как любое безумие. При виде спящей Грейси в Томе пробуждаются столь глубинные чувства, что их слишком тяжело выносить ежесекундно. Такое озарение или видение должно оставаться мимолетным, подобно проблеску божественного. Но сегодня, когда никто из родителей не смотрит, маленькое личико Грейси встревожено и покрыто капельками пота.

Этой ночью ей снится странный сон. Она в полной тишине обходит задом наперед поросший травой холм на лесной поляне. Идет круг за кругом, пока, по приказу или под управлением чужой воли, как это бывает во сне, не останавливается у алтарного камня.

Цветочный веночек украшает менгир, по обветренным сторонам грубой колонны стекает кровь. На вершине алтаря в каменной чаше среди цветов лежит любимый Уоддлс. Он разорван, белая волокнистая набивка окрашена в алый цвет. Одинокий пластиковый глаз смотрит в небо, но ничего не видит. Второго глаза нет.

– Он со свиньей, Грейси, – говорит мама, которую Грейси не видит, но знает, что та поблизости среди леса, под тяжелым пологом которого скрывается ночь. А здесь, в круге молодых деревьев, воздух подсвечен золотой пылью. Под ногами Грейси, под травой и под землей бурлит быстрый поток, и ей кажется, что она наклоняется вперед и одновременно вот-вот упадет в небо.

– Арчи тоже здесь. Пойдем? – спрашивает мама.

Ошеломляющее осознание яркости цветов, поразительной четкости и детальности каждого листочка и травинки начинает выталкивать Грейси из сна.

Извиваясь, сопротивляясь силе, которая пригвоздила ее ноги к земле перед пропитанным кровью камнем, Грейси наконец прорывается сквозь мембрану сна. Ясность, которая не доступна ее глазам в реальном мире, внезапно тускнеет.

И Грейси просыпается в своей розовой комнате, которую мягко освещает ночник в виде совы на комод. Влажные волосы прилипли к щекам, лоб холодный и липкий, как мокрая фланель. Грейси резко садится в постели.

– Мы можем спуститься все вместе. – Снова мамин голос из сна, который Грейси все еще слышит. Мама прямо за дверью комнаты.

– Мамочка.

Свесив с кровати маленькие ножки, Грейси обводит взглядом грязные тени вонючего старого дома. Но не видит никаких признаков мамы, поэтому убегает из комнаты с леденцовыми стенами в неосвещенную пещеру лестничной площадки. В руке у нее болтается очередной новый Уоддлс.

Грейси влетает в спальню мамы и папы, где между спящими родителями целая пропасть. Темная голова каждого покоится на противоположном краю матраса.

– Мамочка, – зовет Грейси. Мама крепко спит, что сбивает девочку с толку, ведь она точно слышала ее голос.

Озадаченная, Грейси подбегает к изножью кровати и приподнимает одеяло посередине. Уже собирается проползти по этому туннелю и забраться между родителями, когда ее внимание привлекает красный свет, мерцающий на незанавешенных окнах спальни.

Ночь снаружи окрашена не в черный, а в красный цвет. Грейси никогда не видела такого неба. Окно открыто, и алый свет льется струями, будто сквозь витраж в церкви.

Зачарованная девочка подходит к папиной стороне кровати и смотрит на омытую кровью луну. Там, где расступаются облака, видно карминовое небо и мерцающие рубины звезд. Внизу лес скрыт тенью, земля черна, словно по ней прошелся огромный пожар.

И из темноты выходит бледный гость.

Нечеткое, но белое существо похоже на тощую даму с темной шишковатой головой. Она показывает грудь и выглядит так, словно упала в холодный костер и каталась в золе, чтобы стать похожей на привидение. Дама встает на одну ногу и указывает на окно спальни.

Что-то взмывает прямо в воздух из-за спины дамы – быстрое, как белка, но размером с человека. Хотя это не может быть человеком, потому что над бугристым силуэтом головы развеваются длинные уши.

Спрыгнув с деревьев и быстро пролетев над садом, эта штука опускается рядом с домом. Грейси видит только падающую темную фигуру. Она не хочет знать, что происходит так близко с домом. И отходит от окна, но не настолько далеко, чтобы не услышать глухой удар.

Грейси поворачивается, собираясь забраться в постель к маме с папой, но снова оказывается внутри сна и может двигаться только очень медленно, словно ее ступни и лодыжки утопают в песке. Из ночи и из дома исчезают все звуки. Наверное, на это похожа глухота.

Из комнаты, к которой поворачивается Грейси, тоже все исчезло.

Кровати нет. Нет ни родителей, ни мебели, ни халатов на внутренней стороне двери. На лампе нет нового абажура. Стены оклеены старыми желтыми обоями, а на полу пыльные доски без коврика. Грейси в своем доме, но в другое время, и она начинает плакать из-за исчезновения родителей, отчего на сердце такой холод, что даже больно, а дыхание прерывается.

Грейси может только закрыть глаза и прикрыть их новым Уоддлсом, и, возможно, снова посмотрев по сторонам, она будет не во сне.

Когда она открывает глаза, из пустой тишины дома вырывается множество скрипов и шорохов, которые обычно ее не тревожили.

Грейси подпрыгивает.

Ее родители снова в комнате. Лежат в кровати. С места не сдвинулись. Грейси слышит их дыхание.

Она не удерживается и бросает взгляд на окно, ведь в ее полусне там было что-то странное, а небо выглядело красным и неправильным.

Сейчас оно черное, как и положено глубокой ночью. Но через окно доносится шум – скрежет по кирпичной кладке, словно что-то карабкается вверх по стене.

Грейси поднимает над головой одеяло в изножье, будто это волна, которая вот-вот обрушится, и проскальзывает под него. Хватаясь за простыню, она пробирается вперед, пока неподвижные тела мамы и папы не одаряют ее теплом и успокоительной надежностью. Ее голова оказывается на подушках между ничего не замечающими родителями, взгляд ощупывает темноту.

От открытого окна доносится глухой удар – на пол комнаты падает незванный гость.

В жесткой тишине дома кто-то присоединяется к маме, папе и ней самой. От страха Грейси не может вздохнуть. Крепко зажмуривается. Закрывает лицо Уоддлсом.

И тут раздаются шорох и шлепки ползущего по полу визитера. Затем на миг наступает тишина, когда он останавливается, чтобы понаблюдать за хозяевами и внушить свой образ – кого-то притаившегося и ждущего.

Грейси подтягивает ноги, прижимает их к попе. Все ее тело ниже подбородка пытается превратиться в онемевшее, тихое пространство, которое не издаст ни звука и не привлечет то, что лежит на полу.

Ужасную тишину нарушает цоканье, и Грейси вспоминает, как няня возилась со спицами, завязывая крошечные сложные петли, которые превращались в шапку и шарф. Цок-цок передвигается по изножью кровати, Грейси не может оторвать взгляд от одеяла, ей хочется закричать, чтобы папа проснулся и сразился с монстром и ведьмой в саду, пока они с мамой будут ждать в машине.

В окна не проникает свет, потому что за городом очень темно, и сюда дотягивается только туманное пятно от ночника в соседней комнате. Грейси ничего не видит ни с папиной стороны кровати, ни в изножье, ни со стороны мамы у открытой двери.

Цок-цок, цок-цок, цок, цок, цок. Снова раздается звук спиц, но на этот раз над кроватью.

С потолка!

Широко распахнутые глаза Грейси пересыхают даже под веками. Она не хочет смотреть вверх, но смотрит, потому что понимает одну вещь – хочет она, чтобы что-то произошло, или нет, это вообще неважно.

То, что тянется вниз, больше похоже на пятно, чем на фигуру, но Грейси уверена, что оно свисает с потолка вниз головой, как ужасная гигантская летучая

мышь. Белесое тело и бугристая голова выделяются на фоне стены. Рваные уши размером с папину крикетную битку, член как рог и острые клыки. Даже самого слабого света достаточно, чтобы разглядеть по обе стороны узкого черепа глаза ржавого, желтоватого цвета.

Грейси уверена, что у нее сейчас остановится сердце.

Цок-цок вязальных спиц прерывается над ее головой. Когда же по обе стороны лица становятся видны две мохнатые лапы, Грейси опускает подбородок и втягивает воздух для крика. Но он застревает глубоко в горле. Тощие, как у собаки, передние лапы покрыты шерстью и пахнут мокрым цементом контактного зоопарка. Белые когти цокают-цокают. Одна лапа сжимает потерянного Уоддлса, которого Грейси видела во сне. Пингвин ранен и истекает кровью. Его глаз исчез.

Грейси сжимается под одеялом.

И КРИЧИТ.

КРИЧИТ.

КРИЧИТ.

* * *

В то самое время, когда Том и Фиона садятся в постели, по подоконнику скользит гибкая тень, привлекая внимание ошеломленного Тома. Тень исчезает прежде, чем он успевает прищуриться. В темноте они и Фиона находят друг друга.

- Грейси? - спрашивает Том.

Фиона перебирает предметы на прикроватной тумбочке. Стакан с водой ударяется и подпрыгивает по деревянным доскам. Смартфон с грохотом падает на пол. Щелчок выключателя, и свет лампы пронзает торжественную, плотную темноту.

Том пристально смотрит на Фиону, не в силах прийти в себя от шока и своих расплывчатых вопросов, которым не находится слов. Фиона отвечает ему тем же. Затем, словно привлеченные крошечным аварийным маяком, они хором переводят взгляд на комок под одеялом. Том приподнимает край.

Оттуда выглядывает бледное лицо Грейси, ее глаза распахнуты от ужаса, такого выражения лица у своей дочки они никогда не видели.

Дезориентированные резким пробуждением, они лишь таращатся на малышку, пока та не разрушает чары.

- Ведьма. Чудище на потолке. Уоддлс раненый.

Том скатывается с постели, а Фиона берет Грейси на руки и крепко прижимает к себе. Девочка тут же начинает рыдать на груди у мамы, изо всех сил цепляясь за ее ночную рубашку.

Том выглядывает в открытое окно. Сад пуст. Он закрывает окно и пятится из комнаты, глядя на общую с Мутами стену. Выйдя в коридор, Том проводит пальцами по лицу, стирая остатки сна. Затем нащупывает выключатель и, спотыкаясь, на онемевших ногах добирается до комнаты Грейси. Включает свет и подбегает к окну. Положив руки на подоконник, выглядывает между занавесками.

Палисадник так же пустынен, как и задний двор, но силуэт вульгарного трейлера виднеется отчетливым гнетущим пятном. Территориальный маркер. Баррикада. Сзади - лес, спереди - грязный автомобиль. С одной из сторон ухоженный сад. Муты действительно вторглись. Прорвавшись через слабую оборону, и теперь внутри крепости, в самом доме.

«Наверняка они. Мы загнаны в угол».

Том отрывает руку от подоконника и разглядывает покрытую пылью ладонь. Затем трет шершавые кончики пальцев друг о друга.

* * *

Он вглядывается в чернильный воздух и не видит почти ничего, кроме очертаний двух домов. Ночи в такой дали от всего на свете не запятнаны светом фонарей, и ни один лучик не проникает из дома Мутов. Ни единого движения. Тишина делает темноту гуще. Единственный звук исходит от далекого леса, который трепещет на ветру.

Блэквуду нужна пыль из собственности колдунов. Боеприпасы для магической битвы, которая уже бушует.

Темперамент завел Тома очень далеко, он чувствует приливную волну, вызванную полнолунием, его страхом и отвращением к тому, что располагается по соседству. Но теперь, в одиночестве среди крошечной тьмы, его внутренности сжимают дурные предчувствия.

«Что-то... там что-то было. В нашей комнате. Кошка?»

Предположение о том, что Муты теперь проникают не только в головы, но и в дом и, возможно, превращаются в жутких персонажей, которых он видел в роще, слишком ужасно, чтобы на нем останавливаться. Хотя мысль о том, что незваный гость может оказаться посущественней маленького животного, становится тем абсурдней, чем дольше Том бодрствует. Окно было открыто, но взобраться на двадцатифутовую высоту по гладкой кирпичной стене, несомненно, за пределами возможностей соседей. И за пределами возможностей тех *созданий*, в которые они *думают*, что превращаются.

И все же Том не сомневается, что соседи как-то пробрались в дом. А если их злобное влияние действительно способно простираться так далеко, причем физически, то почему этой ночью жертвой не стал он? Потому что в этот раз целью была малышка Грейси. Муты рассчитывали навредить самым гнусным образом – через ребенка. Эскалация доводит Тома до паники.

Ему остается молиться, чтобы все, пережитое им и Грейси, оказалось лишь «адскими видениями», которые предсказывал Блэквуд. Но разве не у него на глазах двое пожилых людей носились по лесу, как животные, в погоне за добычей? Один, кажется, даже сидел на дереве и наблюдал за происходящим внизу. «Невозможно. Видение? Конечно. Пожалуйста, пусть это будет видение».

Секунду Том верит в одно, но уже в следующую его одолевают сомнения. Мысль о соседях, обладающих сверхъестественными способностями, слишком трудно принять. И все же...

Убедившись, что на таком расстоянии от домов его никто не увидит, а живая изгородь обеспечивает дополнительное укрытие, Том снова обращает внимание на трейлер. Вдыхает старые запахи: ржавчины, мокрого металла, всепроникающую вонь машинного масла.

Он просовывает кончик отвертки между ржавым замком и дверцей из листового металла, и тот проходит насквозь. Используя отвертку как рычаг, Том всем весом наваливается на рукоятку. Раздается холодный металлический щелчок.

И дверца со скрипом приоткрывается.

Том прячет отвертку в карман куртки. Светит фонариком под ноги. Затаив дыхание, осторожно открывает скрипучую дверцу. Переходит из ночной прохлады в новый мрак, наполненный резкими запахами отсыревшей ткани и заплесневелого линолеума. Осторожно тянет дверцу на себя и закрывается внутри трейлера.

Под его весом машина скрипит и сдвигается. Том дергает ногами и, паникуя, начинает чаще дышать. Поворачивается, и его колено на что-то натывается, раздается глухой стук.

– Черт.

Вскоре луч фонарика освещает блеклый интерьер. Винтажный трейлер, не менявшийся десятилетиями: выгоревшие на солнце ламинированные поверхности, шкафчики и выдвижные ящики. Старая эмалированная плитка. Крохотные, будто игрушечные, раковина и краны. Ярко-оранжевые занавески, натянутые на белые эластичные направляющие, закрывают окна, больше похожие на иллюминаторы, и создают уединение, которое скорее напоминает погребение.

Приветствуя вторжение, из раковины вырывается поток нечистот, а когда Том добирается до клетчатой занавески, отделяющей кухню от того, что должно быть комнатой, вонь сгнившего мусора заставляет его дышать только ртом.

Один рывок, и занавеска с пронзительным звуком пролетает по пластиковым направляющим.

– Твою мать! Черт. Чтоб тебя.

Луч фонарика утыкается в то, что свисает с потолка. Том отступает, рассеянный свет падает ему под ноги.

Большая часть салона скрыта силуэтом повешенной фигуры. В футах от пола парят обутое в сапоги ноги.

Том снова поднимает фонарик, и пыльные тени отступают от того ужаса,

который занимает почти все душное пространство. На фоне оранжево-коричневой обивки широко раскинутые руки фигуры выглядят так, будто ее сначала распяли, а уже потом повесили. Забрызганные краской ботинки высовываются из синих штанин комбинезона. Такой надел бы механик в гараже, чтобы копаться в открытом капоте.

Луч фонарика поднимается выше. Преодолевая отвращение, Том находит в себе силы, чтобы посмотреть на лицо – там, под потолком, где фигура подвешена за шею.

– Боже милостивый.

Если на темной шарообразной голове и было лицо, то его гримаса скрыта пыльной решеткой из согнутых и сплетенных прутьев. Глядя на нее, слишком легко вообразить, что видишь оскаленные зубы и слышишь булькающие звуки, которые когда-то вырывались из пережатого горла.

Возможно, из-за шока, но Тому кажется, что пол уходит у него из-под ног. Словно он на борту маленького суденышка, брошенного в грязном устье какой-то реки, а с переборки свисает капитан.

Белый электрический провод завязан узлом под бесформенным подбородком подвешенной фигуры. Удавка так сдавливает шею, что плетеная голова кренится на сторону. Между испачканной манжетой одного рукава и защитной перчаткой видна сеть сплетенных прутьев, напоминающая тонкие кости, сухожилия и вены запястья, с которого сняли кожу.

Манекен. Человеческий манекен с головой и руками из веток ивы или боярышника. На шее затянута петля.

«Зачем? – спрашивает Том. – Зачем, зачем, зачем?» Но он знает ответ, и от этого ответа его желудок почти выворачивает наизнанку, точно мешок. Maleficium. Часть заклинания. Умысел и чары. Это не просто чучело в ветхом трейлере. Фигуру создали, чтобы заставить проклятого совершить карикатурно изображенное действие. Вот как его соседи избавились от бывшего владельца дома. Они превратили автомобиль для отдыха в морилку. В ловушку, которой Муты избавляются от «вредителей».

«А ты срубил их чертовы деревья. Этот человек такого не делал. Для тебя они...»

Не желая прикоснуться к подвешенной жуткой корзине в человеческий рост, Том обходит ее. Но задевает один ботинок, и фигура начинает раскачиваться, издавая неприятный скрип.

Поддавив дрожь, Том проходит мимо плетеного человека в жилую зону, которая задыхается от имитирующих дерево панелей, желтоватых занавесок, клетчатой обивки скамеек, раскладного стола размером с гладильную доску.

За этим столом еще трое обитателей, от которых у Тома перехватывает дыхание. Три плетеные фигуры должны изображать семью. Двое взрослых и маленький ребенок, чьи конечности и головы сделаны из прутьев, одеты как те, кому суждено сгореть в пожаре.

– О боже.

Луч фонарика скользит по «маме», у нее на голове парик из нарезанных тряпок, в котором очень легко узнать прическу Фионы. Напротив сидит бородатый «папа», волосы на его лице сделаны из старой малярной кисти. Маленькая девочка с конским хвостом, искусно сплетенным из соломы и перевязанным красной лентой, наклоняется к своему отцу.

На столе, между их руками-палками – чахлыми конечностями без пальцев, – стоит ваза. Банка, наполненная срезанными цветами – красными цветами, которые притягивают к себе безмятежные деревянные лица, будто все в этой семье молча приняли свою судьбу.

Том с отвращением отворачивается от зловещей картины и, чтобы удержаться на ногах, опирается на ближайшую горизонтальную поверхность. Покрытую слоем пыли. И она напоминает Тому о цели его появления здесь.

* * *

Из дверей спальни Том окликает Фиону. Он понимает, что глаза у него дикие, но не может это исправить. Да и почему бы ему это делать? Когда Фиона увидит,

что там вокруг шаткого столика в трейлере, ему, возможно, придется поддержать жену и не дать ей упасть.

- Фи, пойдем со мной.

Фиона гладит Грейси по волосам, пытаясь успокоить перепуганную малышку. Поднимает на мужа хмурый взгляд. Она все еще сбита с толку вспышкой эмоций у дочери и теперь раздражена тем, что Том прервал ее размышления.

- Ты должна это увидеть. Прямо сейчас.

Минуту спустя на улице в холоде Том передает Фионе фонарик. Затем пальцем распахивает дверь трейлера, панель над сломанным замком отгибается.

- Иди и взгляни. Тогда и скажешь: параноик я или нет.

Фиона берет фонарик. Сейчас она войдет в трейлер и увидит, что взбесило Тома. Пока она достаточно взволнована и встревожена его напряженным взглядом, чтобы подыграть. Укутавшись в халат, в рабочих ботинках Тома, которые быстренько надела и даже не зашнуровала, Фиона поднимается по лесенке и входит в фургон. Луч фонарика вырисовывает перед ней белые круги на деревянных панелях, дверях, грязном линолеуме.

Том наблюдает, как Фиону проглатывает грязная коробка, которую соседи бросили возле их дома.

- Соберись с духом.

- Возвращайся в дом. С Грейси должен кто-то быть.

Распоряжение доносится из глубины трейлера, перекрывая ее неуверенное шарканье. Фиона спотыкается, луч фонарика утыкается в ближайшую занавеску, и окно на мгновение вспыхивает оранжевым, а затем гаснет. За спиной Тома доносятся далекие крики Грейси: «Мамочка!» Скоро будут и слезы. Том прикусывает губу. Через мгновение он к ней подойдет.

Фиона выныривает из узкого дверного проема:

- Дерьмовая дыра. Но что я ищу?

- Что? - Том выхватывает у нее фонарик и протискивается мимо, пока жена спускается.

Внутри пустого трейлера все так же, как было несколько минут назад, за исключением четырех фигур из прутьев.

Том осматривает все дважды, оборачивается, и от досады ему хочется что-нибудь разбить. Он выбегает из тесного салона, машина раскачивается и скрипит в знак протеста. Пока Том выбирается наружу, Фиона уже торопится к дому, ее влекут настойчивые и полные страдания крики дочери.

- Они их забрали, - бессильно произносит Том, уже сомневаясь и в собственных выводах, и в недавних воспоминаниях. Сбитый с толку, он вынашивает новые идеи, нелепые в любой другой ситуации, - о колдовстве, заставляющем людей видеть то, чего никогда не было.

Фиона слышит его слова и останавливается на покосившемся крыльце.

- Что забрали?

- Нас. И парня, который покончил с собой. Наши чучела. Сплетенные из прутьев. Они только что были там! Мы были там!

Фиона не двигается. Просто смотрит на Тома. Он может разглядеть бледное пятно ее лица, но не в силах прочитать выражение на нем. Рискует понадеяться, что жена воспринимает его всерьез. Но когда Фиона прикрывает рот рукой, как делают люди, стараясь подавить виноватый смех или скрыть горе, Том понимает, что убедил ее в чем-то совсем другом.

Фиона выпрямляется и опускает руку. По-прежнему смотрит на него. Это Том может различить.

- Том. Это должно прекратиться. Сейчас. Немедленно. Или... или...

Ее отчаяние возвращается и обрывает ультиматум. Том слышит всхлипы, эти жалобные звуки душевной боли ранят его сердце.

Фиона поворачивается и, опустив голову, торопится в дом. Том может лишь смотреть, как она уходит. Ему известно, что за мысли в голове у жены. Она больше не узнает мужчину, за которого вышла замуж, своего друга и любовника на протяжении восемнадцати лет. Вместо отца ее единственного ребенка подсунули этого взрослого подменюша. Зрелого мужчину, который платит магу из общих сбережений за снятие проклятия. Человека, руки и ноги которого покрыты глубокими царапинами, который прошлой ночью спилил бензопилой деревья своих соседей.

Состав несущихся под откос мыслей и надежд набирает обороты, пока кое-что не бросается Тому в глаза. На соседней крыше.

Силуэты на фоне освещенного луной неба: четыре черные фигуры сидят в ряд на коньке. Даже на расстоянии в глаза сразу бросаются округлое тело и похожая на шар голова висельника из трейлера. Рядом с самоубийцей расположились три более стройные фигуры с угловатыми очертаниями и буквально деревянные. Тому виден конский хвост у голема Грейси, выступающая борода его собственного двойника, копна волос куклы Фионы. Все три члена плетеной семьи, искусно созданные, но в то же время неподатливые, смотрят на Тома сверху незрячими глазами.

Вскоре из-за спин людей-деревяшек появляется вытянутая фигура. Сначала показывается длинноухая, деформированная голова зайца. Тощая верхняя часть тела медленно расширяется. Становятся видны мощные бедра, которые сужаются к тонким голеним. Существо поворачивает потрепанное лицо в сторону Тома.

Тот застывает на месте, пока страх превратиться во что-то вроде полевки, трясущейся перед золотыми глазами ястреба, не выводит его из оцепенения. Он бросается к открытой двери своего дома.

Грейси изучает измученное заботами лицо своего отца. То самое лицо, которое поразило даже Тома, когда он увидел его утром: поцарапанный лоб, нестриженная борода, бегающие, беспокойные глаза. Он, спотыкаясь, зашел в покрытую плесенью ванную, чтобы отлить, и увидел свое отражение в зеркале прислоненного к стене нового шкафчика.

На Томе все те же мятые вещи, которые он надел позапрошлой ночью. В этой одежде он прорывался сквозь кустарник и колючие заросли темного леса, ослепленный паникой перелезал через забор и полз по земле, измученный и изрезанный до крови. Но его маленькая девочка по-прежнему видит в этом изможденном мужчине того, кем он на самом деле является, – своего папу. Том понимает это и с неохотой выпускает Грейси из крепких объятий.

К восходу солнца худшую из ее ночных травм, похоже, смягчило время, проведенное в постели мамы и папы. Том восхищается стойкостью малышки.

А судя по опущенным глазам жены, которая не встречается с ним взглядом, как бы ни старался Том привлечь ее внимание, Фиона тоже страшно устала, даже старательный макияж это едва скрывает. Том сомневается, что она вообще спала. И дом, и он сам причиняют зло.

Повернувшись к Тому спиной, она засовывает коробку для завтрака в ранец Грейси. Следом отправляется бутылка с напитком, гнев ускоряет движения Фионы. После возвращения из трейлера Том видел только затылок жены, она отвернулась от него в постели, но не расслабилась даже во сне. Мольбы и объяснения, которые шептал ей Том, разбивались о стену немого безразличия, пока он и сам не погрузился в молчание.

Фиона хватает свой телефон, ключи от машины, сумочку. Поймав взгляд Грейси, она кивает на дверь.

– Грейси.

– Фи.

Фиона, делая вид, что его нет, с шумом выходит из комнаты, ее шпильки с острыми носками стучат по половицам в холле. Входная дверь распахивается, изменяя давление воздуха внутри дома; следы домашнего уюта истончаются, рассеиваются, заменяются землистыми запахами внешнего мира. Которые вызывают у Тома беспокойство.

Грейси с настороженным лицом следит за напряжением между родителями. Вопросительно смотрит на отца, который улыбается и кивает в сторону двери.

– Иди, орешек. Папа тебя любит.

Грейси выбегает из комнаты, и мгновение спустя входная дверь с силой захлопывается, грохот отдается эхом, пока не опускается тишина и не окутывает пустой дом. Том вдыхает стойкий аромат духов Фионы и закрывает глаза.

С той же смесью недоверия и восхищения, с которыми он наблюдал за Блэквудом накануне, Том возобновил свое бдение к полудню. На этот раз он сидит на полу «святилища», прислонившись спиной к стене. Даже с такого расстояния заметно, что у Блэквуда, который бродит среди старых книг, разбросанных внутри защитного круга, десны в ужасном состоянии и дышит мужчина тяжело, словно сексуальный маньяк.

Наконец практикующий маг вставляет в глазную впадину ювелирную лупу, взмахивает всклоченной седой головой и зависает над свинцовой табличкой. Ведет взглядом слева направо, смахивая перхоть с воротника и волос.

– Вот. Я перевел это прошлой ночью. С помощью этого заклинания римская знать доводила соперников до самоубийства.

Внутри комнаты-святилища кое-что изменилось. Со времени первого визита Тома были сделаны новые приготовления и приняты дополнительные меры предосторожности. Перед кругом Блэквуда расстелена большая черная простыня, похожая на темный дверной проем в полу, по ткани рассыпаны травы. Окружая простыню, на полу аккуратно нарисован второй защитный круг. Внутри нового круга мелом начертаны символы. Все это мало значит для Тома, хотя он предполагает, что в мире Блэквуда кропотливый подход к охране святилища мага – это ответная реакция на общение с опаснейшими магическими предметами. Свинцовые таблички с проклятиями теперь в карантине.

Лицо Блэквуда опускается чуть ниже над второй табличкой.

– Она заняла у меня некоторое время. Почти все утро. Это халдейский язык. Здесь зашифровано намерение разделить на части дом. Семью, если вам так яснее. Надеюсь, мы отыскали ее вовремя. – Блэквуд переходит к третьей табличке. – Этот язык мне даже не пришлось искать. Видел дважды в Уилтшире. И один раз в Девоне. Адские видения. – Блэквуд откидывается назад и опирается на колени, морщась от боли, пронзающей из-за перенапряжения старые суставы. – У вас такие были?

Том кивает.

– Я уже и не знаю, что реально. Прошлой ночью мне...

Блэквуд продолжает в раздражающей манере не дослушивать ответы Тома:

– Я все еще перевожу остальные. Они очень старые. Требуют времени. Мой греческий уже не такой, как раньше. Но все они свидетельствуют о силе, которой обладают Муты. И можно с уверенностью сказать, что у вас полный набор. Давайте начнем очищение.

Накануне визита Тома на загроможденном письменном столе Блэквуда в гостиной освободилось место, возможно, впервые за многие годы. Старик осторожно высыпает собранную в трейлере пыль из пакета для морозилки на полоску бумаги, покрытую письменами. «Латынь», – догадывается Том. Высыпав пыль, Блэквуд отступает. Огромный глаз в линзе лупы моргает Тому.

– Теперь съешьте это.

– Что?

– Это снимающее проклятие заклинание из еврейского культа Яхве. Одиннадцатого века. Нужно съесть пыль из помещения колдуна и священный текст. Начинайте. Вы понапрасну тратите время, которого у вас нет.

Том смотрит на бумажку с пылью, затем переводит взгляд на Блэквуда, надеясь увидеть проблеск веселья, какой-нибудь признак того, что это шутка. Старик лишь глубокомысленно кивает.

Том осторожно берет бумажку и засовывает ее между своими губами. Рот наполняет песок и привкус плесени.

Блэквуд пристально наблюдает за гостем.

– Давайте. Все до конца. Проглатывайте.

* * *

– Я приготовил их прошлой ночью. – Блэквуд открывает одну из двух картонных

коробок на своем кухонном столе, в ней когда-то хранились упаковки чипсов в супермаркете. Продолжая пережевывать бумагу с пылью из трейлера, Том заглядывает через поднятые боковые клапаны.

Дно коробки заполнено коллекцией глиняных мисок, тщательно упакованных в пенопласт. На верхних чашах начертаны старательно раскрашенные символы.

Том проглатывает комок во рту. Озадаченно смотрит на Блэквуда, надеясь на объяснение, которое тот только и ждет дать.

- Закопайте каждую в ямке, где лежали скрижали проклятий. По одной чаше на каждую ямку. Проследите, что ни одну не пропустили. Чары должны оставаться внутри. Вынимать их нельзя.

Том кивает, затем смотрит на четыре креста из деревянных планок, сложенных аккуратной стопкой рядом с первой коробкой. Поперечные перекладины примотаны бечевкой, а на лицевой стороне нарисован символ солнца.

За крестами - вторая коробка с бутылками молока, банками меда, буханкой черного деревенского хлеба, серебряной фляжкой. Том проводит над ней рукой.

- Не нужно было ради меня ходить по магазинам.

- Вам следует совершить обряд. Нечто такое, что когда-то проводилось в святилище или священной роще.

- Я графический дизайнер, а не чертов друид.

- С этим справится любой идиот. Я покажу, как это делается. Но должна быть осознанность намерения. Вы должны верить в защитную силу обряда.

Слишком уставший, чтобы оскорбиться, Том смиряется и вымученно кивает в знак признательности.

- Ловлю себя на том, что верю во многое, во что не верил несколько дней назад. И если это не даст им проникать в дом, то я попробую все что угодно.

- В дом?

- И видеть, как они меняются. Это было адское зрелище. Это из-за проклятия? Проклятие заставляет меня видеть их такими?

Блэквуд быстро поворачивается, вцепляется Тому в плечи. Его хватка сжимается, точно деревянные тиски.

- Что вы сказали? Вы видели, как они преобразуются?

- В лесу. На той поляне. Была крошечная ночь, но они точно что-то сделали. Стали чем-то другим.

- Вы действительно видели, как они изменились?

- Я пытался рассказать вам...

- Что именно вы видели?

- Свинью. Медведь была похожа на свинью. Маги, кажется, на зайца.

Блэквуд бледнеет и отодвигается от Тома, словно от заразы.

- Они были в масках. Но я не могу понять, как им удается так быстро двигаться. То есть в их возрасте...

Ноги у Блэквуда слабеют, он тяжело опускается на табурет. Дрожащей рукой шарит по столу.

- Почему вы не... Неужели они...

- Что?

- В измененном виде проникли в ваш дом?

- Так сказала моя дочка. Прошлой ночью. Один из них... Думаю, это случилось в нашей чертовой комнате. Дочка говорит, что уже видела это. В лесу. А пока я собирал в трейлере пыль, кто-то был на их чертовой крыше. Заяц. Следил за мной. Моя жена не хочет больше слышать об этом.

Блэквуд опускает веки. Шумно вздыхает через заросшие седыми волосами широкие ноздри.

- Все гораздо хуже, чем я себе представлял.

- Что за хрень? Что вы имеете в виду?

Блэквуд открывает глаза и глядит на Тома взглядом врача на неизлечимо больного пациента, который так и не понял причину своего дискомфорта.

- Они не остановились на скрижалях проклятий. Вот как им это удалось! Будут и другие заговоренные предметы. В вашем доме. Метки. Шлюзы. Их тоже нужно найти. Все до единого.

Том смотрит на коробки и кресты, его скудные надежды сдуваются, словно шина, из которой выходит воздух. «Когда же это прекратится?» Он плюхается на соседний табурет, который проседает под ним, три разболтавшиеся ножки

разъезжаются.

- Осторожно, этот стул – смертельная ловушка.

Том аккуратно поднимается.

Блэквуд хлопает ладонью по столу.

- Должно быть, Муты расставляли свои артефакты в паузах между владельцами. У них было достаточно времени, чтобы усовершенствовать свои методы. Навести чары и подготовить муки для новых обитателей. Дьяволы! Я скажу вам, где искать.

От этого всего Том закрывает глаза. За пределами личной тьмы назначенный им пастырь, хранитель его семьи, выступает с энтузиазмом, который выглядит неуместным.

- Нам нужно построить бастион! Укрепление. На участке. Внутри дома. Усилить все! Или они доберутся до вас там, где вы спите. Не ошибитесь!

Фиона едва ли замечает рядом с собой маленькую фигурку Грейси, которая подпрыгивает на цыпочках, пытаясь взглянуть поверх кухонной стойки в окно на то, что поразило ее мать. К тому же Фиона не помнит, когда успела прижать к щекам растопыренные веером пальцы. Эту позу она приберегает для беспокойных времен. И на миг вспоминает собственную мать, которая при шокирующих новостях закрывала лицо руками. Главный жест детства. Привычка, передавшаяся по наследству с той же легкостью, как и цвет глаз.

Но Фиона не хочет быть той матерью, которая стремительно втягивает воздух, словно кричит наоборот, и прижимает руки к лицу, сталкиваясь с несчастьем, реальным, воображаемым или предполагаемым. Однако вот она именно так и поступает. Фиона моргает, глаза у нее сухие и полные песка.

В дальнем конце их разгромленного сада Том, насколько она понимает, выливает очередную банку жидкого меда в нечто вроде глиняной миски. В посуду, какой она раньше не видела. Том ставит эту емкость рядом с одной из ям, которые проделал в их газоне накануне. Откапывая свинцовые плитки, найденные с помощью одолженного металлоискателя.

Это последнее, что ей хотелось бы видеть после тяжелого рабочего дня, поездки за Грейси в плотном потоке машин и долгой дороги домой. Сегодняшний спектакль приводит ее в ужас. Прошлым вечером и ночью поведение Тома озадачило и расстроило ее. Теперь же она ошеломлена и ранена, возможно смертельно. Несмотря на множество предупреждений, которые не могли не тронуть Тома – ведь она видела боль в его глазах, – он продолжает все это, чем бы оно ни было.

Том бросает банку с медом в картонную коробку у своих ног. Достает из той же коробки двухлитровую пластиковую бутылку жирного молока. Наливает его в миску. Бутылка почти пуста, и Фиона предполагает, что остальное молоко было разделено между прочими ямами, разбросанными по саду.

Словно добавляя щепотку соли в суп, Том постукивает по серебряной фляжке, и в миску летят серебристые брызги воды. Опустившись на колени, он осторожно помещает наполненную до краев чашу в отверстие.

Дело не только в том, что муж игнорирует ее просьбу отказаться от своего безумного, параноидального поведения – безрассудства, которое обходится им в небольшое состояние, – ее гнев подпитывает уже то, что Том считает их проклятыми. Словно обманутый каким-то сумасшедшим евангелистом, он теперь вынужден верить, что магия и сверхъестественное – реальные и вездесущие силы жизни. И это в его возрасте. После множества доказательств своей невосприимчивости к подобным заблуждениям. Но такое расстройство сейчас непростительно, им нужно, чтобы Том оставался крепким и незыблемым, как каменный столб, не давая рухнуть их совместной жизни. Жизни, которую он изменил до неузнаваемости, настояв на покупке разрушенного дома на краю нигде. Дома, заброшенного с тех пор, как последний владелец покончил с собой прямо у входной двери.

– Папа ведет себя глупо! – Грейси срывается с места и направляется к двери черного хода, намереваясь расследовать последние выходы своего отца в глубине сада.

Фиона отшатывается от стойки и хватает дочь за руку. Та поворачивается, ее улыбка тает от выражения лица матери и шока столь внезапного захвата. С такой силой рука мамы вцепляется в нее, лишь когда они собираются пересечь оживленную дорогу. А вот взгляда такого Грейси прежде не видела.

– Ты не пойдешь туда.

В кои-то веки дочка не спорит.

Фиона снова пристально вглядывается в сад, где Том огибает яму, двигаясь задом наперед. Его губы шевелятся, произнося то, чего она не может услышать. Том читает с зажатого в грязных пальцах листка бумаги.

После третьего круга он опускается на землю. Ложится над дырой лицом вниз, его раскинутые конечности образуют звезду.

Пока Том неподвижно лежит, Фиона замечает в углах дальней части сада два

деревянных креста. Они напоминают метки, установленные глубоко в пограничных могилах, и расположены выше распятия на месте упокоения их мертвого щенка.

* * *

Фиона слышит, как Том выходит из темноты и отряхивает ботинки. Заднюю дверь приходится закрывать с усилием – дерево разбухло. Нужно стукнуть три раза, и третий должен быть достаточно сильным, но не настолько, чтобы вылетело хлипкое стекло. Как и со многими другими особенностями дома, их поведение сдерживают небольшие компромиссы. Есть половицы, на которые нельзя наступать; окна, слишком тугие, чтобы их открывать; поверхности, которые не выдержат большого веса; шкафы, в которые нельзя заглядывать – если только не для проверки мышеловок – из-за черной плесени, которая растет внутри. Есть острые края; занозы; емкости под подтекающими вздутиями; разбухшие пористые панели, сквозь которые можно просунуть палец; навес крыльца, под который они ныряют в надежде, что он не обрушится на головы. Сейчас Фиона безоговорочно презирает этот дом.

Она стоит спиной к Тому, нарезает на доске бутерброды для завтрашних обедов. Ей тяжело даже смотреть на мужа. Ведь так много нужно сказать. Слишком много. Слова застряли, будто толпа бормочущих людей, которые пытаются одновременно протиснуться в узкую щель, отдельные крики образуют крещендо, и ничего нельзя разобрать.

Но когда Том пытается проскользнуть за ее спиной, чтобы сбежать из комнаты, вымороженной молчанием и напряженной позой разгневанной жены, ей удается заговорить. Однако она не поворачивается к нему, поскольку не в силах выносить его вид. Пока что.

– На пару слов.

Шарканье его ног смолкает.

Фиона подходит к столу. Указывает на экран ноутбука, привлекая внимание Тома к новым уликам, которые обнаружила после того, как уложила Грейси спать; после того, как искупала ее в двух дюймах тепловатой воды, которую выкашлял ржавый котел; после того, как накормила дочь очередной тарелкой консервированных спагетти, нервно разогретых на конфорке, наполнившей кухню черным дымом и запахом пластика. Плита нуждалась в замене, как и бойлер, часть крыши, многие оконные рамы, сантехника в ванной и на кухне.

– У нас перерасход. На тысячу.

– Я верну. Скоро. Когда-нибудь.

– Этого не было вчера!

Сейчас она смотрит прямо на Тома. И думает, что именно так он бы выглядел, рассказав она когда-нибудь ему об измене.

Запах плесени и старой ржавой стали усиливается в жуткой тишине, которая воцаряется между ними. Фиона трижды сглатывает, чтобы вновь обрести голос, прежде чем ее заткнет горе или задушит отчаяние. Она кивает в сторону сада.

– Все из-за этого? Из-за того, что ты закапывал? Из-за магических услуг?

Том таращится на свои растянутые носки и переминается с ноги на ногу. Прочищает горло.

– Я понимаю, как это выглядит. – Он поднимает глаза и застенчиво улыбается.

Фиона не может вспомнить, приводило ли ее до этого момента хоть что-нибудь в подобную ярость.

– Ты понятия не имеешь! – Непроизвольно мышцы ее лица напрягаются, готовясь к рыданиям. Она проводит пальцами по глазам и рычит, восстанавливая самообладание. – Что ты закопал в ямах?

Том раздраженно выдыхает, потому что знает, как будет воспринят его ответ.

– Освященные чаши. Послушай, я понимаю...

Фиона вскидывает руку, останавливая его. Снова откашливается.

– Я заглянула на его веб-сайт. Этого Блэквуда. Какой-то «ю-ху» пират, плывущий на корабле дерьма. А теперь ты, перерасходуя счет, платишь ему. За освященные чаши. Поправь меня, если я ошибаюсь, последние ты купил, чтобы снять с нашего дома проклятие, которое наложила пара безумных старых ублюдков-соседей?

На обшарпанную кухню возвращается еще более ощутимая тишина. Она кажется Фионе мертвой – последние мгновения существования, прежде чем таранные шары пробьют мягкие стены.

Том опускает голову, словно оказался перед существом, от взгляда на страшное лицо которого можно превратиться в камень. Глаза Фионы наполняются слезами, и стройная фигура мужа вместе с его грязной одеждой начинают расплываться.

– Я делаю это для нас, – говорит он. – Как ни трудно в это поверить, однажды ты поблаговаришь меня.

Фиона выходит из кухни. Она не может унять слезы. Ей хочется причинить ему настоящую боль. И себе тоже. Она хочет просто обрушить на них весь дом.

Обернувшись на пороге, Фиона накладывает собственное заклятие:

– Увижу еще что-нибудь подобное, и мы с Грейси уйдем. Я тебя брошу. Делай выбор. Повторять не стану.

– Черт. – Том отходит от дыры, которую проделал перед порогом двери черного хода. Присаживается на две доски, которые поднял ломом, и старается поймать равновесие. Прислушивается к дому, не раздадутся ли наверху шаги.

Ничего.

Том смотрит на дыру. «Именно там, где сказал Блэквуд. Блэквуд снова оказался прав».

Обнаружение крысиного гнезда, кишашего голодными детенышами, было бы лучше вида черной твари, которая похоронена под их кухней. Увидев ее, Том резко выдернул голову из дыры. Фонарик остается под полом, испуская желтое свечение.

Существо намертво впечаталось в память после одного-единственного взгляда. Худая фигурка с закрытыми глазами. Что это? Неживое, с вытянутыми в полную паутины темноту передними лапами. Животное, как предполагает Том, было похоронено в кухонном тайнике. Полость завалена щебнем, обломками токарного станка, обрывками брезента, проржавевшими до окаменения гвоздями и дюнами серой пыли.

Когда Том первый раз опустил голову в дыру и потусторонние тени разбежались от света фонарика, отступив к своим адским истокам под полом, ничто вокруг не шевельнулось. Маленькая милость. Если бы иссохшее существо дернулось, Тома хватил бы удар. Но что бы ни похоронили под полом, оно давно умерло и было погребено в щели между деревянными балками.

Само оно никак не могло туда заползти и испустить дух. Трупик подбросили, нечестивая реликвия лежала в неосвященной земле. На высохшее тельце было наложено проклятие, спавшее до поры до времени. Вирус чумы, уничтожающий семью. Его семью. И теперь это нужно вытащить наружу.

Глубоко вздохнув, Том снова сует голову и плечи в отверстие. Запахи влажной почвы, затхлой древесины и мочи грызунов бьют ему в лицо. Взяв рукой в перчатке фонарик, он направляет свет сквозь ад, который существует у них под ногами.

Луч касается тонкой кожи.словно грабитель могил перед останками младенца королевской крови, Том тянется к этой штуке. И морщится, когда в ладони впиваются жесткие конечности. Существо не может весить больше нескольких унций, но хрустящий трупик за что-то цепляется. Даже после смерти держится когтями за сухую почву, возможно желая, чтобы никто не нарушил его покой. Когда Том силой высвобождает тельце, от этой мерзкой штуки летят ошметки.

Том опускает существо на газетный лист.

На этом новом ложе, которое немедленно покрывается могильной копотью, можно лучше рассмотреть жалкие, безжизненные останки.

Превращаясь в мумию в засушливой гробнице, тело животного высохло само по себе, но Том думает, что когда-то это была кошка. Уши и глаза исчезли с запекшейся морды, но рот открыт и скалится иглами зубов, тонких словно рыбные кости. Меха совсем не осталось, от него избавилось время в темной могиле, и оболочка стала такой же хрупкой, как сохранившаяся до наших дней в болотах древняя кожа.

Четыре сморщенные конечности с натянутой кожей навечно застыли, совершая последний прыжок в небытие. И, как ни странно, сохранился выгнутый дугой хлыста хвост, словно забальзамированный опытным таксидермистом.

Только тут Том замечает инородное тело, застрявшее глубоко в угольном горле, но выступающее между раскрытыми челюстями.

Бумага. Маленький свиток, перевязанный алой нитью, покрытый пятнами, с водяными знаками и слишком непривлекательный, чтобы прикасаться к нему даже в перчатках. Улики, которые нужно доставить в лабораторию Блэквуда для проведения магической экспертизы.

– Ублюдки.

Муты, наверное, убили животное, прежде чем подбросить его проклятые останки под порог задней двери соседей. *Veneficium*. Выражение морды говорит о том, что смерть не была легкой.

Убийцы домашних животных. Отравители щенков и душиатели лис. Том ненавидит своих соседей настолько, что жаждет немедленно с ними схватиться. Но

быстро вспоминает о темном силуэте зайца и о том, как нагло тот стоял на задних лапах на соседней крыше.

Том берет поэтажный план Блэквуда, где отмечены места, в которых могут лежать другие заговоренные предметы.

* * *

Еще одна неровная дыра в старом полу.

Словно обезвреживая неразорвавшуюся бомбу, Том осторожно вытягивает напряженные руки в перчатках из второй полости, на этот раз пробитой в половицах гостиной, у французских окон. По крайней мере, тут спрятано не животное.

Сидя на корточках, он держит перед глазами конический предмет. Не больше бутылки из-под газировки, сделанной из матового стекла. Флаконы в таком стиле больше не выдувают, а форма наводит на мысль о емкости для необычных масел или духов. Темное содержимое остается неясным – осадок мутной пленкой покрывает стенки.

Том кончиком отвертки поддевает пробку. Та песком осыпается с горлышка. Том переворачивает емкость и осторожно встряхивает, высыпая труху на газету рядом с задними лапами кошки. Среди дождя почерневших частичек гремит маленькая косточка.

Крошечная фаланга пальца. Вероятно, человеческая, вымазанная охрой, которая отслаивается старой замазкой. На пальце мертвого ребенка замысловато завязана алая нить.

Еще из бутылки сыпется что-то вроде риса. При свете фонарика Том может разглядеть ребристые тельца сушеных личинок. Задохнувшиеся черви.

Том зажимает рот и нос тыльной стороной ладони. Бутилированные смерть и разложение. Консервированный мор. И, если скрытую силу бутылки оживили, какие ужасные и мерзкие несчастья произойдут в их жизни? Тома слишком тошнит, чтобы размышлять на эту тему.

Деревянной линейкой из ящика с инструментами он заталкивает кость и мертвых личинок обратно в бутылку. Тех, что отказываются возвращаться, Том собирает и по одному закидывает внутрь. Затем заклеивает горлышко полоской изолянта.

Его дом заминирован. *Maleficium*.

– Ублюдки.

Том берет план и ищет следующий пункт.

* * *

«Но почему именно этот этаж?»

Он присаживается на корточки рядом с лестничным пролетом, куда доносится тихий голос Фионы и откуда треск древесины наверняка долетит вверх. Жена все еще читает Грейси. Вероятно, потому что их дочь не может уснуть или проснулась расстроенной.

Том смотрит на половицы в холле и пытается понять, как поднять их так же тихо, как это удалось ему на кухне и в гостиной. Те он почти уложил на место, а утром нужно будет закрепить их новыми гвоздями. Здесь доски длиннее и тяжелее.

Третье указание Блэквуда предписывает исследовать фундамент дома от главного входа до черного. Обширное пространство, где, как подозревает старый маг, скрывается еще один предмет, зараженный чарами Мутов. У Тома больше нет ни единой причины не верить старику. Но тут двухметровые доски, так что дыра получится серьезная. Настоящее ущелье.

Его предшественник отделал одну из стен холла и весь потолок по высшему стандарту. И заменил плинтус с таким мастерством, которому Том может только позавидовать. Если артефакт находится под досками на той стороне холла, то, возможно, придется снимать и плинтус.

«Черт».

Готовая половина первого этажа когда-то давала надежду, взгляд на будущее

возможности. Если бы не отличный ремонт, который сделал покойный владелец, они бы никогда не купили этот дом. И, несмотря на множество проблем, в доме еще до их въезда имелся, по крайней мере, пол на первом этаже. Скоро не будет даже этого. Разрушая, Том чувствует, что движется назад, возвращается к руинам, которые собирался обратить вспять. Хорошо хоть не успел положить новый линолеум. Просто счастье. Хоть и небольшое.

Далекий голос жены напоминает Тому про ее последнюю фразу – предупреждение. Но действительно ли она уйдет и заберет с собой Грейси, если поймает его за поиском в доме заклятий? Фиона была очень расстроена.

Он не знает, но и ждать завтрашний день, когда девочки уедут, не может. Все эти мучения должны закончиться до того, как станет слишком поздно. Муты проникли в дом прошлой ночью, после полуночи. Снять чары – единственное средство для Тома предотвратить повторное вторжение соседей. Если какой-то спрятанный под полом предмет позволяет Мутам пробираться сюда в измененном виде, то поиск этой вещи вполне может стать вопросом жизни и смерти. Даже для Грейси.

«Моей малышки».

С самого ее рождения, когда воображение сбивалось с пути и рисовало худшую судьбу, которая способна выпасть на долю дочки, Том не мог решить, сумеет ли жить без нее.

Ему хочется плакать.

И тут неожиданная и отчаянная идея раскаляет его мысли до предела. «Что, если мы просто уйдем? Сейчас же? Сегодня вечером просто возьмем несколько сумок и уйдем? Выставим проклятую рухлядь обратно на рынок?»

Том уже почти вскакивает, готовый взбежать по лестнице и отдать приказ о немедленном отходе. Их собственный Дюнкерк или Галлиполи.

Едва он начинает обдумывать план побега, на него внезапно накатывает неприятное воспоминание о манекенах в трейлере. И его скоростной поезд надежды сходит с рельсов.

Отказ от дома не гарантирует безопасности. Мстительность Мутов, безусловно, простирается за пределы этих стен. Он вместе с семьей может немедленно сбежать отсюда и встретить ужасный конец в другом месте. Соседи раздают амулеты клиентам, которые живут и рядом, и вдали. Где бы ни применялись заклинания, они настолько действенные, что клиенты готовы задницы его соседям целовать в знак благодарности.

«Деревья, проклятые деревья». Если бы он не срубил деревья между участками, бегство могло быть вариантом. «Деревья, визг пилы и плач Медеи». Ее горе оборачивается возмездием. Даже Блэквуд боится Мутов. Это Том точно знает.

«Пол».

– Черт.

Сидя на корточках, он крутит в руках лом и поглядывает на лестничный проем. Не осмеливается работать молотком, поскольку это станет концом его брака. Но, если подождать, пока они уснут, затем украдкой поднять доски, а завтра утром заново прибить вскрытый кусок пола, пока девочки не сбегут вниз, собираясь в школу и на работу, тогда все может сойти с рук.

* * *

Тишину нарушают скрип и визг, с которыми из старого дерева выходят длинные гвозди.

Испытывая почти невыносимый страх, Том задерживает дыхание и прислушивается, не проснулись ли Фиона или Грейси.

Не уловив даже шороха постелей наверху, он медленно отрывает первую доску от балок и осторожно кладет ее плашмя на пол.

Том разбит. Пот высыхает и застывает по всей спине до самого копчика, однако, не теряя времени, Том опускается на колени и светит фонариком в углубление.

Паутина, опилки, обрывки газеты, неожиданно светлая половинка кирпича. Но ничего подозрительного.

«Дерьмо».

Стоя на второй половице, которая почти вдвое короче первой, Том вставляет кончик лома в стык. Наваливается всем весом и раскалывает хорошее дерево. Еще три рывка, и раскаленные шипы прожигают позвоночник Тома по всей длине, когда старая древесина стонет, а затем отгибается на несколько сантиметров.

Двигаясь вдоль половицы, он возится с остальными парами гвоздей. Высвобождает доску и открывает вторую полосу темноты под холлом.

На лестнице раздаются шаги.

Том замирает. Смотрит вверх.

Сквозь перила виднеются пижамные штаны Фионы. Затем она появляется целиком. Оглядывается, смотрит вверх и говорит с Грейси, которую не видно:

- Возвращайся в постель!

Дочка подчиняется, и по потолку разносится стук бегущих ножек. Том провожает этот звук взглядом и поворачивает мокрое, покрытое пылью лицо к жене. В ее чертах он читает печальную озабоченность и искорку жалости.

Фиона спускается. Проходит по нетронутой части передней, возле кухни и гостиной. Заглядывает во вторую и видит разломанный пол. Затем проверяет пол на кухне и возвращается к лестнице. Садится на нижнюю ступеньку, но ничего не говорит.

Том роняет лом. Бежит на кухню и возвращается с мертвой кошкой, завернутой в лист газеты, контуры окоченевшего зверька впиваются в кожу руки. В другом кулаке он сжимает ведьминскую бутылку.

Фиона отшатывается от мужа и его жутких артефактов.

Едва не задыхаясь от страшного волнения, Том бросает взгляд вверх по лестнице, чтобы убедиться, что Грейси там нет, затем поворачивается к жене.

- Они были под этими чертовыми полами. Там, где сказал Блэквуд. Мертвый кот. Ведьминская бутылка. Взгляни.

Вместо этого Фиона смотрит на дергающееся лицо Тома.

- Ты близок к тому, чтобы потерять все, но не унимаешься. Я не могу поверить, что ты все еще... Чего тебе непонятно? Я больше не могу этого выносить, Том. Просто не могу.

- Фи, вот поэтому последний владелец и убил себя. Из-за проклятия!

- О боже. Том. Прослушай себя. У него была депрессия. Он был болен. И ты тоже. Тебе нужна помощь. Помощь, которую я давать больше не могу. - Фиона встает и бредет наверх.

Том чувствует нелепую радость от того, что она не кричала.

Сознавая, что становится поздно, и все еще исполненный решимости, Том возвращается ко второй дыре в холле. Носком ботинка отодвигает короткую доску в сторону и перекидывает ее через открывшуюся балку. Из нижней, более светлой части доски торчат длинные гвозди. Том опускается на колени подальше от них, засовывает голову в проем и светит перед собой фонариком.

От шока у Тома начинает кружиться голова, и он выныривает наружу.

- Боже всемогущий.

Он словно взглянул в лицо самому дьяволу, слепому и чудовищному. Под полом лежит огромный череп, его рябая поверхность окрашена в цвет чая.

Том ныряет обратно в дыру, луч фонарика высвечивает обратную сторону пола. Рука забирается как можно дальше, сжимает потрескавшиеся носовые кости черепа и тянет его. Нижняя челюсть бьет по балке.

- Что за...

В свете холла проявляется memento mori. Очередная реликвия, захороненная там, где они едят и спят. Настоящая голова смерти. Покрытая трупной пылью, мертвенно-бледная, она, кажется, способна засмеяться. «Когда-то это была лошадь, - думает Том, - но ее изменила смерть. А потом освежали маньяки».

На затылочном гребне виднеется рог, сплетенный из красной бечевки. Адский единорог. На удлинённом черепе есть еще и уздечка. Оголове, налобник и нахрапник из грубой веревки обвязывают костяную морду. В подбородник и затылочный ремень продеты уродливые деревянные розочки. Все еще чемпион, даже в аду.

Наверху скрипят половицы. Доносятся перешептывания.

Том поднимает взгляд и слышит сонный голос Грейси.

- Куда, мамочка?

- Поживем у Нэн, пока дом не приведет в порядок.

Шаги на лестнице.

Появляются Фиона и Грейси.

Фиона в джинсах и флисовой куртке. В руках у нее прозрачный кофр для одежды, в который упакована ее банковская униформа. Грейси в тапочках и халате будет путешествовать этой ночью налегке, как эвакуированная из разбомбленного города.

С трудом делая по одному шагу зараз, Фиона сражается с чемоданом на колесах. Она собирала вещи, пока Том прокладывал туннель в подземном мире, в царстве, источающем невидимую угрозу. Череп лежал прямо под самодельной виселицей их предшественника. До последней секунды, даже шагая в пустоту, бедняга не имел ни малейшего понятия об истинной причине, вынудившей его повеситься.

Несмотря на свои открытия, на обезвреженные им ужасные мины, Том лишь бессильно наблюдает за тем, как его бросают самые близкие люди. Их семья расколота, разобщена. Страх перед этим поражает глубже, чем шок от найденного под полом холла.

Он должен заговорить. Должен спасти себя.

– Фи, взгляни на голову. Взгляни. Она была в дыре. Здесь, под полом. Пожалуйста. Вот как эти попадают в дом. Вот как они это делают.

Фиона смотрит на Тома так, словно даже не узнает этого параноика с чумазым лицом и в перепачканной одежде. Мужчина, тыкающий на дыру, которую проломил в полу ее нового дома, теперь ей чужой.

Том машет рукой в перчатке на варварское разрушение, будто на пустяк.

– Это я исправлю. Как только мы будем в безопасности.

Она почти улыбается.

– В безопасности? Я больше не чувствую себя в безопасности здесь. Но по другой причине, чем ты.

С трудом удерживая чемодан на узкой полоске пола, Фиона протискивается мимо дыры, чтобы добраться до входной двери.

Грейси наблюдает за своим отцом с лестницы. Затем начинает разглядывать щель в полу и череп рядом с ней. Том не хочет, чтобы дочка видела лишенную плоти голову и то, как та скалится, предвкусывая еще больший хаос и трагедию в их жизни. Поэтому он запихивает зловещую костяную глыбу обратно в ее сухую могилу.

– Фи. Это. То, что ты чувствуешь. Сейчас. Все это часть проклятия. Римского. Греческого. Откуда бы оно ни шло. Это передается по наследству. Разрушает жизни людей на протяжении веков.

Она не слушает. Его жена не хочет больше слышать ни слова. Тома предупреждали.

– Грейси. Скорее прощайся со своим отцом.

Напряжение покидает его тело, глаза наполняются слезами, размывая разрушенный мир, в котором он скоро останется совсем один, брошенный. Том не может говорить, он слишком расстроен и смиренно опускается на колени.

Маленькая Грейси прыгает вокруг дыры к нему в объятия.

– Ты будешь ходить в садик к Арчи вместо меня? – спрашивает малышка с серьезным, но полным надежды выражением лица. – Дари ему цветы. Каждый день.

Челюсть у него дрожит, а в горле застряло что-то похожее на холодный камень. Том кивает.

Грейси отпускает его шею, разворачивается и, не глядя, бежит к входной двери. Когда ее маленькая ножка наступает на конец брошенной половицы, время чуть замедляется. Воздух слегка светлеет. У Тома перехватывает дыхание.

Доска проваливается в отверстие с одной стороны балки. Противоположный конец взлетает вверх жуткой пиллой, стремительно, как мышеловка, слишком быстро, чтобы Том успел уследить.

Но громкий звук, который раздается в холле, мгновенно вызывает у него приступ тошноты. Глухой удар и тихое «хлюп», будто кто-то только что раздавил виноградину между большим и указательным пальцами.

Грейси замирает. Стоит в яме, а ее руки дергаются вдоль боков. Деревянная половица не падает.

Фиона кричит.

Том парализован.

Грейси падает спиной к нему, и только тогда он понимает, что половица прибита к ее лицу.

Руки малышки сводит судорога, словно гвоздем ей закоротило все провода. Видимый кусочек лба и волосы темнеют, багровеют, а затем начинают капать влагой.

Если разум был оконным стеклом, то он разлетелся вдребезги. Хрупкая перегородка между Томом и катастрофой перестала существовать, барьер между безопасностью и катастрофой всегда был зыбким. И когда хрупкий сосуд мыслей и чувств в его голове внезапно подвергся такому резкому перепаду температур, то он просто треснул.

Позже у Тома нашлось время поверить, что в момент удара половицы по маленькому личику Грейси свет в холле стал ярче и изменил саму атмосферу дома, придав ей внезапную резкость. Время же стало жидким и замедлилось до скорости, больше подходящей для отчаяния.

Секунды зияли пустотой, в которой невозможно ни думать, ни действовать. Один из осколков раздробленного сознания Тома превратился в глупца. «Не паникуй, – бестолково и неубедительно провозгласил тот. – С ней все будет в порядке. Нормально. Все в порядке. Прекрасно».

Другой осколок сознания упал в самом ужасном направлении и объявил, что дочка мертва. Убита на месте. Сообщение настолько зловещее, что Том ощутил себя невесомым, точно его сбросили в люк. И одновременно он оставался на твердой земле, где стал туманом, призраком того, кем был всего несколько секунд назад.

Остатки его мыслей превратились в мольбы и бессмыслицу, которые скоро рассеялись, так и не извлеченные из темных закутков разума.

Если бы только он мог дышать, шевелиться.

Крик Фионы пробился сквозь деревянный каркас дома. Она сорвалась с места, ее ноги, казалось, беззвучно скользили по разрушенному холлу, стремясь к упавшему ребенку.

Лицо Грейси было закрыто доской. Большую часть ужаса скрывала маска из шероховатой древесины. Но Фиона, несмотря на застывший на собственном лице шок, все же заставила себя улыбнуться. Улыбка могла смягчить голос, когда тот вновь вернется. Как мама, она понимала, когда ее ребенок нуждается в самой глубокой заботе и утешении. И Фиона была готова притвориться кем угодно, лишь бы хоть на йоту уменьшить ужас Грейси.

Том испытывал невероятную благодарность за то, что жена рядом. Он бы заплакал от облегчения, если бы на это было время.

Однако Том видел, что Фиону одолевали те же мысли, что и его. Когда она опустилась на колени рядом с маленьким дергающимся телом и увидела жуткий «сироп», капавший с головы малышки на фундамент этого прогнившего дома, то неумолимо столкнулась с возможностью того, что их единственный ребенок умрет у них на глазах.

* * *

Том едва помнил, как сажал Грейси на заднее сиденье своей машины. Возможно, воспоминания о том, как они выходили из холла и шли к автомобилю, были слишком ужасны. Доска держалась за их девочку, напоминая перевернутые носилки. Убрать ее родители не осмелились. Пока Грейси не увезли в операционную, половина оставалась у нее на голове. Настоящая половина. Но Том с Фионой каким-то образом перенесли и запихнули на заднее сиденье затихшую дочку и соединенную с ней гвоздем доску, которая лежала сверху крышкой гроба.

Фиона водила лучше и быстрее, а ее автомобиль был новее, но она была нужна на заднем сиденье, поэтому Тому пришлось взять свою развалюху. Хотя к тому времени, как он сел за руль, Том настолько нервничал, что не мог заставить свои руки работать. Три попытки пристегнуться ремнем безопасности не увенчались успехом. После третьего рывка замок, наконец, защелкнулся.

Затем Том бессмысленно уставился на ключи от машины, гадая, что с ними делать. словно от шока в его разум прогрузилась деменция.

Он все-таки справился с этой простой задачей. Включилась стереосистема, громкость и настраивание музыки совершенно не подходили ситуации.

В голове у Тома были лишь остаточные воспоминания о том, как управлять автомобилем, он дрожащими руками включил дворники, затем поворотники. Ручной тормоз якорем удерживал машину и дважды ее останавливал, прежде чем Том вообще вспомнил о существовании этого устройства.

Как только машина покатила плавней, они заскользили в темноту, которая казалась еще более глубокой из-за отключенных фар. Том чувствовал, что мрак медленно проникает в умирающий мозг его дочери.

Он только один раз осмелился оглянуться через плечо на заднее сиденье. Но после увиденного едва не съехал с дороги.

Его взгляд выхватил Грейси – одна сторона ее тела. Кожа была мертвенно бледной. А когда желтый свет уличного фонаря проник в салон, стал виден яркий цвет, который окрашивал маленькую головку и шею. Малышка дрожала под доской, словно страдала от жара.

Волна паники пронеслась по пищеводу Тома, словно рвота, он был близок к истерике. Попытался удержать автомобиль, который завихлял из стороны в сторону и зацепил поросшую травой обочину.

– Что ты делаешь, идиот! – закричала на него Фиона и привела в чувство. Жена выгнулась над половицей, одна нога на полу, другая – между Грейси и спинкой, одна рука на полке багажника, другая вцепилась в подголовник водительского сиденья. Фиона проделала весь путь в таком положении. Сорок минут, которые показали годом.

Дважды Фионе казалось, что Грейси умерла. Жена Тома сдавленно вскрикивала, задыхаясь от горя. Дважды он съезжал на обочину и на слабых ногах, которые были не крепче велосипедных шин, обходил машину, нырял в тесную темноту и хватал крошечные запястья Грейси.

Оба раза ему удавалось обнаружить пульс. Короткие едва различимые удары, отличные от его собственного сердцебиения, отдававшегося в костях лица. После чего Том возвращался на водительское сиденье, зная, что его дочь все еще жива.

На этой стадии испытания усталость милосердно притупляла острые грани его мук. Но облегчение было небольшим, поскольку спокойные размышления скатывались в мрачные предположения. В голову лезли жуткие мысли о выколоте глаза, повреждении мозга, сепсисе от старого гвоздя, вбитого в голову ребенка. Мыслительный процесс, более изнурительный и тошнотворный, чем Том мог себе представить.

В какой-то момент Фиона дрожащим голосом, перемежая слова со сдавленными рыданиями, заговорила по телефону с больницей, в которую они ехали. Но дорога растянулась на вечность и навязывала свои правила. Остановок на каждом красном сигнале светофора было столько, сколько в кошмаре, где никак не добраться до места назначения.

На подъезде к больнице ночь превратилась в смазанную муть, пронизанную дождем. Мокрый асфальт, настоящий океан. На крошечных перекрестках с круговым движением горели бесчисленные указатели на парковки у отделений, расположенных в алфавитном порядке; указатели, которые могли бы быть написаны и на китайском языке, как бы ни надеялся Том их перевести.

В конце концов фары автомобиля зацепили невероятно яркую регистратуру отделения неотложной помощи. К тому времени Том уже почти встал на колени между педалями.

Они с Фионой вынесли Грейси из машины.

Трое курильщиков у дверей неотложной помощи окаменели.

Фиона кричала и звала на помощь. Люди перестали ходить, замолкли и уставились на нее. Вокруг воцарилась тишина. Пока не появилась женщина в синей форме и кроксах. Она излучала врожденную доброту, от которой Том и Фиона ощутили облегчение. Они с рыданием умоляли о помощи.

Тут за дело взялись профессионалы. Прибежали два врача, выглядевшие не старше шестиклассников. Появилась пара медсестер с носилками. Малышку поставили первой в очереди.

Ни Том, ни Фиона не хотели отпускать маленькие запястья и лодыжки Грейси, словно их маленькая семья была на грани гибели. Но им пришлось отпустить ее в ослепительно яркий свет.

За пределами операционной, куда экстренно увезли Грейси, волнение Тома усилилось, его тело почти билось в конвульсиях. Именно эта дрожь и бесконечное хождение вывели Фиону из себя.

Она сидела на одном из пластиковых стульев, уткнувшись лицом в ладони, волосы проскальзывали между пальцами, которые, казалось, были выпачканы в клубничном джеме. Растерянность Тома, его наклоны и выдохи, заламывание таких же перепачканных рук, жуткое ожидание того, что кто-то придет и сообщит самое худшее... Том понимал, что стал невыносим. И к этому времени плащ раскаяния и стыда за то, что он сделал с Фионой и Грейси, окутал его с головы до ног, точно горячие полотенца, и заставил вспотеть от мыслей о своем идиотском поведении.

В глазах женщины, с которой Том пытался построить жизнь, семью, дом, он поставил все на кон в безумной игре и проиграл. Свел остаток их жизни к нищете и запустению, потому что безрассудно поднял половицы в доме, чтобы найти и вынуть заколдованные народной магией артефакты. Зачарованные предметы, которые стали проклятыми. В ярком свете больницы – этого великого храма науки, этой вершины человеческого прогресса – рассуждения, убедившие его в необходимости такого очищения дома, должны были показаться ей жалкими, даже отвратительными.

Пока Фиона ждала ответа на вопрос, переживет ли ее единственный ребенок следующий час, у нее, наверное, появилась возможность пересмотреть ход своих мыслей. Направить их по новому пути, рассматривая поведение мужа за весь тот день. Наконец, ее размышления, вероятно, остановились на последствиях, к которым привело помрачение ума Тома: он закапывал миски с молоком и медом на лужайке, вскрывал старые полы. И тут Фиона вскочила со стула и бросилась на него так стремительно, что у него перехватило дыхание. Ее пластиковый стул скользнул в сторону, будто жеребенок на льду.

От первой пощечины глаз Тома заплыл, а голова дернулась слева направо. Когда он пошатнулся от первого удара, последовал второй. От которого из головы вылетели все здравые мысли, а голова запрокинулась.

Взорвавшись от злобещей, терпеливой тишины, Фиона выглядела особенно страшно в том больничном коридоре. Освещенная болезненным светом дневных ламп, со слезами на щеках, со лбом, покрытым коркой крови ее единственного ребенка. Она впала в ярость.

Когда Фиона снова вскинула испачканные руки, Том вздрогнул. Но в этот раз она лишь рванула его за капюшон к себе. Том запомнил только часть ее криков, но понял сообщение целиком.

– Ты! Ублюдок! Ты сделал это! – Ее слюна летела ему в лицо, будто морские брызги в нос парому, пересекающего Ла-Манш.

Первой реакцией Тома было переложить вину на кого-то другого. Он поймал себя на том, что даже в такой момент не в силах отказаться от отсрочки худшего, что когда-либо совершал.

– Фи. Они... Это проклятие.

– Нет никакого гребаного проклятия! Это все в твоей голове, тупой ублюдок!

Он позволил ей еще раз ударить, после чего у него в ухе несколько часов звенело.

Откуда-то издали к ним подбежала медсестра. Том запомнил скрип резиновых подошв на кафельном полу.

– Убирайся! Оставь нас в покое! – заорала Фиона, и Том услышал, как двое, сидевшие в десяти футах и ожидавшие собственных ужасных вестей, затаили дыхание.

Ошарашенный и оглушенный, он наблюдал, как жена развернулась и убежала. Она прошла мимо медсестры, которая появилась, чтобы встать между ними.

– Я бы на твоём месте отвалила, – сказала медсестра Тому, когда он дернулся.

Эта женщина смотрела на него так, будто он избивал жен и растлевал детей. Наверное, решила, что Том изувечил собственную дочь. Подумала, что из-за него она на операционном столе. Что он способен навредить четырехлетней девочке. В глазах женщины он был абсолютно презренным существом. Стой Том в тот момент на мосту, сбросился бы вниз, чтобы стряхнуть с себя тело и выйти из него прочь.

Затем он два часа сидел в машине. Большую часть времени рыдал. Много раз заходил в больницу, чтобы спросить о Грейси.

На второй раз ему сообщили о критическом состоянии дочки. Фионы нигде не было видно.

Когда Том пришел в третий раз, молодая врач прошептала, придерживая его за локоть, что они пытаются спасти глаз. Вот тогда-то у Тома и подкосились ноги.

Три человека усадили его на стул, будто рухнувшего запойного пьяницу.

Ему был нужен воздух, Том вернулся на улицу и стоял под дождем в слезах.

Потом снова сел в машину, но молчал и не шевелился, его можно было принять за мертвеца. Фионе позвонить он не осмеливался.

Его проклинали. Такое несчастье не может быть обычным делом. Голову заплотнили образы покрытых древними словами свинцовых табличек, беззвучно кричащей окаменевшей кошки, обмотанных красной нитью костей и дьявольского черепа, погребенного под полом. Том подумал о том, как мало весил Арчи, когда щенка опускали в землю.

Лицо кипело и пульсировало от пощечин жены. Из этого им уже не вернуться.

Наконец, его разум наполнило воспоминание о маленькой Грейси, и Том мгновенно понял, что окончательно покинут. Только тогда, после долгих часов, проведенных в тоске, тревоге, раскаянии и страхе, вернулась его ярость.

Один только вид соседского дома натягивает его нервы, как струны рояля. И вызывает желание блевать.

В доме Мутов не видно ни одного лучика света. Том представляет, как обитатели отступают глубже, разглядев, возможно, перед домом страшный бледный лик ненависти. И все же Том интуитивно чувствует, что такие мелочные собственники будут довольны выигрышем в этом раунде. Темный дом, кажется, гудит от садистского довольства, словно какая-то адская электростанция. Психопаты чувствуют себя в безопасности, понимая, что никакая власть не сможет расследовать их преступления.

Том наклоняется. Поднимает с границы между участками камень. Взвешивает в руке. Слишком тяжелый для небрежного броска. Нужно основательно размахнуться. Швырнуть. И, не позволяя посторонним мыслям вмешаться в то, чего требует ярость, он бросает камень во входную дверь Мутов.

Снаряд попадает в цель, раздается глубокий, деревянный стук.

Том безумно хохочет, запрокинув голову в усыпанное звездами небо, в затаивший дыхание холодный полог.

– Я знаю о вас! Знаю, кто вы такие! Извращенцы, злобные ублюдки! Я покончу с вами, мать вашу! Сожгу вас на хрен! Слышите, вы, старые морщинистые мошенники?! Уйти – значит уйти, ^[8] а? Этого вы хотите? Я не уйду. Я останусь! Вы уйдете первыми. Я клянусь. Уроды. Черт!

Спотыкаясь, он бредет по подъездной дорожке, погружаясь в глубокое молчание. Едва стихла его напыщенная речь, напряженная тишина перед запертыми дверями и пустыми окнами угнетает, пробирает до мурашек. Пока воздух не пронзает крик совы, предъявляющей свои права на ночь, сквозь которую способен глядеть только хищник.

Сова. Совы, единороги и пингины. Любимцы Грейси.

Том падает на колени. Теперь он рыдает. От дующего с запада ветра стынут слезы. Холод зажимает нос.

Том устало поднимается на ноги. «Куда мне идти?» В разрушенный дом с кровью дочки на пороге? В больницу, где он никому не нужен и не способен ни на что, кроме как причинить еще больше вреда?

«О боже, нет, боже, нет, только не моя малышка». Он не может избавиться от ужасного водоворота в собственных мозгах. Обхватив себя руками и склонив голову, Том не шевелится. Ни крики, ни слезы не ослабляют напряжение. Пораженный ужасом, Том безучастен. Его напуганные мысли в панике мечутся в своем стойле. Хочется пробить голову чем-нибудь острым и выпустить их. Возможно, это отвлечет от мучительных страданий по поводу собственного существования, когда его малышка борется за жизнь.

«Это на твоей совести. Тупой ублюдок!»

Том представляет лицо Грейси таким, каким оно было. И у него снова перехватывает дыхание. Мысли туманятся, в голове стирается все, кроме воспоминания о живых зеленых глазах дочки.

«Глаз».

Они могут ее спасти. Эти маги. Колдуны. Они могут все исправить. Их магия – это шантаж. Они могут снять проклятие, которое сами наложили!

Том у их двери. Руки стучат точно молотки. Ладони бьют по дереву снова и снова, заглушая горе.

– Пожалуйста! Пожалуйста!

Наконец, его руки проносятся по пустоте. Дверь открыта.

Том поднимает взгляд и видит ее, Медею, чье наполовину освещенное лицо искажает жуткая, торжествующая усмешка. На тощем теле висит белая ночная рубашка.

Том падает перед каргой на колени.

– Она потеряла столько крови. Ее глаз! Проклятие. Убери его. Я умоляю вас. Деньги, все деньги. Все, что у нас есть. Это ваше. Мы уйдем. Уедем. Мы уйдем. Пожалуйста. Только не моя малышка. Не моя Грейси. Нет. Нет. Как вы могли? Ребенка?

Том резко обрывает свои рыдания и мольбы. Он потрясен ухмылкой, которая расплывается на лице Медеи и освещает ее полные злобы глаза. Безгубый рот обрамляет сероватые квадратные зубы.

– Глаз за деревья.

Ошарашенный и потрясенный нечеловеческой бессердечностью, Том вскидывает голову выше, но не может придумать, что ответить.

– И кто же теперь в заднице? – шепчет Медея так сдавленно, что ее слова вырываются с шипением.

Раздается слабый скрип петель, и дверь захлопывается перед носом Тома.

Удар, удар, удар в дверь черного хода.

Со стороны темного сада шишковатая голова, покрытая рыжеватой шерстью и грязью, толкает стекло в нижней половине двери. Жуткая морда и пара розовых глаз на мгновение приближаются, а затем исчезают, когда существо встает на задние лапы.

Щетинистое брюхо проходится по стеклу, обнажая множество морщинистых бугорков. Они окружают две пухлые человеческие груди. Молоко у свиньи черное.

Том отворачивается, его крик зреет, как чих, который никак не может вырваться наружу. И тут же сталкивается со вторым незванным гостем, чье ужасное лицо ухмыляется уже в доме.

Покрытый всклокоченной белой шерстью жилистый ужас, покачиваясь, стоит на двух ногах перед сломанной плитой, его бурые когти царапают линолеум. От бугристой морды доносится тихое ржание.

Они – люди. Они – животные.

– Отвернись. Не смотри на них, – говорит Том Грейси. Дочка в школьной форме стоит у кухонного стола. Позади нее, там, где когда-то был холл, уходит в небытие черная бездна с мокрыми кирпичными стенами. Внутри нее бьет копытами страшное существо.

Том пытается обнять дочку и защитить ее от вида хрюкающей твари у кухонной двери и от той, что копошится на кухне, но не может дотянуться до малышки. Онемевшие ноги успевают сделать лишь один шаг, прежде чем их парализует.

Том смотрит вниз и видит, что пола почти нет. В щелях между оголенными балками ползают высохшие кошки.

Без глаз Грейси все равно не может увидеть своего папу. И мама ей ничем не поможет. Фиона появляется в своем лучшем платье и на самых высоких каблуках, она никогда не выглядела красивее. С порога посылает воздушный поцелуй дочке и говорит:

– Когда я вернусь, мы спустимся вместе. Это как пижамная вечеринка. В пещере. И мы больше не выйдем. Это так интересно. У тебя будут новые мамы и папы, и у одного из них длинный хвост.

Задняя дверь со щелчком открывается.

Свинья на четвереньках вбегает в дом, наполняя воздух запахом пропитанной мочой соломы и жирного свежего помета.

Кряхтя и визжа, визитеры обступают Тома. Ему остается лишь дрожать перед пустыми глазницами дочки. Грейси смеется.

Выцветшие зубы рвут его плоть. Два пальца ломаются в горячей пасти свиньи, как хлебные палочки.

И тут к Тому возвращается способность кричать.

* * *

Ритмичный стук. Снаружи. По ту сторону закрытых глаз и отрешенного разума. Тук-тук-тук. Звук медленно выводит его из жуткого сна.

Том выныривает из тягучего видения. Последнее воспоминание об аде, который он пережил, – это мокрые кости на кухне, превращенной в бойню. Но хватка сновидения, к счастью, слабеет. Всепоглощающая тоска кошмара и острое ощущение боли отступают, когда он вздрагивает в полудреме.

Его веки разлепляются, на лице следы порожденной ужасом соли. Том смутно осознает, что находится в спальне.

Голый по пояс, грязный и истощенный, он один полулежит на кровати. Мокрые простыни клеймами отпечатались на его лице.

В замешательстве Том вспоминает, как зашел в спальню и напился ромом. А потом... Потом завернул череп, кошку и бутылку в газеты, сложил в пакеты и бросил в багажник своей машины. Затем поднялся наверх. Позвонил Фионе. Дважды. Ответа не было, и ему никто не перезванивал.

Должно быть, после он отключился.

Сейчас снаружи раздается скрежет острых когтей по кирпичу – что-то карабкается по стене. Мимо окна проносится тень, направляясь на крышу. Нога случайно ударяется в окно, и раздается звон кости о стекло.

Внизу отчаянно дергают ручку двери черного хода.

Том глядит в потолок. Над ним раздается топот по крыше, словно какое-то животное бежит взад и вперед, пытаясь проникнуть внутрь. Черепица срывается и соскальзывает вниз, и только отдаленный грохот во внутреннем дворе полностью погружает Тома в его мысли.

«Сколько сейчас времени?»

Вопль свиньи. Снаружи чудовище визжит от ярости. Старая ручка кухонной двери дребезжит, бьет вниз, скрипит вверх. Вверх и вниз, вверх и вниз.

Кожа сжимает череп Тома резиновой шапочкой. Том перекачивается по кровати на половину жены, чтобы оказаться подальше от окна. Сбивает с тумбочки пустую бутылку рома, та катится, падает, ударяется об пол.

Тварь на крыше прочищает нос, затем издает сухой кашель, который вскоре перерастает в визг – совершенно человеческий по тону, как кажется Тому.

Он встает с кровати, но его ведет, качает из стороны в сторону, пока плечо не упирается в стену. Том все еще пьян и помнит, как прикончил половину бутылки. Яростно моргая, чтобы избавиться от невнятицы вязкого кошмара, он подходит к открытой двери и выходит на лестничную площадку. Прислушивается, покачиваясь. Хватает с верстака молоток.

Бам! По двери вниз. Тяжелое тело бьется о препятствие. Дверь держится. Свинья разочарованно ноет. Острые когти перебегают с одной стороны крыши на другую.

Том крутит головой, следя за шумом. И вскоре, ухмыльнувшись, спускается по лестнице.

Он готов, как воин, собирающийся вступить в битву. Из страха вырастает отчаянная храбрость. Внутренний жар кипятком бурлит в его венах. Брошенный и одинокий, но безумно хохочущий, он стоит босиком среди дырявых полов холла, поворачивается, его руки раскинуты в стороны, в кулаке зажат молоток.

– Давайте, ублюдки!

Наверное, свинья у задней двери услышала его вызов. Ее буйство нарастает, а нытье перерастает в демонический рык.

Том, пошатываясь, идет на кухню. Подумывает о том, чтобы отпереть дверь. Ему просто необходимо врезать молотком по башке наглой свиньи. *Медеи*. Он хочет разорвать ее на части. И все же останавливается, поскольку остатки самосохранения призывают к осторожности. Их чары разрушены, они не могут попасть внутрь, так зачем приглашать их в дом?

– Вы не можете войти!

Он спиной отступает в холл, чтобы уберечь слух от какофонии воплей свиньи, пока не попадает ногой в нейлоновое сиденье игрушечной коляски Грейси.

Пластиковые колеса со скрипом катятся по половицам. Том тяжело падает, молоток отлетает в сторону, голова ударяется об пол, а затем отскакивает. Сознание мутится.

Схватившись за затылок, Том стонет и ждет, пока пройдет головокружение. И только когда к нему возвращается ясность, понимает, что ночь погрузилась в тишину. Ни за дверью, ни на крыше не слышно криков или царапанья когтей.

Приподнявшись, Том осматривается, его пристальный взгляд задерживается на черноте дыры, которую он недавно пробил в полу. Вокруг пыльной бездны раскиданы сухие лепестки крови его дочери.

* * *

После неудавшегося нападения Мутон мысли Тома возвращаются к страданиям Грейси. Он понимает, что, прежде чем остатки алкоголя и адреналина покинут организм, нужно позвонить жене.

Том берет себя в руки и произносит безмолвную клятву. Если в ближайшие минуты выяснится, что с его ребенком случилось самое худшее, то, пока его не уничтожило горе, он отправится к соседям. Настанет его черед вторгаться на чужую территорию. А оказавшись внутри, он воспользуется своими инструментами

как орудиями для убийства и уничтожит все живое, какую бы форму оно ни приняло. Если наткнется на двух стариков, вернувших себе человеческий облик, то разорвет и разнесет их. А если они остались в своих жутких личинах, обладающих той страшной силой и ловкостью, то нанесет им столько ран, сколько сумеет до того, как его прикончат. Без его маленькой дочурки быстрая смерть станет благословением.

Присев на край кровати, Том сжимает телефон, закрывает глаза и сглатывает.

На этот раз Фиона отвечает на звонок.

- Это я. Как она? Мне нужно знать, Фи.

Звук его голоса, возможно, заставил ее разрыдаться. Хотя Фионе можно было простить то, что в такое время она не чувствовала ничего, кроме горя.

- Она потеряла много крови. Есть инфекция. Они... накачивают ее антибиотиками. Но ее глаза... больше нет. - Тут Фиона окончательно срывается.

Как и Том, за много миль от своей жены.

Лошадиный череп, засушенная кошка и ведьминская бутылка лежат на черной простыне внутри временных меловых меток. Травы, падая дождем, покрывают артефакты – очищающий душ в золотом чреве храма Блэквуда.

Выйдя из защитного круга, старик наконец перестает бормотать и отряхивает руки, осыпая каскадом сухих частичек груды томов у своих лодыжек. Приподняв изрубленные заросли бровей над очками для чтения, он обращается к Тому:

– Теперь соль. Посыпьте ею. Равномерно. Всю поверхность.

Невыспавшийся Том, двигаясь как автомат, насыпает каменную соль из выданного ему мешка.

– Вот так. Вот так. И там. Покройте их так, как если бы вы заливали цементом радиоактивные изотопы. Хорошо. Хорошо. Теперь дальше. Обряд, который вы наблюдали. Свинья. Она стояла перед алтарем?

Том кивает.

– В какую сторону мордой?

Том прикидывает, где встает солнце перед домами.

– Наверное, на север.

Словно получив ужасную новость, Блэквуд закрывает глаза. Его голос превращается в задыхающийся хрип.

– А заяц? Напротив нее в круге?

– Да. В самом начале. Так они и стояли. У того холма. После их танца, или что там, черт возьми, они делали.

Глаза Блэквуда открываются.

– Этому предшествовал обход в обратном направлении?

Том в замешательстве трясет головой.

– Противосолонь? – Блэквуд допрашивает тоном школьного учителя.

– Противо-чего?

– Да, ради бога! Они танцевали задом наперед?

Том кивает.

– Святые угодники.

– Вы же сможете остановить их? Еще какие-нибудь чаши? Заклинания?

– Не в этот раз. Если это то, о чем я думаю.

– По правде говоря, вы начинаете меня пугать.

Блэквуд втягивает воздух, выдыхает.

– Значит, вы понимаете всю серьезность процесса. Они потратили всю жизнь на эти образы. Образы, которые они поддерживают, являются внутренними. Весь интерфейс находится внутри них. Муты – проводники. Но через предел, который они выстраивают в своих разумах, призывается нечто гораздо более могущественное, чем обычная природная энергия или дух. Так должно быть. И они привязали эту сущность к себе.

– Я не понимаю.

Блэквуд расхаживает внутри мелового круга. Глаза старика по-прежнему опухшие ото сна, который прервал Том в шесть утра.

– Это древнейшая магия. Древняя, как камни. Север означает смерть. Подземный мир. Они всегда были жадными. Злобными. Но глупыми? Я никогда не считал Мага и Медею глупцами.

Блэквуд пренебрежительно машет рукой над артефактами, которые теперь мерцают кристаллами соли.

– Если сравнивать, то эти проклятия – пустяки, детская забава. Построенная нами оборона долго не продержится. Только не против магии подобного калибра.

Блэквуд закрывает глаза и склоняет голову, сложив ладони вместе, словно в молитве.

Понимая, что этот человек начинает проявлять слишком много уважения к говнюкам по другую сторону разломанного забора, Том бросается вперед. Перескакивает через начерченные мелом границы и вцепляется в рубашку Блэквуда. Пуговицы с шелканьем отскакивают.

– Моя дочь! Она, черт подери, потеряла глаз! У нее инфекция! Она могла умереть, мать вашу! Вам лучше...

Блэквуд хватает Тома за запястья и отталкивает на шаг назад. Затем ослабляет хватку, поскольку практикующему магу силой напомнили о том, что поставлено на карту; о том, что могут потерять Том и Фиона, если его вмешательство не увенчается успехом. Может, он и бездетный старый брюзга, убежденный или невольный холостяк – Тому это неизвестно, – но взгляд мутных глаз слишком явно выдает его ужас от того зла, которое Муты причинили ребенку. Том сомневается, что Блэквуд хотя бы предполагал у Маги и Медеи способность опуститься так низко. И теперь, когда старику приходится пересматривать ситуацию, которая с каждым часом становится все серьезнее, он выглядит таким же измотанным, как и Том. Блэквуд не встречается с ним взглядом.

И, возможно, на этом человеке тоже лежит вина, которая нарывает под его неухоженными бровями, ведь Блэквуд мог ухудшить ситуацию. И знает об этом. Конфликт резко обострился. Это больше не мелкое соперничество за продажу амулетов на юго-западе.

Единственный шанс Грейси – это Блэквуд. Не антибиотики, не система жизнеобеспечения, не медицинские знания, не круглосуточный уход и наблюдение. Ничто из этого не имеет ни малейшего значения. Только Блэквуд стоит между Томом и гробом, таким маленьким, что его крохотные очертания невозможно представлять дольше чем полминуты.

Убьют ли Муты после этого его и Фиону? Или существование в жалкой недожизни вечного траура по умершему ребенку доставит соседям больше удовольствия?

Кулаки Тома крепче сжимают отвороты рубашки Блэквуда.

– Что, черт возьми, мне делать?

Блэквуд покачивается. Смотрит на руки Тома, словно те покрыты собачьим дерьмом.

– Фотографии. Мне нужны фотографии. Имя. Знак. Того, что служит им. Из чего они черпают свою силу. Там может быть святилище. Заклинание. Имя записанное, начертанное... В доме. Когда они выйдут оттуда, вы должны проникнуть внутрь. И найти это.

Отчаяние заставляет Тома опустить веки. А страх держит их закрытыми. Когда он открывает глаза, то первое, что видит, – потрепанную тапку Блэквуда, которая подталкивает к нему через защитный круг машинку для считывания карт.

Том выглядывает из-за подоконника в спальне своего темного дома. Его колени и лодыжки протестующе горят. Он восемь часов просидел на одном месте. Около его ног стоят две пустые тарелки с засохшими огрызками наспех приготовленных бутербродов, три пустых кофейных кружки и ведро. Последнее Том использовал, чтобы мочиться во время слежки. Он уже несколько дней не ел горячей пищи, но едва мог глотать хлеб с сыром.

Снаружи с хмурого неба сочится ночь, оставляя лишь смутные очертания соседнего сада: несколько бледных камней среди темных кустарников, заплатки газона, которые мерцают в слабом свете, окутывающем землю, и призрак бесенка Мутов над обсидиановой водой. А над всем этим – ажурный силуэт полого леса.

От Блэквуда Том отправился напрямик в больницу и вернулся домой в середине дня. Но с тех пор не видел Мутов в саду, что выглядело необычно. Они просидели дома весь день и вечер. Возможно, все еще приходили в себя после ночных маневров. Или готовились к новому нападению.

Их ловушки и каналы у порогов были раскрыты, обезврежены или заблокированы. Но какие еще средства они могут использовать, чтобы получить доступ в дом и загнать хозяина в угол? Или вынудить его покончить с собой? Своего рода жестокий спектакль, который разыгрывается перед зрителями с человеческими глазами, сверкающими на звериных мордах. Том может лишь догадываться. Но, если сегодня ночью Муты отправятся на курган, он должен быстро проскочить через дыру в заборе и проникнуть в их дом через черный ход. Улики и материалы для расследования Блэквуда нужно собрать до того, как колдуны вернутся с вылазки в лес. Надо попасть в их дом сегодняшней ночью. От одной мысли об этом внутренности разжигаются.

Пока Том занимался слежкой, семья не покидала его размышления. Он дал Фионе достаточно причин для ненависти, и все же ее полнейшее неприятие оставило его ошеломленным, раненым и дезориентированным. Сейчас она отказывается с ним разговаривать. В больнице посредником выступает ее мать. А у жены такое выражение лица, какого он никогда не видел. Под презрительным взглядом Фионы Том почувствовал себя чужаком, угрозой. Он больше не может общаться, не говоря уже о том, чтобы прикасаться к женщине, рядом с которой был восемнадцать лет. Она по-прежнему замкнута в себе, руки скрещены, голова опущена. Фиона наказывает его изгнанием, и это справедливо. Ее рана огромна. И все же Том задается вопросом: насколько глубоко яд Мутов проник в его семью еще до несчастного случая с Грейси? Возможно, едва переступив порог, они с Фионой были обречены на расставание.

Дела Грейси не слишком хороши. Врачей ставит в тупик инфекция. Та сопротивляется лекарствам, которые вводят внутривенно. К счастью, малышка остается без сознания с самого «несчастливого случая». Но необъяснимый вирус, явно созданный злобой, мстительной магией Мутов, продолжает разрастаться. Том с легкостью представляет токсин – черные чернила, которые заполняют тонкие вены его маленькой девочки и текут к ее драгоценному сердцу.

Его семья действительно проклята. Так же, как и здание, в котором хотели поселиться.

– Черт побери. – Силы покидают Тома, и он падает на кровать.

Его будит далекий звук со стороны границы участков: щелчок замка и дрожь дверной коробки. Старая стеклянная дверь открывается, а затем встает на место.

Том выглядывает наружу и сразу видит пятно света, которое бежит по траве соседнего участка, и две торопливые фигуры. Пепельные, тощие и босые, они куда-то спешат. И опять покрыты мелом, а в руках каждый несет плетеную корзину. Заяц следует за кабаном, пока они не становятся неразличимыми возле леса, где растворяются между деревьями.

С деревянным хрустом коленей Том тяжело поднимается на ноги.

Черное пальто застегнуто на все пуговицы, черная лыжная шапочка натянута на уши, на плече болтается сумка. Том готов к выходу. И все же он колеблется возле задней двери. Желудок скручивается от волнения, Том ощущает очередное острое желание сходить в туалет.

Нет времени. Нужно идти. Немедленно.

Он делает еще несколько шагов. Зажатые в руках отвертка и молоток становятся абсурдно тяжелыми, будто оружие солдата, которому приказали казнить военнопленных.

Том снова протягивает руку, чтобы отпереть дверь, но останавливается, поскольку в голове проносятся мысли о визжащей свинье и прыгающем зайце.

- Проклятье.

Том отступает назад, чувствуя, как утекают силы, и его покидает мужество – то самое мужество, что стремительно тает всякий раз, когда он думает об опасности, о жалких шансах на успех. Он стоит тут уже пятнадцать минут и даже не может открыть заднюю дверь.

«А если они снаружи и ждут момента, чтобы наброситься? Изменили ли они... свои обличья?»

Упершись руками в колени, Том наклоняется и делает глубокий выдох, пытаясь убедить себя, что раз в доме погашен свет, а его машина припаркована в деревушке у подножия холма, то Муты могут поверить, что тут никого нет, что они с Фионой по-прежнему бдят в больнице, у кровати дочери. После ночного нападения соседи, возможно, не станут ожидать, что он к ним вломится. Возможно, это его единственное преимущество, единственное, на что он может положиться.

Подняв глаза, Том замечает картинку, прикрепленную к дверце холодильника. Грейси нарисовала бородатого мужчину. Рисунок детский, но создан в порыве энтузиазма и пестрит красками. Том с кистью рядом с покосившимся домом. Над нарисованным красными фломастерами сердечком написано «Люблю папочку». У ног бородача прыгает маленькая черная собачка.

Лицо Тома сморщивается, из глаз брызгают слезы.

Он выпрямляется, делая глубокий вдох, который дрожит, словно ветер треплет парус в его груди. Том перешагивает через расшатанную половицу и подходит к двери.

Поворачивает ключ.

* * *

Пока к нему не вернулся здравый смысл, Том торопится к задней двери Мutow. Чтобы добраться сюда, много времени не нужно – его ничто не выдает, и он бежит, пригнувшись, как солдат по вражеским позициям. А вот и дверь, старательно выкрашенная в красный цвет.

Вокруг ботинок множество горшков с растениями, нависающими над безукоризненной дорожкой и свернутым шлангом. Позади патио и зияющие симметричные грядки, словно открытые могилы, из которых сейчас высунутся исхудавшие, но полные сил конечности. Том уверен, что здесь еще и холоднее. Он чувствует себя хрупким, тонким, слишком легким. Удары и kloкотание сердца мешают дышать, Том хрипит, будто поднялся на крутой холм, а не пробежался от одного сада до другого.

«Возьми себя в руки».

Он бросает взгляд назад, на окутанный ночью сад соседей, и замечает жуткое мерцание камня – того самого чертенка, который играет на свирели, стоя на одной ноге. Возможно, медлительная луна нарочно выбрала эту деталь, чтобы вселить страх в нарушителей. Когда Том пробежал мимо статуи, его мысли превратились в карусель из подбадривающей чепухи, поэтому он даже взглянул в ту сторону. Не нужно ли было поискать там надпись? Или символ? Какой-нибудь знак, который мог использовать Блэквуд. Ведь Муты почитают этого беса.

Стоит проверить на обратном пути. Но сначала нужно попасть в дом. Немедленно!

Он снова смотрит на заднюю дверь Мutow, дыхание паром от горячего душа окутывает его лицо. Том дергает за ручку.

Невероятно, но дверь не заперта, это почти разочаровывает. Однако Том

входит, почти не чувствуя под собой ног. И тут же спотыкается, начинает падать и пробегает целых три шага в темноте.

Он восстанавливает равновесие и принимает. Пахнет у соседей затхло, но дорого, как от хорошей одежды в душной комнате. Запах витает среди миазмов трав и сухих листьев. Над головой Тома раздается шорох, когда его шапка цепляется за что-то сухое, что качается в темноте, и аромат специй делается сильнее.

Оказаться здесь слепым – невыносимо. Том снова и слишком явственно вспоминает рев разъяренной свиньи у своего порога и цоканье заячьих когтей по крыше. Он вытаскивает из кармана телефон. Активирует режим «фонарик».

Это кухня.

Том бросает быстрый взгляд через плечо, чтобы понять, из-за чего едва не рухнул у входа.

Из-за страшного медного дверного упора. Жуткой статуэтки злобного зайца с безумными глазами.

Том отводит взгляд в сторону, следит за светом от экрана телефона, которым проводит в темноте.

Даже после беглого обзора в слабом свечении становится понятно, что странный дом Блэквуда не подготовил Тома к интерьеру Мутов.

На кафельном полу стоит старая железная плита, похожая на банковский сейф. С прикрепленных к потолку стальных рейлингов свисает множество медных сковородок и кастрюль, что явно было сделано задолго до того, как подобное вернулось в моду. Раковина и краны точно из эдвардианского зала музея. Бордовые стены почти полностью скрыты связками растений. С потолочных реек свисают сушеные травы, рябиновые ветки, ягоды и вялые цветы. Перевернутая теплица с урожаем, который используют не только для приготовления пищи.

Том активирует на своем телефоне камеру. Фотографирует. Хотя от него ускользает, что, как он надеется, Блэквуд может найти на кухне, и Том упрекает себя за напрасную трату времени и заряда батареи, к тому же есть риск выдать себя вспышкой.

Он подкрадывается к деревянному комоду, где хранятся банки, бутылки, керамические горшки и пластиковые коробки. Содержимое большинства емкостей скрыто мраком. Том подходит ближе. Затем отступает назад.

Сквозь стенку первой банки видны вытянутые в прыжке тельца сушеных лягушек. Соседняя наполнена летучими мышами, свернутыми, как свиные отбивные. Рядом в сероватом растворе плавают мертвые тритоны. В похожую жидкую тюрьму заключен лисенок, обреченный на вечный сон. Рядом свернулась гадюка. Многие ее чешуйки отвалились и плавают в пленяющей их умбре. На нижней полке стоит ряд банок с грязью. Другие заполняют пепел и кусочки костей.

Том делает снимки, щелчки приложения – единственный звук, нарушающий тишину.

У следующего помещения на первом этаже общая стена с кухней. Свет там оставили включенным.

На пороге Том нерешительно оглядывается – все стены уставлены шкафами с книгами, многие из которых старые, некоторые уже рассыпаются. Бросив взгляд на ближайшую полку, он видит тесно прижавшиеся друг к другу греческие и латинские названия, вытесненные облетевшим сусальным золотом.

Том фотографирует шкаф целиком. Файлы будут в высоком разрешении, Блэквуд на досуге может их увеличить.

Деревянную кафедру под окном, выходящим в сад Мутов, возможно, украли из церкви. На ней лежит огромный гримуар, который, судя по старому переплету, сделан вручную. Том не решается прикоснуться к обложке из чешуйчатой кожи с медными застежками. Он разглядывает разворот, на котором книга открыта.

Поверх слабых царапин карандашного грифеля от руки аккуратно нанесены черными чернилами символы. На правой странице астрологическая карта. Том делает снимок.

Перелистывая большие, хрустящие страницы, он обнаруживает рисунки растений. Старая, покрытая пятнами бумага пестрит латинскими заклинаниями. Еще больше диаграмм и гравюр с фигурами, скачущими среди тонких сосен и ив, хотя ради какой цели – неясно. Дальше изображен черный диск лесного болота или

пруда, из которого поднимается человекоподобная фигура с головой цапли, чтобы принять сплетенный из веток шар. Внутри шара кричит маленькое личико.

На других страницах оттиски на неизвестном ему языке, возможно, с каменных памятников, соседствуют с отрывками Священного Писания, аккуратно вырезанными из Библий. Множество зарисовок каменных статуй наводят на мысль о египетской или ассирийской цивилизациях. Том видел подобное в Британском музее. Он фотографирует страницу за страницей, уделяя больше внимания тем, которые отмечены кожаными закладками, тонкими, как ломтики карпаччо.

Нужно ли фотографировать книгу целиком? Он снял только десятую часть. Но под столом сложены стопкой и другие похожие тома. Слишком много. Слишком много всего. Слишком много, чтобы справиться. Он ничего из этого не сможет понять.

«Пока не станет поздно».

Том чувствует обжигающий будто солнце прилив ненависти к Блэквуду. Откуда знать, вдруг этот тип играет с ним, чтобы разведать секреты своих врагов, и заставляет Тома платить за привилегию рискнуть собственной шеей. Что он здесь делает?

«Это безумно, бессмысленно, бесполезно».

Здесь так много всего. Куда дальше?

Рабочий стол напоминает мебель из мастерской крайне занятого художника. При ближайшем рассмотрении Том понимает, что разбросанные бумаги – это на самом деле конверты, которые адресованы каким-то незнакомцам.

Рядом с каждым конвертом что-то вроде талисмана, готового к упаковке и отправке. Латинские стихи, написанные на лоскутках ткани и полосках бумаги. Тканевые мешочки с припарками. Кустарные гороскопы рядом с черепами маленьких животных и привязанными к ним бечевкой бумажками с заклинаниями. Без счета сушеных корней и трав.

«Почтовые заказы?»

Том проговаривает вслух ради толики поддержки, которую может дать живой голос напуганному человеку в таком месте:

– И мы купили чертов соседний дом.

Он отворачивается от стола колдунов, отчаянно ища святыню, про которую говорил ему Блэквуд.

Но ничего такого здесь нет. Хотя комната явно имеет большое значение для Мут, как своего рода пресвитерий^[9]. Так где же их алтарь?

Лихорадочный взгляд мечется по сумрачной, заваленной вещами комнате, по всем поверхностям и полкам, останавливается на деревянной тумбе с крошечными коробочками или ящичками для писем. Сотами, набитыми папирусами коричневатого цвета и цвета слоновой кости.

Том подходит ближе. Наугад тянет несколько свитков. Они оказываются перевязанными бечевкой. Том засовывает четыре штуки в сумку. Затем берет маленькую статуэтку с пьедестала между книжным шкафом и ящичками. Фигурку, которая стоит на одной ноге и играет на свирели. Отлитая из бронзы, она отличается от чертенка у пруда Мут только ухмыляющейся головой свиньи. Том ставит ее на место и делает пару снимков.

И в тот самый момент слышит, как открывается задняя дверь.

Ледяные уколы пробегают по всему его телу, одно веко сводит судорогой. Том не может пошевелиться.

Оглядывается по сторонам, ищет место, чтобы спрятаться.

В углу приоткрыта деревянная дверца шкафа.

За стеной раздаются шаги. Шарканье босых ног приближается.

Том бросается к шкафу.

* * *

Прижавшись спиной к задней стенке, он затаивается в воняющей резиновыми сапогами темноте. Дыхание замирает в груди, Том почти слышит тиканье невидимых часов, которые отсчитывают мгновения до его неизбежного разоблачения. Закрыв ли он вообще дверь черного хода? Том не знает, помнит только, как споткнулся на пороге. И если Муты вернулись домой в облике

животных, то наверняка учуют его запах и с визгом бросятся казнить.

Тома обнимает затхлый занавес из барбуrowsких курток^[10], старых дождевиков и непромокаемых плащей. Пробираясь сквозь него, он отступает дальше и оставляет лишь небольшое пространство, из которого выглядывает его побледневшее лицо. А вот ноги и ступни ему не спрятать. Том уже ничего не видит в шкафу. С крючков напротив его лица свисают смутные силуэты.

За дверцей шкафа шаркают ноги.

Том крепче сжимает резиновую рукоятку молотка.

Откуда-то из глубины дома, дальше кабинета, который он только что обыскивал, доносится голос. Том не может разобрать слова, но звучат они, по крайней мере, по-человечески.

В щель между дверцей и косяком падает тень. Совсем рядом раздается громкий голос Маги Мута.

– Да, Медея. Чашку чая. Замечательно.

Дверца открывается.

В шкаф, сжавшийся до размеров гроба, проникает красноватый свет. Он падает на лицо Тома. Тот сильнее вжимается плечами в заднюю стенку. С трудом сдерживаемое дыхание раздувается в горле воздушным шариком. И когда Том видит еще больший ужас, карикатурно ухмыляющийся со стены напротив плащей, в которых он прячется, запертый внутри воздух грозит вырваться криком.

На деревянных крючках висят две заросшие щетиной морды с пустыми глазницами. У одной жуткие клыки и приоткрытые челюсти, через которые владелец может смотреть. Вторая напоминает потрепанного зайца с кривыми зубами и костлявой мордой. Полнейший кошмар. Маски, скорее всего, сделаны из плоти и шерсти настоящих животных, а то и чего хуже. Том вспоминает мерцание чешуйчатого переплета гримуара, и у него сжимается в животе. Кажется, во рту появляется привкус кожаного, почерневшего от пота материала ужасных масок. Возможно, во время трансформации они действительно сливаются с человеческими головами. Или только подразумевается сходство с тем, что физически будет представлять надевший их человек?

«Господь Всемогуший. Пусть это закончится».

Полоса света выхватывает лежащую под масками одну из потерянных игрушек Грейси. Маленького мягкого пингвина, у которого не хватает одного глаза.

Том опускает веки, чтобы помочь своему телу сдержать нечто большее, чем боль и тошноту. Но ему приходится снова открыть глаза, когда две покрытые пеплом руки просовываются в вонючее пространство шкафа и проходят в нескольких дюймах от носа Тома.

Худые руки Маги разукрашены полосами и брызгами крови животного. Они сжимают еще одну маску свиньи. Артефакт возвращается с какой-то темной поляны в лесу. И, похоже, свиная голова недавно терзала добычу, возможно, тыкалась рылом в распоротое брюхо, выдирала и разбрасывала потроха кривыми зубами. Щетина все еще блестит от непросохшей крови.

«Это мог бы быть ты. Мог быть ты».

Испачканные руки колдуна вешают головной убор на пустой деревянный крючок, затем исчезают.

Сдерживаемый выдох Тома начинает просачиваться наружу, и тут руки появляются снова, чтобы повесить столь же отвратительную маску зайца: почерневшую, влажную и беззвучно визжащую, уши торчат, клыки побурели от крови.

Грязные руки исчезают.

Четыре звериные морды, парящие в воздухе и лишенные тел, злобно смотрят на Тома.

Дверь закрывается, запирая его внутри вместе с масками, но, по крайней мере, можно больше не пялиться в пустые отверстия их глазниц. Словно у человека, который почти утонул, но все же вынырнул на поверхность, воздух вырывается из легких Тома. Он как раз собирается согнуться пополам и обхватить колени, когда дверца снова распаивается, на этот раз шире.

Красноватый свет снова заливают пространство, в котором каменеет Том.

Когда в шкаф забрасывают две плетеные корзины, губы сами приоткрываются для крика. Одна корзина поворачивается, прежде чем упереться в носок его ботинка.

Бледные, в пятнах крови руки появляются в четвертый раз, и Том думает, что ночь никогда не закончится, что Маги точно знает, где прячется, дрожа среди старых плащей, незваный гость. Все это часть издевательств – предвкушение нарастает, пока кровь самого Тома не станет смолой в зияющих пастях дьявольских голов, которые носят эти психи.

Но перепачканные руки Маги просто вешают серп на крючок в полуметре от кончика носа Тома. Взгляд того останавливается на темном и зловещем лезвии, и в ногах появляется слабость.

Дверь, наконец, захлопывается, и Тома окутывает тьма. Снаружи раздается звук удаляющихся босых ног.

* * *

Несколько часов спустя, точно убедившись, что действительно слышал, как две пары ног поднимались по лестнице на второй этаж, Том приоткрывает дверь и осматривает темную комнату.

Там пусто. Тогда он выскальзывает наружу и осторожно, шаг за шагом, пробирается на кухню Мутов.

Только осторожно закрыв за собой дверь черного входа и вздрогнув даже от тихого щелчка замка, он может признать, что все обошлось. Его не обнаружили.

Словно разрывая шрапнелью и обнажая землю внизу, сквозь полог леса струится летний огонь. Том не может бежать дальше и падает на четвереньки, хотя обескровленные теперь конечности, которые тянутся из его таза, не позволяют ползти. Джинсы будто набиты цементом. В пальцах тоже никаких ощущений, кроме слабого покалывания, последней искры умирающего тока.

Его взгляд скользит по кустарнику, зарослям ежевики, стволам, почерневшим от теней, словно обугленным вспышками света, Том щурится, пытаясь разглядеть, что же сбilo его с ног.

Припрыгав на артритных конечностях, а затем поднявшись, как умирающий от голода человек, первым на поляне появляется лохматое существо, нелепо высокое и покрытое рыжевато-коричневой шерстью. Вытянутая морда откашливается, а после ухмыляется Тому зубами, неподходящими для человеческого рта. Скоро солнечный свет иссушает и затемняет ужасную фигуру, превратив ее в изможденный силуэт.

Почти сразу появляется второе чудовище. Фигура, перед которой валяется Том, скорее женская, чем звериная. И все же, как может существо с торчащей из складок розовой плоти щетиной и с землей, покрывающей мокрый подбородок, быть человеком?

Оно едва ковыляет по поляне, это заставляет Тома взглянуть в то, что же там мешает. Именно тогда он замечает свиные копытца на месте ступней.

Его лодыжки обвивают веревкой, Тома переворачивают, а затем подтягивают к сучковатой дубовой ветке.

– Прекратите. Пожалуйста. Не нужно... – бормочет он, пока его горло не становится таким же мертвым, как и конечности.

Заяц пинком подставляет под голову Тома пластиковое ведро, которое тот использует для ремонта, а затем уносится прочь, визжа:

– Мы все поймаем!

Вернувшись к Тому, с другой стороны его бесполезного тела, заяц держит в ободранной руке серп из черного железа и останавливает покачивание подвешенного человека длиннопалой задней лапой.

* * *

Том выныривает из сна, отчаянно пытаясь глотнуть воздуха. И с блаженством осознает, что всего лишь спал, а не висел вверх ногами в лесу, над ведром для сбора крови.

Он сонно стонет, его затуманенное зрение фокусируется на лице Блэквуда. В чертах неопрятного старого мага заметно одно сплошное волнение.

– Слава богу... – произносит Том.

– Вот именно! – Рука Блэквуда перестает трясти его за плечо. – Вы должны это услышать.

Все еще в той же одежде, что была на нем прошлой ночью, Том заново осознает свое тело, конечность за конечностью. Раскинув ноги, он отключился у Блэквуда на диване, заваленном книгами и бумагами. На стене над ним, напоминая дверь в другое измерение, куда он вот-вот провалится, висит детально проработанная астрологическая карта.

Том потирает затекшую поясницу. Наверное, он задремал. Помнит, как всего несколько минут назад натянул на глаза шапку.

– Я уснул.

– На несколько часов.

– Что? Нет.

Блэквуд отходит от дивана. Пол, как и письменный стол, завален раскрытыми книгами. Их больше, чем обычно. Папирусы, которые Том украл у Мутов, расстелены и зажаты по краям разными декоративными предметами. На экране компьютера светятся файлы, скачанные с телефона Тома.

Ловко огибая помехи на полу, Блэквуд добирается до своего стола, наклоняется

и хватает мышь.

- Я кое-что нашел на ваших фотографиях. - Раздражающий блеск педанта оживляет его глаза. - Они используют заклинание месопотамского мага. Затем оно было переписано римлянином. А в одиннадцатом веке еще раз переписано еврейским ученым. Кем-то, кто знал латынь, демотический греческий и египетский. Вот. Я это установил. По странице гримуара!

Блэквуд тычет пальцем в экран с увеличенной фотографией с телефона Тома.

Том, моргая, наклоняется вперед. Он смутно припоминает эту страницу из книги в кабинете Муты. Заполненную латинскими надписями, украшенную символами и тем, что могло быть расчетами, записанными на диаграмме.

Блэквуд почти задыхается.

- Все это относится к низшему божеству. К ритуалу оживления статуи. Или изъятия из нее чего-то. Существа. Для переноса в другое место.

С выражением благоговения и ужаса на лице Блэквуд стремительно отворачивается от стола, будто собирается бросить Тому вызов.

- Этого хватит, чтобы я обделался.

- Пожалуйста, не надо.

- Невероятно опасно. Крайне нестабильный процесс. Только сумасшедший мог хотя бы попытаться его проделать. Я даже не знал, что кто-то все еще способен на такое. Плата Муты должна быть колоссальной. Ни один разум не выдержит подобного долго. Поэтому они должны вести себя экономно. Когда угрожают.

- То есть?

Блэквуд расправляет плечи, выражение его лица принимает знакомый самоуверенный оттенок.

- У них есть бог.

Чудовищность этого предположения вымораживает Тома.

Ошеломленный размахом собственной идеи, Блэквуд, спотыкаясь, отходит от стола.

- Полагаю, его пленили. Принудили служить. Все *voces magicae*^[11] налицо. То есть заклинания. Хотя только Муты знают, как их следует произносить. Правильная мера минералов, нужные части животных, масла, сопровождающие заклинание, - все это перечислено здесь. Но потребовалась бы целая жизнь, чтобы найти верную последовательность. И это именно то, что они имели. Целую жизнь. Вместе. Полагаю, ключи им передали родители.

- Вы можете это победить? С тем, что вам уже известно.

Блэквуд, похоже, не слушает.

- Вот как они это делали. Годами! Невероятно. Теперь ясно, почему они были такими успешными. Им активно помогали. Ублюдки!.. Победить? Ха! - Он смеется, как будто сошел с ума. - Боюсь, это не вариант. Изгнать? Это возможно.

Неуместно обрадованный и окрыленный своим открытием, Блэквуд воздевает руки к потолку, его глаза горят маниакальным ликованием.

- «Вследствие величия небожителей, богов невозможно ни заключить внутри стен, ни придать им какие-либо черты сходства с человеческим обликом. И они посвящают им дубравы и рощи»^[12]. Тацит был прав! Разве вы не видите? Корень их власти. Откуда они черпают покровительство. Образы, которым подражают в трансформации. То, что они сделали послушным себе, находится в плену. Где-то рядом с ними. Но не в доме. Нет, слишком опасно. Я бы предположил, что в лесу. Тот курган, должно быть, активен. Вот почему они прогнали вас. Почему запрещают проникать на чужую территорию.

- Так что нам делать?

- Что вам делать? - Блэквуд, наконец, сосредотачивается на Томе, глаза старика серьезны. - Вы должны войти в освященное пространство. В круг. Затем заберите изображение, в котором они заточили бога. Оно внутри кургана.

- А вы не можете вместо этого, не знаю, произнести заклинание? Отсюда? Или пойти со мной и провести... обряд экзорцизма? Изгнать его?

- Проклятые «Подземелья и драконы»! Вы ни слова не слышали из того, что я говорил? Артефакт! Идол! В кургане! Начинайте копать. Сломайте печати. Изображение нужно найти. Тогда у меня будет больше возможностей продолжить.

- А соседи? Они не позволят мне просто раскапывать курган.

- Они перережут вам глотку прежде, чем вы углубитесь хотя бы на фут. Так что нужно сначала разобраться с ними. Слепите их. Стреножьте. Закройте с головой.

- Какого хрена? Ослепить?

- Не будет никаких мерзких дел с выкалыванием глаз. Не волнуйтесь.

- Выкалыванием?

- Капюшон. Шоры. Вы должны накрыть шамана с головой. Предотвратить проникновение духа божка. Заблокировать канал. Остановить трансформацию. Хотя им должно быть максимально дискомфортно, даже во время слепоты, чтобы они не могли направлять того, кто им служит. - На последнем слове Блэквуд меняет позу, бросается к кладовке под лестницей и распахивает дверцу.

Том соскальзывает с дивана.

- Моя дочка, это спасет ее?

Он не уверен, что Блэквуд слышит его за грохотом лавины, который раздается под лестницей. И вопрос вылетает из головы, когда старик появляется, держа древнее двустольное ружье.

- Последнее средство.

- Погодите. Погодите.

- Боюсь, что мы приехали, друг мой. Это единственный шанс для вашей дочери. Я не могу начать изгнание, пока образ защищают печати. Его нужно принести сюда, прежде чем можно будет хотя бы начать весьма длительный процесс развеивания этой сущности. Но сначала вы должны разобраться с Мутами. Как вы видели, они сделают все, чтобы защитить источник своей силы.

- Я не могу.

- Вы должны. Должны действовать и заманить их в ловушку там, где они уязвимы, за пределами их святилища, прежде чем совершится трансформация. Я предлагаю вам разобраться с ними снаружи, когда они отправятся в курган. Сомневаюсь, что Муты дадут вам еще одну ночь. Почти наверняка сметут мою защиту и проникнут к вам еще до рассвета.

- Ого. Что вы мне предлагаете? Перестрелять их?

- С богомолем нужно сразиться в первую очередь. Со жрицей. Со свиньей! Она все контролирует. Заяц - всего лишь лакей и убийца. Бейте по ногам. Чтобы они не могли танцевать.

Том глядит в прицел древней двустволки Блэквуда, наводит ее на сложенные на кровати вещи. Гадая при этом, как же так жизнь его дочери стала зависеть от рулона клейкой ленты, ножниц, двух наволочек и четырех патронов для ружья.

Его совсем недавно беззаботная Грейси лежит в реанимации с инфекцией и ослепшая на один глаз, его брак разрушен, а пес мертв. Но даже после всего этого Тому трудно пережить момент, в котором он стоит в своей спальне с тяжелым, промасленным оружием и планирует вторжение.

Его соседи держат в плену бога.

Том опускает ствол и кладет ружье на кровать. Смотрит в зеркало на туалетном столике Фионы на себя, одетого во все черное. То ли наполовину военный, то ли грабитель из старых времен.

Несколько часов его мысли метались и плутали, нагнав усталость. Сумерки контрастируют со свежеекрашенными стенами и ложатся тенями на зашкуренную дверь – ремонт теперь сродни воспоминаниям, отодвинутым и неуместным, призрачным и постыдным.

С тех пор как ближе к вечеру Том вернулся домой, его взгляд снова прикован к соседскому саду. Муты все это время оставались дома, на их участке темно. Лес за окном сгущается зловещими тенями. Если Блэквуд прав, соседи отправятся к кургану в полной темноте. До этого нужно занять позицию и устроить засаду. И если он не доберется до них первым, Муты через несколько часов окажутся вместе с ним внутри этого последнего бастиона. Если же они не выйдут, то нужно нанести им визит и либо вытащить из норы, либо стреножить прямо в доме. Прежде чем начинать копать.

Мысли Тома возвращаются к его недавним снам о пальцах, ломающихся в пасти голодной свиньи, о его теле, подвешенном на скотобойне среди деревьев. Вещие сны, его разум пропитан ужасными предзнаменованиями. Снаружи нет безопасного места, и он забился в эти несколько комнат. Однако по-прежнему сопротивляется чудовищному поступку, который ему поручено совершить. *Привести в исполнение.* Шаг, который он никогда не сможет повторить на пути, который скоро затеряется далеко позади.

Нападение. Тяжкие телесные повреждения. Использование незаконного огнестрельного оружия. Из-за всего этого он пойдет на дно. Надолго. Если Муты станут сопротивляться, будет еще хуже. Он действительно смог бы... Об этом невыносимо думать. Том не может представить, на-

сколько нелепо будут звучать в суде объяснения того, почему он убил двух старых бумеров.

Том откупоривает новую бутылку рома. По дороге из дома Блэквуда в больницу он закупил свежих припасов. А вот Фиону так и не увидел. Она в конце концов поддалась крайней усталости и уснула в семейной палате для родителей тяжелобольных детей. Инфекция Грейси обострилась, ее не удавалось остановить, чтобы позволить слабой иммунной системе дочки восстановиться и дать отпор. Врач с серьезным лицом посоветовал готовиться к худшему.

«Они являются каналом. Кто способен так поступить с ребенком? Но стоит ли удивляться? – спрашивает себя Том. – Каждый день в мире к детям проявляют такую же жестокость безо всякой магии».

Больше никаких замешательства и нерешительности. Соседи должны встать на колени перед двустволкой Блэквуда, позволить себя связать и надеть колпаки. Или он разрядит в них ружье и выведет из строя. Пальнет по старым ногам.

Размышляя о том, не вырвет ли его, Том краем глаза замечает какое-то движение.

Он выглядывает в окно, но ничего не видит. Вдали, над старым лесом, ему чудится, что над

кронами взмыл черный предмет. Вверх и в сторону.

«Птица. Наверное».

Том глотает ром. Садится на кровать. Закрывает глаза. Сжимает лицо в ладонях, которые теперь пахнут старым металлом. Мысли кружатся, повторяются, прорезают борозды. Несколько часов.

В конце концов он берет телефон и набирает Фиону.

К его удивлению, она отвечает после двух гудков.

– Фи.

Тишина.

– Фи. Я должен кое-что сделать сегодня вечером. – Он прочищает горло. – Что бы ты ни услышала, что бы тебе ни говорили, я сделал это ради Грейси. Ради нас. Я хочу, чтобы ты знала.

Тишина. У него нет ничего такого, что она хотела бы услышать или чему смогла бы поверить. И все же Том ждет ее слова, как узнавания от старого друга.

– Нас? Если бы ты думал о нас, то сейчас был бы здесь. Со мной и Грейси. Ей осталось недолго.

– Не говори так. Пожалуйста. Боже. Не надо.

– Это из-за тебя. Это все из-за тебя. Всегда так было. – Голос Фионы срывается, и от ее страдания в груди Тома словно оползень сходит.

– Я хотел, чтобы у нас здесь было будущее, Фи. Правда. Я хотел этого больше, чем чего-либо когда-либо.

– Будущее? С тем, кем ты стал?

– Я был не в себе. Знаю. Но, как только с этим разберусь, с Грейси все будет в порядке. Клянусь, Фи. Я могу закончить это сегодня вечером. Сделать так, чтобы Грейси стало лучше. Я могу. Обещаю. Я могу.

На линии некоторое время висит тишина. Когда Фиона наконец заговаривает снова, ее голос звучит мягче, печальнее. Она говорит сама с собой и позволяет Тому слушать.

– Этот чертов дом. Мечта о нем свела тебя с ума. Я тоже была хороша, что поверила в то, что у нас может быть такая жизнь.

– Фи. У нас может...

– Ничего этого не должно было быть. Наш собственный дом в деревне? Какая грустная шутка. Времена для таких, как мы, прошли. Но, по крайней мере, мы были друг у друга. Даже в той дерьмовой квартирке. Но мы перевезли нашего ребенка, нашего ангела в это место. Где для нее было небезопасно. В место, которое сводило тебя с ума, потому что мы были чертовски нищими и отчаявшимися. А теперь мы потеряем и дочку.

Настойчивый писк неожиданно пронзает ухо Тома. Жужжание телефонных насекомых, на которых нужно обратить внимание. Он смотрит на экран. Еще один звонок: БЛЭКВУД.

Том колеблется. Затем переключается на входящий.

Голос, доносящийся из телефонной трубки, шокирует его даже больше, чем отчаяние жены.

– Они идут! За мной! Я чувствую их. Ружье. Привезите его. Приезжайте скорее!

Звонок обрывается.

Том глядит на экран. Фиона на удержании.

Он выключает телефон, кладет трубку в карман и тянется за ружьем.

Дом Блэквуда не освещен, на подъездной дорожке припаркована машина старика, входная дверь приоткрыта. Замок был взломан изнутри, дверной косяк раскололся.

Том достает телефон и набирает номер Блэквуда. Несколько секунд спустя слышит слабый сигнал в доме.

«Нехорошо. Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо».

Отчаянно надеясь, что не увидит над собой длинноухий силуэт, Том сходит с крыльца и осматривает крышу, затем соседние. Никто не выскакивает. Том ныряет назад под прикрытия покосившегося крыльца.

Носком ботинка он толкает дверь, щель становится шире.

– Блэквуд? – шепчет Том. Затем громче: – Блэквуд. Это я. Том.

Тишина. Но, может, они ждут внутри, ухмыляясь над неподвижной фигурой Блэквуда?

Он пытается понять, с помощью какого сверхъестественного чувства или магической силы Блэквуд первым обнаружил передвижение Мутов. Затем задается вопросом, почему магических барьеров этого человека оказалось недостаточно для защиты дома.

Том снимает рюкзак, из которого торчат завернутые в газету стволы. Вес ружья тянет сумку вниз. Дрожащими пальцами Том расстегивает застёжки. Вытащить громоздкое оружие непросто. Сорваться на сумке – значит, избавиться от выворачивающей кишки тревоги о том, что может притаиться и поджидать в этом темном доме.

Муты способны закончить войну прямо здесь и выйти сухими из воды. Том понятия не имеет, до каких пределов они меняются и как долго могут оставаться в зверином облики. Блэквуд был уверен, что доведение их плоти до таких впечатляющих физических изменений черпало колоссальную силу из божественного источника. Но старый маг также был уверен, что процесс опасен и нестабилен и к нему следует прибегать только в редких случаях. Удар по телу и разуму колдунов иссушал, изнурил их.

Том сбрасывает рюкзак и распаковывает ружье. Вскоре становится виден блеск грязной стали. Потянув за собачки, Том взводит оба ствола. И шагает внутрь дома.

Взгляд на лестницу в тесной прихожей вознаграждается лишь темнотой. Прямо по курсу закрытая дверь в гостиную.

Том нажимает на все выключатели, оказывающиеся под рукой. В прихожей загорается свет, но наверху его нет – лампочка или перегорела, или разбита.

Как можно тише крадучись по половицам, которые слегка проступают под унылыми коврами, он приближается к гостиной. Справа на кухне царит обычный беспорядок. Но сквозь следующий дверной проем, зияющий в холле, видно повергающее в шок осквернение, которое постигло святилище Блэквуда.

Четыре подставки для свечей опрокинуты. Книги и бумаги разбросаны, будто их разметало вихрем.

Страх едва не разрывает Тома, но он не задерживается и решает больше не звать Блэквуда, опасаясь обнаружить себя. Выйдя из гостиной, он прикладывает ухо к двери и прислушивается.

Тишина.

Том тянется к ручке и колеблется в мучительной нерешительности, прежде чем чуть толкнуть дверь.

Еще до того, как вскинуть ружье, лишь только заглянув в гостиную, Том ловит взгляд Блэквуда. Взгляд его тусклых глаз, распахнутых от ужаса. Они смотрят на него с головы практикующего мага. Которая больше не прикреплена к телу.

Тут же вниманием Тома завладевают потолок и стены – каждая из поверхностей окрашена в красный цвет. Кровь размазана и разбрызгана, словно истекающее ею тело вращали в центрифуге на большой скорости, расплескивая жидкость и покрывая стены жутким вихрем граффити.

Карта сорвана, на полках нет книг. Они покрывают липкий пол, их обложки в каплях и блестят. Бумаги Блэквуда превращены в конфетти, разбросанное вокруг и покрытое малиновыми пятнами.

Чувствуя невесомость и головокружение, Том отворачивается и прислоняется к стене. Он прижимает ко рту руку в перчатке.

«Это должно прекратиться. Немедленно. Полиция. Звонок. Полиция. Они его убили».

Ужасная кислая отрыжка наполняет его рот, раздувает щеки. Том бежит по коридору и с грохотом поднимается по темной лестнице, отчаянно желая преклонить колени перед фарфором унитаза. На бегу он нашаривает выключатели двух работающих светильников: одного в спальне, которую никогда раньше не видел, а другого в ванной, там свет включается свисающим с потолка шнуром.

Крышка унитаза опущена, поэтому Том наклоняется над раковиной. Но до того, как содержимое рта исторгается наружу, взгляд Тома замирает на лежащем в раковине ботинке, из которого торчит волосатая лодыжка. Красно-белое месиво внутри голеностопного сустава говорит о том, что эту конечность оторвала огромная сила.

Пошатываясь и крепче прижимая ладонь ко рту, Том устремляется к ванне, внутри которой на резиновом коврике находит вторую ногу. Точно так же оторванную у голени и обутую в унылый черный ботинок.

Пока из уголков рта вырывается молочная струя, Том напрасно беспокоится о том, чтобы не оставить на месте преступления ДНК.

Упав на колени перед унитазом, он одним пальцем поднимает сиденье и наклоняет голову над фарфором. Но за мгновение до того, как его рот взрывается рвотой, Том понимает, что смотрит на одну из ладоней Блэквуда, плавающую в чаше.

Том припадает к земле среди деревьев, которые едва может разглядеть, его ноги теряются в небытии покинутого солнцем леса.

Впереди вырисовываются далекие очертания дома Мутов. Ставни на окнах закрыты. Дула ружья упираются Тому в плечо. Из кармана на бедре торчит фонарик. Рюкзак липнет к спине.

Том уже два часа сидит на корточках в подлеске у сада Мутов, переминаясь с ноги на ногу для лучшего кровообращения и против онемения ступней. Вечерняя роса пропитала его джинсы сзади, отчего разболелась поясница. Но, несмотря на неудобства, Том оставался во мраке цвета торфа, где в симфонию шорохов время от времени вливались крики трех сов. Горе, страх, сожаление и ужас только усугубляли напряженную монотонность и нервное беспокойство его бдения.

Том оглядывается в темноту, прежде чем снова посмотреть в экран телефона, слабо освещающий его лицо. Там на старой фотографии смеются Фиона и Грейси. Но эти снимки его жены и дочери – всего лишь тонкие спички, зажженные в темном, холодном мире. Том смотрит на них, чтобы не забывать о том, что должно быть сделано. Однако от вида идеального личика Грейси на глаза ее отца наворачиваются слезы.

Он предполагает, что Муты придут за ним сегодня вечером. В качестве приманки Том оставил весь свет в доме включенным и припарковал машину на подъездной дорожке.

Наверное, один из соседей или даже оба сменили обличье, чтобы расправиться с беднягой Блэквудом. Прошло больше четырех часов с тех пор, как Том нашел останки практикующего мага. Оставалось лишь надеяться, что к этому времени соседям пришлось вернуться в свой обычный вид и сейчас они приходят в себя дома. Чтобы справиться с ним, Мутам придется снова принять новые формы. Но Том понимает, что это только предположение. Домысел. Надежда. Авантюра.

Но, как говорил Блэквуд, скорее всего, обряд по их кошмарному изменению плоти и костей будет проводиться у кургана в роще. Судя по следам соседей и предыдущим их маршрутам, на которых они запугивали его самого и Грейси, Муты возвращались из леса через дальнюю сторону сада. Если тактика не изменится, то колдуны покинут дом с черного хода и отправятся на чертовски сакральную для них поляну для новой трансформации. Но, чтобы добраться до нее, им сначала придется пройти тут. И именно здесь Том надеется их захватить.

А если они не сменили обличья и остаются где-то в лесу, то шансы выжить этой ночью у него не так уж велики. Но если они в доме и вернули себе человеческий вид, на что Том очень надеется, то он будет ждать хоть до следующего дня, пока соседи не появятся. Или выбьет дверь и вырубит их там, где они спят.

* * *

Между двумя и тремя часами ночи далекий щелчок двери резко обрывает размышления Тома. Он убирает телефон и опускается на колени среди буйной зелени у ворот в сад Мутов.

Затем поднимает ружье, и приклад покрывается влагой от испуганного дыхания. На несколько мгновений Тома трясет от нервов, у него слишком кружится голова, чтобы ясно видеть. Он жадно глотает воздух. А инстинкт, соперничая с ужасом, приказывает обездвижить соседей. Нужно мыслить ясно. «Тебе нельзя паниковать».

Слабый свет из кухни Мутов освещает несколько метров патио и лужайку. Сквозь пятно света Том мельком замечает белые как мел конечности и две темные, громоздкие головы. Затем краем глаза видит на тропинке две призрачные фигуры. Они бредут по стигийскому саду в сторону Тома.

По мере приближения громадные маски постепенно приобретают четкость, как и бледные руки и грудь зайца, все еще черные после ночной работы. От крови, высыхающей на пепле.

«Вот так. Сейчас. Сейчас!»

Том, едва чувствуя ноги, встает. Тяжело дыша, словно измученный жаждой пес, болезненно бледный до мозга костей, он поднимает ружье – оружие, которое с каждой напряженной секундой становится все более тяжелым и неуклюжим в его нетренированных руках. Том упирается в плечо прикладом и водит стволом, пока прицел не закрывает узкую тропинку, петляющую между двумя каменными выступами. Когда соседи доберутся до беса, нужно бросить им вызов, а затем выстрелить, если начнут сопротивляться.

Призрачные фигуры продолжают беззвучно скользить к нему между окутанными ночным мраком кустами, друг за другом и, к счастью, в человеческом облики.

Но затем заяц Маги останавливается, не доходя до скульптуры беса, и задирает морду, будто принюхивается к ночному воздуху. Постоянно торчащие уши словно настораживаются в ожидании хищника.

Безмолвная Медея тоже останавливается. Ее далекая свиная морда обзревает лес.

Соседи приглушенно перебрасываются несколькими словами, но Том не слышит, что они говорят. Увидеть его Муты не могли, но кто знает, насколько тонкими чувствами обладают эти люди?

Заяц разворачивается и отступает к дому. Свинья бросает последний взгляд на опушку, прежде чем тоже повернуться на пятках.

– Черт.

Том с шумом вырывается из укрытия. Выбирается из подлеска, высоко вскидывая колени, будто идет вброд по морю. Ноги тяжелые, руки слабеют и трясутся, Том бежит к воротам. С силой пинает створку забрызганным краской ботинком.

Летят щепки. Ворота распахиваются.

Свинья оглядывается. Видит его и бросается бежать. А Том, пролетая через ворота и попадая в верхний ярус сада, к своему огромному разочарованию, замечает зайца почти у самой двери черного хода.

Он бросается в погоню, выставив вперед ружье и прижимая приклад к плечу.

– Ублюдки!

Ночь наполняет его почти астматическое, отчаянное дыхание. Зрение плывет, детали и очертания сада кажутся размытыми пятнами, проносящимися мимо, когда он бросается в атаку. Без верхушек деревьев арка соседской крыши выделяется на фоне бледного ночного неба. Здесь больше света, больше места, чтобы совершить что-то ужасное.

Из-под маски свиньи вырывается женский визг. Том догоняет Медею, и она об этом знает. Свинья теперь ковыляет всего в десяти футах от него, ее тормозят тяжелый головной убор и старческие ноги.

Щелчок двери, которую открывает заяц, заставляет Тома остановиться. Он взмахивает ружьем и целится по ногам свиньи. Пригибается.

Затем колеблется, охваченный страхом оглохнуть или ослепнуть из-за старого оружия. Он не может нажать на спусковой крючок.

Медея уже на десять, одиннадцать... четырнадцать, по крайней мере, на пятнадцать шагов впереди. И убегает!

БАБАХ. Выстрел прогрохотал в ушах Тома почти осмысленным словом, которое сразу же превратилось в свист и окатило ледяной болью.

Разорванный воздух засасывает ночную тишину на многие мили вокруг. Спящие цветы и растрепанные кусты, дремлющие папоротники и бледные ветви, черный пруд, обратная сторона обоих домов – всё словно молния озаряет.

С кратким шорохом песка, бьющего по листьям, свинья валится. Сбитая с ног, Медея падает лицом вперед. Влажный туман окутывает ее тощие ноги и иссохшие ягодицы.

Восторг смешивается с холодным ужасом от содеянного, а Том продолжает приближаться. В ушах звенит, глаза щиплет от едкого дыма, но внутреннее побуждение берет под контроль ноги, и он бросается в атаку. Недолго думая, Том налетает на свинью и вдавливая ее голову в траву.

Из-под подошвы его ботинка раздаётся хныканье.

Спрыгнув со свиньи, Том приземляется возле патио в тот самый момент, когда заяц захлопывает за собой дверь. Торопливо щелкает ключ, через стекло на Тома смотрит отвратительная морда. Затем заяц Маги отворачивается, и свет на кухне

гаснет.

Том дергает за ручку. Она не поддается.

Отступив на шаг, он целится из ружья в замок.

БАБАХ.

Летят щепки. Внутри дома бьются стекла, горизонтально проносится серебристый дождь.

Том опустошает казенник ружья. Его рука вынимает из кармана два патрона с медными доньшками и красными пластиковыми оболочками. Он засовывает их в каждый из дымящихся стволов, повторяя то, что без конца тренировал тем вечером в спальне. Кордитовый дым вьется спиралью, обжигает лицо. Попадает в легкие вместе с возбужденным дыханием, едкий и перечный, будто глубокая затяжка сигаретой. Воспоминания из детства о ночах у костра вспыхивают фейерверком и тут же гаснут.

Щелчок затвора.

В кухне двустволка мечется слева направо. Том замечает выключатель и, протянув руку в сторону, щелкает по нему.

В оранжерее кухни вспыхивает свет. Сзади, в саду, раздаются жалобные крики старухи, испытывающей ужасную боль.

Впереди шум. Из комнаты справа. Из их святилища. Маги отступил туда, будто в крепость или в оружейную.

Забегал ли заяц туда, чтобы получить помощь или защиту, которые могут оказаться невидимыми для простого человека? Обратится ли к своему богу? И как вообще узнать об этом, пока не станет слишком поздно? Нужно действовать быстро и вывести из строя соседа, как велел Блэквуд. Это было последнее, что сказал практикующий маг.

Петли скулят, когда Том толкает дверь носком ботинка.

Закрытые книгами стены темны.

Том входит. Зажигает люстру. Его взгляд и прицел ружья обводят комнату – кафедру и гримуар, заваленный амулетами стол, ячейки для хранения свитков.

Слева от Тома шкаф, в котором он прятался. Дверца приоткрыта. Черная щель манит к себе. На лбу Тома выступают капельки пота. Его лыжная шапка обвисла мокрой тряпкой, от нее все чешется.

Том гадает, нужно ли стрелять в Маги. Можно ли заставить соседа встать на колени, заклеить запястья липкой лентой и накрыть бледное лицо наволочкой? Том размышляет о грохоте ружья. Он наполовину оглох, а громкость выстрела в помещении наверняка избавит его от остатков слуха. Может быть, если он просто встанет перед дверью и бросит вызов, тогда...

Позади раздается шум.

Том поворачивается, и его разум застилают белая пелена тошнотворной боли. Под ревом этой внезапной муки слышится тихий треск рвущейся ткани и глухой звук, с которым острый металл вонзается в плоть. В его плоть. В плечо входит холодный предмет, чужеродный и широкий.

Удар бросает Тома вперед. Он шатается и поворачивается вокруг оси. Это движение выбивает оружие из руки нападавшего.

В поле зрения Тома появляется размытая белая фигура, которая бесшумно отходит. Убийца воспользовался ножом и теперь отступает к плотно закрытой двери. Выходит, Маги притаился у стены, за дверью, и ждал.

Зрение Тома проясняется. Его спина под рубашкой мокрая, кожа липкая, словно намазанная медом. Он двигает рукой, и боль пронзает его от головы до ног. Глядит через плечо, и его едва не тошнит. Из его тела торчит древний серп. Он вошел достаточно глубоко, чтобы держаться самостоятельно, как жуткая скоба.

Черные уши зайца перед Томом наклоняются чуть вперед. С ухмылкой на зубастой морде обнаженная фигура удаляется на цыпочках, будто бесстыжий танцор. Словно собираясь оттолкнуть Тома, Маги поднимает передние лапы.

Том целится ниже.

– Время пришло.

БАБАХ.

Зайца сбивает с ног.

От какофонии стены падают и разбиваются вдребезги, а затем выпрямляются. Уши Тома ловят вой статических помех, а после тонкий скулеж. Голубоватый дым воняет тысячью зажженных спичек.

И вот дом поглощает тишина.

С сильнейшей болью в раненом плече Том опускается на одно колено и отбрасывает ружье.

С пола доносится детское хныканье.

Том отряхивает пот со своего холодного лица. Тянется за спину, сжимает пальцами изогнутое лезвие. Затем вскрикивает от боли и подносит руку к залитым потом глазам. Его пальцы мокры от крови. Том рычит, снова тянется и хватается за серп. Отводит его назад и высвобождает.

Орудие со стуком падает на пол.

Том продолжает стоять на коленях с закрытыми глазами и ждать, когда мир придет в норму. На мгновение ему кажется, что он извлек из своего тела саму жизнь и душу.

Он пытается вспомнить, почему оказался тут и что должно произойти дальше.

«План».

Он выстрелил в них обоих. Обоих достал, обоих сделал, обоих уложил. Они могли умереть от шока, от ран, от потери крови. Она повсюду под Магами.

«Боже правый. Это я сделал?»

Одна рука двигается быстро, вторая медленно, с блестящих пальцев капает кровь. Том наблюдает за собой. Как расстегивает рюкзак. Затем достает скотч, ножницы, наволочки. Приближается к истекающему зайцу. Стаскивает маску с перепуганного, залитого слезами лица Маги, пепельный гримм стекает на пропитанную кровью бороду. Испуганные глаза глядят умоляюще. Том натягивает наволочку на голову Маги, затем отпускает, и она стучается об пол.

Визг клейкой ленты. Щелчок ножниц. Кусок клейкой ленты вытягивается, прежде чем туго стянуть хлопчатобумажную петлю на горле Маги. Никакого сопротивления. Старик может лишь хвататься за свои разорванные ноги, на которые Том не будет смотреть.

Дрожа, как загнанная лошадь, он, пошатываясь, идет по коридору и кухне.

Свинья ползет к краю сада. Белая фигура с трудом продвигается по траве. Ее ноги тянутся позади безжизненные, как растерзанный хвост. От скрытой головы доносятся рыдания вперемишку с хрюканьем.

Том подбегает к фигуре. Движение – это хорошо, и оно отвлекает от кровоточащей раны на плече. Бег разгоняет оставшуюся в нем кровь и гонит вызывающую тошноту мысль о том, что он теряет сознание, а конечности его – хрупкие палочки.

Схватив Медею за костлявые лодыжки, он поднимает ее раненые ноги над травой. Свинья душераздирающе визжит от боли.

Том тащит ее обратно в дом.

* * *

На полу их храма и святилища перед Томом лежат дрожащие и оглушенные потерей крови пепельные фигуры – его соседи, могучие Муты. Но теперь они съезжились с этими примотанными к головам наволочками в цветочек, со связанными за спиной тонкими запястьями и почерневшими от крови иссохшими ногами.

Том делает глоток из бутылки с водой и охает.

– Оно под тем курганом. В круге.

Безликие фигуры, кажется, застывают, и их дрожь уменьшается до легких подергиваний. В наступившей тишине слух Тома немного обостряется, и он начинает слышать хриплое дыхание Муты внутри импровизированных капюшонов.

В конце концов Медея берет себя в руки и набирается достаточно сил, чтобы заговорить:

– Не надо. Ради твоего же блага.

Это ободряет Маги.

– Оно тебя уничтожит.

– Вы уже это сделали.

Даже с превратившимися в полоски мокрого вяленого мяса старыми ногами Медее хватает энергии для крика:

– Чертов идиот! Оно убьет нас всех!

Маги говорит одним уголком рта, болезненно вздыхая, и Том беспокоится, что у старика может случиться инсульт.

- Оно должно оставаться в земле. Оно использует тебя. Чтобы освободиться.

Нежеланный миг сомнения омрачает цель Тома, затем все проходит.

- Вы что угодно скажете. Я сниму печати. Блэквуд объяснил, что делать, прежде чем вы его убили. Я разорву цепь и исцелю свою дочь. Вы ее проклинали. Приговорили маленькую девочку. Вы хуже навоза, который разбрасываете вокруг своих роз. И если моя малышка не переживет эту ночь, я вам обоим снесу головы из этого ружья.

Голова Медеи приподнимается от пола, затем падает, старуха задыхается.

- Не ломай печати. Блэквуд был неправ. Его тоже использовали! Она достает... Она создает видения.

Маги извивается, корчится от боли в судорогах.

- Ты не должен ее выпускать!

Прочищая рот, Том сплевывает на пол, на их пол.

- Тот бедняга, который жил в нашем доме до нас, вы довели его до самоубийства. Вы убили пару, что была до него. Теперь Блэквуда. И сколько еще людей за эти годы? Любого, кто вызвал ваше неудовольствие, жалкие вы придурки. Вы наживались на штуке, которую там держите, и уничтожали невинные жизни. Мы были следующими. Моя дочь! Вы это сделали! Заставили меня это сделать.

Приглушенный голос Медеи снова проникает сквозь ее колпак.

- Дурак! Вам следовало уехать. Мы пытались только напугать вас. Защитить вас! От нее. Мы защищаем мир от того, что невозможно изгнать. Ты думаешь, мы хотели этого? Этой жизни. Здесь.

Маги торопится оказать своей хозяйке лстивую поддержку. До последнего прячется за ее юбкой.

- Проклятие! Мы родились для этого. Но никогда не хотели ничего подобного! Мы потратили свои жизни на то, чтобы сдерживать ее. Это наша роль. Наше наследие. Ее нельзя развеять или уничтожить. Неужели ты думаешь, что мы не пытались, идиот чертов!

Том качает головой, делает шаг вперед и пинает Маги по ногам, вызывая визг низложенного зайца.

- Вот что скажу. Я вам помогу. Свяжу вам ноги и дам шанс. Просто скажите мне, как все сделать. Как мне снять проклятие, которое вы наложили на мою дочку. Тогда это может прекратиться. У меня есть бинты. - Бинтов у него нет, но Том ловит себя на том, что ему до стыдного приятна мысль о том, что он может говорить им все что угодно. Неужели у него всегда были наклонности садиста?

Голова Медеи снова поднимается, как ужасная белая змея с мешком на зубастой голове.

- Никогда! Ее кровь на твоих руках!

Сам звук исполненного злости голоса Медеи помогает Тому вспомнить, он снова видит выражение ее глаз в ту ночь, когда она злорадствовала по поводу слепоты четырехлетней девочки.

Том собирает всю оставшуюся волю, чтобы не разнести голову старухи вдребезги.

- Я собираюсь откопать это. Освободить. И будь что будет, сука.

Он разворачивается и выходит из комнаты.

Голос Медеи превращается в тонкий плач.

- Не надо! Ради всего, что ты любишь, не выпускай ее!

Сдавленный голос Маги преследует Тома в кухне.

- Мы умоляем тебя! Нет! Нет! Нет!

Черная ночь влечет Тома к задней двери и к самой себе.

Том стоит в одиночестве внутри круга из камней, перед священным курганом и покрытым пятнами алтарем.

Здесь сама земля и все, что тянется от нее вверх, покорено. Окружающие заросли кустарников тихи, и вечное беспокойство деревьев умолкло. Том гадает, не остановилось ли само время. Возможно, весь ландшафт, окружающий священную рощу, замер в почтительном страхе, восприимчиво, но робко, ведь любое движение или звук может привлечь злое внимание того, кто лежит под землей.

Бога.

И подумать только, в более наивные времена его дочь с их щенком беззаботно прогуливались здесь, взволнованные необычной поляной и перспективой приключений. Том удивляется тому, что он и сам верил, будто это место – всего лишь полоска старого леса, которая приблизит его семью к природе, убежище, которое спасет их от жизни в городе, где природы вовсе не было.

Ему так мало было известно о возрасте этого места, об его истории, законах и характере, обо всем, что оно видело, пережило и сохранило. И все же он привез сюда семью. Верил, что они могут просто купить развалившийся дом на аукционе, покрасить пару стен и жить долго и счастливо. Так и подмывает хохотать над своими заблуждениями, пока не задохнешься.

Теперь некому его направлять. Блэквуд выпотрошен, расчленен и четвертован, в конце концов его найдут по кусочкам, когда мухи заполонят мрачный двухэтажный склеп мага.

Позади Тома, там, где два дома склоняются перед этим скрытым и переменчивым лесом, лежат связанными его пожилые соседи с колпаками на головах. Их коварство запечатано наволочками, а сами они медленно истекают кровью. Из-за ран, полученных от его ружья.

Том качает головой. В его жизни не должно было случиться ничего подобного. «Что я сделал, чтобы это заслужить?»

Но было так легко втянуться, ввязаться в войну. Разрушение не занимает много времени, стоит только начать, и он солгал бы, отрицая, будто уничтожение деревьев соседей и стрельба по ним самим не принесли ему глубокого удовлетворения. По крайней мере, в тот момент.

Как быстро Муты сделали так, что он перестал узнавать себя. Но больше нет времени думать об этом.

Фонарь на траве освещает следы кабаньих копыт, двустволку и окровавленный рюкзак. Но

внимание Тома переключается на курган и то место, где он сейчас должен разрыть землю. В его мыслях заплаканное личико Грейси, которая прощается с ним. Малышка Грейси. Еще Том видит усталые, наполненные слезами глаза Фионы. Затем мумию кота. Пламя свечи в крошечной темноте. Примитивный трон. Голову Блэквуда с открытыми глазами на столе. Опять видит эти огромные грязные маски на деревянных крючках в шкафу. Арчи, застывшего в своей корзинке, его маленькие глазки в эбеновом меху. Страдание и смерть. Все это исходило из того, что черпалось отсюда – из божественного напитка на старом камне.

Свежие цветы венчают покрытый пятнами алтарь.

Том сжимает лопату в руке и гадает о том, что произойдет, когда он разобьет печати. Помимо скудных инструкций Блэквуда и отчаянного желания снять проклятие с Грейси, в его знаниях зияющая дыра. Он не представляет последствий того, что собирается сделать.

Рассеется ли вот так концентрация inferнальной силы, которая была захоронена тут и накапливалась так долго? Высвободившись, не станут ли *veneficium* и *maleficium*, которые он видел прежде, более направлены на уничтожение его дочери? Может ли все оказаться просто?

Блэквуд сказал, что здесь бог. Бог. Блэквуд хотел изгнать бога из ожившей магической куклы. Магическая кукла – вот, что нужно раскопать, хотя Блэквуд уже нет рядом, чтобы развеять то, что захватило артефакт.

Мысли Тома резко меняют направление, он задумывается о страхе Муты перед тем, что лежит под курганом. Должно ли оно оставаться в земле, как просили

старики-хранители? Не обрушит ли освобожденный бог на него гораздо худшую участь, чем предсказывали Муты? Ведь они переделали себя по его образу и подобию. И от одной этой мысли Том чувствует слабость и тошноту.

Но, может, их просто поразила мысль о потере власти, которая поддерживала их десятилетиями? И нужно остановить этих диких, звероподобных хранителей, которые безнаказанно разрушают и отнимают жизни в погоне за благами, что выкачивают из этой земли. Он обязан положить конец тому, что сходило его соседям с рук. Десятилетиями.

Да, это следует выпустить наружу, поскольку иного шанса у Грейси нет. Она – это самое главное. Его маленькая девочка. «Поэтому ты здесь». И если освобождаешь бога, то, наверное, его можно попросить об одолжении?

Морщась из-за боли в плече, Том готовит лопату – простой инструмент перед силой огромной мощи и сверхъестественного могущества.

«Пора начинать».

* * *

В конце концов сталь целует камень. Словно роя себе могилу, Том, освещенный белым светом фонарика, целый час раскапывал курган, пока не раздался звон и его не пробрало холодом. По спине вместе с потом и грязью течет кровь, Том трудится на пределе сил, и на его лице все это время держится гримаса – судорога решимости и подавленной боли, пока куча черной земли медленно превращается в гору у его ботинок.

Том стоит внутри большой ямы в северной части кургана, и его глаза расширяются от благоговения. У этого храма твердое сердце.

Подняв лопату над головой, затем опустив ее вниз под углом, он яростно кромсает остатки влажной почвы. Затем отходит в сторону и нащупывает фонарик, стремясь осветить то, что только что вылетело из грязи у основания холма.

Среди комков темной земли мерцают кости.

Стоя на четвереньках, Том отчаянно разгребает землю руками в перчатках, собирая ужасный урожай, пока не поднимает большой череп. Хотя его карикатурные пропорции и грязные, похожие на человечесьи зубы наводят на мысль о потустороннем чудовище, Тому кажется, что это череп свиньи. С едва заметными символами.

Находятся и другие черепа. Один из них намного меньше первого. Но как только большие пальцы соскребают влажную грязь, Том обнаруживает, что кости украшены так же, как и в предыдущем случае. Это заяц?

По третьему черепу сразу понятно, что он человеческий. И тоже покрытый надписями. Том может лишь предполагать, что это печати – остатки того, что когда-то было погребено здесь ради эзотерического и древнего предназначения.

Еще во влажной земле виднеются какие-то мелкие предметы, бледные, будто личинки. Несколько небольших косточек и плоских камней, на которых, по-видимому, были метки или гравировка. Том их не рассматривает. Они ему ничего не скажут. Их язык он не способен понять. Поэтому снова терзает свою измученную спину, шумно срезая оставшуюся почву с камня, который лежит под костями.

Еще десять минут, и он едва может выпрямиться. Позвоночник, плечи, локти, запястья и бедра – все кричит от работы до красноты и испарины. Но теперь Том частично скрыт внутри крыльца с земляными насыпями, в расщелине метровой глубины, которую вырыл на северной стороне кургана.

Копая в сторону, он нашел и расчистил нечто вроде двух колонн с перемычкой из камня – трилитомом. Дверной проем из гранита. И прямо перед ним, словно сброшенные кандалы, валяются кости и останки.

Между цоколями, высота которых не превышает метра, Тому удастся пробить слой почвы, а затем соскрести его с порога, чтобы сделать грубое отверстие. Дыру, через которую смог бы проползти человек.

За аркой оказывается пустое, темное пространство. Если расписанные узорами кости и камни перед входом были печатями, то статуя должна находиться внутри.

Легкий ветерок лижет его лицо и охлаждает кожу, покрытую потом и въевшимся песком. Но это, конечно, просто воображение. И как бы Том ни пытался

оправдать резкую смену температуры тем, что наступила самая холодная часть ночи, а он больше не машет лопатой, ему не удастся отделаться от нарастающего зловония. Пахнет старым отхожим местом и остатками разложения.

Том затыкает нос, стараясь отгородиться от миазмов, исходящих из недр кургана, затем шарит в поисках фонарика, чтобы осветить полость изнутри.

Всего через несколько мгновений тусклый электрический луч, а также слабый свет, который просачивался сквозь облачный покров, гаснут. Беззвучно и мгновенно в роще исчезают всякие проблески огня.

Собственное испуганное дыхание – единственное, что слышит Том, когда пустота поглощает все под ним, над ним и в любом направлении, куда ни повернись. Он паникует и на миг думает, что ослеп, что это еще одно проклятие, наложенное на него гнилым, адским земляным горбом.

Его ерзанье и дерганье прерывает звук снизу. Шум ручья, журчащего под ногами. Там, где прежде был курган, есть и свет. Или, по крайней мере, там, где Том думает, что тот стоит, поскольку в этом небытии он уже не знает, где находится.

Впереди возникает далекий, маленький и мерцающий, как пламя свечи, одинокий огонек. И сразу же напоминает о недавнем сне – видении из той ночи, когда он срубил деревья Мутов.

Том осторожно приближается к огоньку в пустоте. Когда его руки, которые он не видит, протягиваются, стараясь нащупать препятствия, Том убеждается, что уже проходил тут раньше. Еще он опасается, что сошел с поляны. Теперь под резиновыми подошвами ботинок не дерн, а лишь камень.

Растерянность и растущая дезориентация почти невыносимы, и Том приседает, будто хочет стать меньше, не наткнуться ни на что и не быть замеченным.

Как далеко находится огонек? Сначала казалось, что он в нескольких метрах, но теперь – это очень далекое пламя.

И разве звуки вокруг не говорят, что он в огромной пещере? В сочащемся влагой месте под землей, где вдалеке с ревом подземной реки бежит вода. Но Том не мог войти внутрь кургана – отверстие было слишком маленьким, чтобы пройти сквозь него, а когда он потянулся за фонариком, то не мог бы сделать больше нескольких шагов от места, где стоял перед трилитомом. Курган не настолько велик. А в роще нет ручья.

Далекое пламя впереди поднимается выше, освещая грубое каменное ложе, из которого вырывается. Расстояние между Томом и светом по-прежнему невозможно определить. Камень, на котором бушует огонь, мог бы быть тем, что стоит в роще, но увеличенным до размеров дома. Или чего-то побольше.

«Боже, где я?»

В темноте раздается фырчанье любопытного зверя, который обнюхивает его. Не успевает Том это услышать, как невидимая морда небрежно сметает камень за ним.

Том напрягается и жадно глотает холодный воздух, стараясь подавить панику. Воздух отдает сточными водами.

Кружась против часовой стрелки, зверь шаркает и сопит. Его тяжелое дыхание наводит на мысль о чудовищных размерах, шум вырывается из глубины огромного горла.

Почти задыхаясь от ужаса, Том отшатывается от твари, пока та не настигла его в темноте.

Он движется к пылающему камню и быстро начинает подозревать, что его туда гонят. Так пес наводит ужас на овцу. А когда где-то в метре от его головы раздается свиное хрюканье, Том бежит, не видя ничего вокруг.

Подземная река совсем рядом. Она близко, но не видна и не выдает себя плеском под ботинками.

Впереди огромное пламя танцует на алтаре, увитом алыми цветами. Там должно быть то, ради чего он пришел. Остальное – иллюзия. Магия, говорит себе Том. Что-то вроде защиты. Адские видения.

Он останавливает бег, увидев за огненным святилищем трон. Словно вырубленное слепыми великанами или собранное из поваленных дольменов огромное кресло... Том уже видел эту громадину раньше.

Или он мал, этот камень, на котором сидит высохшая фигура, похожая на темную обезьяну в храме?

Сидящий на троне остается неразличимым, но во всполохах пламени у Тома

получается разглядеть черные ноги, покрытые шерстью и заканчивающиеся свиными копытцами. Голова существа закрыта капюшоном. Сверху тот украшен тиарой из переплетенных цветов. Из-под капюшона выступают уши – похожие на заячьи, но гораздо шире и длиннее, – их кончики теряются из виду и исчезают в темноте.

Том смотрит сверху вниз на нечто размером с ребенка.

Затем смотрит снизу вверх, и это существо огромно.

Бог. Узник кургана.

Из-за грубо вытесанного трона поднимается змееподобная фигура – длинный хвост. Бледный, как личинка, щетинистый и покрытый коростой, он вытягивается слепым червяком. Безглазый кончик прощупывает и вбирает воздух.

Голова Тома или, возможно, лишь его зрение – все происходит слишком быстро, чтобы это осмыслить, – с огромной скоростью мчится вперед. Колоссальное притяжение влечет его сознание сквозь пространство, сквозь барьер. Ощущение самого себя, его сознание засасывается внутрь капюшона. И прежде чем Том успевает закричать, его целиком поглощает темная пещера безликого бога.

Внутри капюшона Том наполовину осознает огромную глубину ледяного пространства, усеянного далекими небесными телами. Звездами, которые начинают вращаться против часовой стрелки в зловонном водовороте. Все быстрее и быстрее, мгновение за мгновением, их бег ускоряется. Том не может дышать. Последние остатки его самообладания рушатся.

Мелькают видения, слишком быстро, чтобы их можно было сосчитать. Ощущение жизни, перемотанной в обратную сторону и сжатой.

Переезд в дом. Грейси бежит к цветам... Женитьба на Фионе... Спеленутая Грейси, у него на руках, крошечные глазки изучают его лицо... Он сам, только моложе, смотрит на себя нынешнего, глаза полны слез... Мальчик глядит вверх... Он помнит, как в тот самый день поднял взгляд и увидел... Младенец выглядывает из ванночки в больнице... Окрашенные в алое схватки мускулистой матки, сердцебиение... Бесплодная пустошь, затуманенная мелким дождем, низкие облака, одинокий каменный столб... Силуэт памятника под звездами, они вращаются с головокружительной скоростью, пока снова не опускается пустота.

Том опять у трона. Который не больше кирпича. Том может просто взять его в руки и разбить маленькую глиняную куклу в капюшоне, сидящую на камне.

Из черной дыры капюшона, которая не больше кончика пальца, раздается тоненький голосок. Оглушенный этим звуком, Том кричит, падает и корчится на мокром каменном полу. Судорога электризует его нервы. Его голова пригибается к лодыжкам.

Трон, тянущийся на тысячи метров к окутанным туманом звездам, колоссален, а одеяния того, кто восседает на нем, ниспадают огромным водопадом вонючей ткани.

Пустота.

У Тома нет тела.

Атом разума сохраняется внутри ревающего холода, который простирается слишком далеко для осознания. Эта последняя искра вращается против часовой стрелки, набирая невероятную скорость...

«Меня больше нет».

Далекие крики вырывают Тома из теплой тьмы. Кокон, по которому он начинает скучать, как только пробуждается.

Запахи холодной земли и мульчи наполняют его нос и рот. Слезающиеся глаза смотрят в ночь, затянутую мраком и нависающую над старыми камнями. Том, дрожа, лежит на потревоженной почве раскопанного кургана.

Словно у выжившего в кораблекрушении, его безвольные конечности раскинуты в стороны, и он пытается понять, как и почему его пощадили.

Затем со стороны домов, которым так неуютно стоять друг с другом – убогому рядом с блистательным и наделенным силой, – прорезая темный воздух, раздается еще один испуганный крик, и шаткая сосредоточенность Тома на мире рушится.

Когда он перекатывается на колени, боль знакомит его с колотой раной – распухшим ртом на плече, который из-за махания лопатой превратился в ужасную улыбку.

Без рубашки, перепачканный и контуженный тем, что просочилось из кургана и поглотило его целиком, Том некоторое время может только наблюдать, как из его рта течет слюна.

В конце концов он заставляет себя поднять здоровой рукой толстовку и неуклюже прикрывается, как ребенок, надевающий мокрую одежду после купания. Когда ткань, более грубая на ощупь, чем должна быть, скользит по ране, Том охает.

Побледнев от боли, он наклоняется и хватает ружье. Прижимает к себе. Затем, спотыкаясь, идет по узкой тропинке к дому.

Его направляет далекий желтый свет окон. Бледные квадраты прыгают перед глазами, пока Том, наконец, не прислоняется к одному из столбов ворот Мут. Он задыхается от напряжения такого длинного пути. И не идет дальше. Замирает, прижимаясь к воротам, ошеломленный странным движением, которое видит в доме соседей.

Прямо перед ним – освещенное окно первого этажа задней части дома Мут: окно их то ли кабинета, то ли храма. Через него Том видит Медею в той же комнате, где бросил ее. Только с этого ракурса старуху нельзя было бы увидеть, ведь она должна лежать связанная на полу.

Однако Медея не стоит на ногах, она висит в горизонтальном положении. И движется. Совершенно непонятно как, но за окном определенно Медея Мут, которая бесшумно вращается в воздухе. У самого потолка комнаты, словно подхваченная невидимыми руками, она поворачивается.

Вертится, точно кукла, ее маленькие ручки и ножки брыкаются и скребут воздух, но не могут зацепиться за мебель. Ее путы исчезли, но наволочка по-прежнему закрывает голову.

Вращение ускоряется, Медея совершает еще три оборота, затем ее покрытая тканью голова ударяется о стену, и наступает смерть. На таком расстоянии ничего не слышно, но сила, с которой голова ударилась о стену, заставляет Тома вздрогнуть. Затем безжизненная фигура старухи исчезает из виду, будто ее выбросили.

Немедленно возобновляются крики, этот голос Том услышал, когда очнулся рядом с курганом. Ему кажется, что шум доносится из сада, но он не видит в темноте ни человека, ни движения. Пока не поднимет взгляд.

На фоне неба парит фигура Маги Мута, на его голове по-прежнему колпак. Как и сестра в доме, старик неведомым способом подвешен над землей.

Невидимая сила удерживает его в воздухе, и Маги визжит, как затравленный горностаем кролик. Его голова лихорадочно дергается внутри наволочки, а перепачканные ноги безжизненно висят, все еще связанные на лодыжках клейкой лентой. Но руки свободны и молотят по воздуху. Наверное, Маги перегрыз скотч на запястьях. Спереди на наволочке небольшой черный разрез там, где зубы старика отчаянно терзали хлопок, чтобы добраться до ленты, стягивавшей руки.

Но недолгие размышления Тома о попытке бегства Маги быстро обрывает треск ткани. От тела старика отрывается рука и бревном падает на лужайку.

За этим следует неприятный звук скручивающихся сухожилий. И, будто попав в прядильную машину, вторая рука Маги медленно проворачивается в суставе, с

хрустом высвобождается, а затем раздается щелчок, который эхом отдается в лесу. Ампутацию завершает влажное чмокание, и у левитирующей жертвы отрывается вторая конечность.

Отброшенная рука падает и приземляется без единого звука.

Безрукий и связанный в лодыжках, старик захлебывается от боли, настолько чудовищной, что, лишь представив ее, Том едва не теряет сознание. И все же бледная фигура Маги продолжает медленно вращаться, жизненные силы вытекают из впадин, в которых недавно были руки, и орошают его любимые цветы далеко внизу.

Наконец, шею Маги скручивают, как мокрое полотенце. Невидимые руки растягивают и сжимают ее. Дважды проворачивают для пущей убедительности. И когда шея вытягивается, становясь похожей на пустой носок, голова с громким хлопком отделяется от туловища. Покрытая тканью, она по дуге улетает в лес, как выскочившая пробка с привязанным к ней куском льна, падает там с тихим стуком и исчезает из виду.

Том отворачивается, его начинает выворачивать на траву, и он слышит свист – Маги летит над верхушками деревьев, кометой с хвостом сбитых с полога леса листьев. Наконец безжизненное тело подхватывает гравитация, и оно падает среди спящих деревьев.

На лице Тома появляется извечное выражение всех напуганных и угнетенных. Бегством ничего не добьешься. Кроме того, он даже не чувствует ног. Его отключил шок. Тело просто гудит от тока, парализующего конечности. То, что сейчас служит ему сознанием, лишь ждет страшной кары – того, что месть божества обрушится и на него. Он представляет, как его скручивает в воздухе, и стонет.

Том готовится к прикосновению бога. Предчувствует его игру.

Вокруг не слышно ни шороха, ни шелеста. Но внутри Том корчится от силы и накала обращенного на него пристального внимания. Такого же осязаемого, как холодное давление воды, когда плывешь вниз от теплой поверхности моря к ледяному, волнистому песку.

Его разум еще не оправился после разделения и обшаривания, едва пережитых в подземном мире, и Том опускается на четвереньки и склоняет голову.

Он рыдает. Конец неизбежен, и перед лицом этого Том произносит имя дочки и клянется в бесконечной любви к ней. Если в небытии ему позволят сохранить хоть частичку себя, то он заберет с собой любовь к своему ребенку.

Внутри нарастает огромная волна раскаяния и жалости к самому себе. И, разбиваясь, она оставляет Тома измученным и расплюснутым, даже разгоряченным.

«Сейчас. Сейчас. Сделай это сейчас. Я готов».

То ли изменилась атмосфера, то ли он в конце концов отключился от шока и страха – Том никогда не узнает, – но постепенно у него появляется ощущение, что рядом никого нет.

Словно ребенок, которого бесстыдно оголили, сделав уязвимым и перепуганным, в комнате, где только что был суровый и наводящий ужас взрослый, Том неожиданно понимает, что чужое присутствие пропало и он здесь совсем один.

Том вглядывается в сад.

Темнота. Мутные и расплывчатые очертания кустов и альпийских горок. Белесые столбы обезглавленных деревьев. Два безмолвных дома.

Никаких голосов, рыданий или движения, если не считать оторванной бледной руки, которая дергается на идеально ухоженной траве.

От пробежавшей по всему телу дрожи у Тома сводит челюсти. Глубокая рана на плече вспыхивает красным.

Он, спотыкаясь, бредет к дому, в верхней части застекленной кухонной двери появляется его выплывающее из темноты отражение.

Собственное лицо, словно пришедшее из прошлого, даже из доисторического прошлого, поражает Тома. Он почти неузнаваем. Лоб и веки в крови, которой испачканы руки, и грязь, растекшейся от пота. Борода торчит во все стороны жуткой малиновой щеткой. А в ней сверкают белые зубы.

В доме Том нащупывает стену и наваливается на нее. Поврежденное плечо обмякает, рука прижимается к животу. Том ждет, пока выровняется дыхание и замедлится сердце. Ему нужна вода.

Взгляд медленно блуждает. Переползает с ног на маленькую лежанку Арчи. Затем на игрушечную коляску Грейси. На коробку фруктового чая Фионы.

Подумать только, всего несколько недель назад он до смерти беспокоился о том, как найти новую работу, чтобы заплатить водопроводчику. Сейчас подобные тревоги – роскошь. «Прочитать сказку на ночь и отвезти в школу. Высушить одежду при таком плохом отоплении. Заскочить в автосервис. Сходить за покупками. Посетить родительское собрание. Выгулять собаку...» Точки обыденности, которые, соединяясь, образуют силуэт семейной жизни, его прежней жизни, теперь уже отброшенной. Белые промежутки между этими точками когда-то окрашивались обычными эмоциями, мыслями, привычками, рутиной, невнимательностью. Но теперь все кануло в Лету.

– Господи.

Том невесело смеется. Но перестает, подумав о приводящем в трепет божестве, которое возвышается над миром на краю леса.

Где оно сейчас?

В памяти возникает образ старика, разорванного высоко в воздухе. Затем собственное падение в круговорот звезд.

Том наклоняется и, будто сбрасывая капли с промокших волос, трясет головой, стараясь превратить ужас в обычные слезы, от которых легче избавиться.

Он валится на пол кухни. Роемся в наплечной сумке. Находит телефон, а в нем номер Фионы. Она звонила трижды за последний час, как раз когда его поглотило подземелье или куда он там проваливался.

Знакомая запись автоответчика оглушает. Произносит голосом жены: «Скажите что-нибудь приятное после гудка».

Секунды беззвучно уходят в прошлое. Плечо болит и пульсирует жаром. Даже сейчас Тому дарована лишь возможность оставить сообщение семье, которую он уже потерял.

– Грейси. Дорогая. Это я. Если ты... Если ты когда-нибудь услышишь это, я хочу, чтобы ты запомнила: что бы люди ни говорили о твоём отце, он ничего подобного не делал. Просто пытался защитить нас всех. Я всегда, всегда буду любить тебя и твою маму.

Трубка резко щелкает ему в ухо. Том смотрит на экран. Проводит пальцем вверх по изображению зеленого телефона.

Это Фиона. Она рыдает.

– Том. Приезжай. Немедленно.

«Грейси».

– Что?

Собственное тело, вес которого прижимает Тома к земле, сам воздух внутри него – все это устремляется вверх, пока ощущение самого себя не растворяется, становясь неосязаемым.

Светильники на потолке становятся будто ярче, когда страх снова собирает Тома воедино. Он ощущает себя голым под ледяным дождем и начинает рыдать.

– Нет. Нет. Не Грейси. Я не... Она не может...

– Она очнулась. Вернулась. Ее спасли.

Черные клубы дыма поднимаются в темноту. Окна светятся дверцами духовки. Странное зрелище освещается огнем, бьющимся перед заросшим газоном, эту часть ночи проглотил огромный пожар.

Он пожирает старый фургон, выедаёт его, раскалывает кости и хрящи, слизывает пузырящиеся соки, которые шипят, разнося химическую вонь.

Сидя со скрещенными ногами, точно воин после битвы, Том наблюдает за погребальным костром. В его глазах пляшут оранжевый, красный и черный, пока он отходит от всего, что видел и сделал. Однако осколки его прежнего «я» вновь собираются воедино. Хотя Том ощущает пустоты на месте кусочков, которые пропали. Возможно, навсегда. Одинокaя сгорбленная фигура с грязным лицом, он – статуя, выкрашенная кровью и землей, освещенная пламенем, которое вырывается из почерневших глазниц трейлера.

Том наблюдает, как внутри останков автомобиля сгорает его плетеная кукла. Потрескивая и, кажется, кивая, деревянный человек полыхает, будто ему не хватает сил подняться и спастись. И в груди Том ощущает разрастающийся пожар. Чувствует, как щелкают и завиваются вокруг его сердца языки огня.

Рядом на холодной и покрытой росой лужайке сидят кособокие фигуры женщины и девочки. Члены семьи, которых он вынес из трейлера, прежде чем поджечь его. Деревянные дочка и жена со сплетенными из гибких ветвей конечностями, с круглыми и безучастными лицами, с прямыми спинами. Молчаливые компаньоны, которые ждут рядом с израненным и неподвижным отцом, словно предлагая ему посильную поддержку.

В конце концов по последствиям ледяным вихрем проносится свет фар патрульной машины, мигалки мерцают на странной инсталляции с окровавленным мужчиной, сидящим возле своей жены-ветки и ребенка-прутика.

Двери автомобиля распахиваются и захлопываются.

Некоторое время никто не произносит ни слова.

Год спустя

Щелчок. Пауза. Щелчок. Пауза. Щелчок. Пауза. Секундная стрелка белых часов всегда движется, но, обманывая, часто заставляет поверить, что тонкий кусочек пластика на самом деле не движется. Что он застрял.

Щелчок. Пауза.

На односпальной кровати в побеленной спартанской комнате лежит мужчина. Всякий, кто посмотрит на него через окошко в двери, в любое время увидит его в одной и той же позе. Мужчина сейчас двигается не так много и не ест. Находясь в своей комнате, он обычно смотрит в пустой потолок.

Щелчок. Пауза.

Даже маленькая нагрузка требует усилий, которые, кажется, превышают его возможности и желания. Да и зачем двигаться или что-то делать, когда твои мысли настолько увлекательные? Когда так много нужно выяснить, вспомнить, просеять, обдумать? Затем пересмотреть и расставить в правильном порядке, как стопку посуды? Так он знает, где можно найти все свои мысли и чувства, случайные или нет.

Щелчок. Пауза.

Теперь его борода стала намного длиннее. Измученное лицо обычно бесстрастно или вытянуто от печали. Глаза, часто пустые из-за лекарств, лишь ждут, когда начнутся более глубокие исследования сознания.

Посттравматический мир.

Что можно сказать человеку, который потерял все и который знает то, во что никто никогда не поверит? Он часто думает об этом, но считает, что персонал посвоему сочувствует его идеям.

Щелчок. Пауза.

Он всегда добросовестно заполняет дневник. Ему дали толковый словарь, о котором он просил. Записывая огромное количество своих мыслей и взглядов, он чувствует себя лучше, хотя и не понимает толком почему.

Щелчок. Пауза.

Простая мебель и убранство формируют ткань окружающего мира и встречают его при пробуждении. Упругий синий матрас. Письменный стол и стул цвета серебристой березы. Армированные стекла в окнах.

На столе фотография Фионы и Грейси. Картинки, которые Грейси нарисовала и отправила своему папе, приклеены скотчем к стенам. Все эти вещи он видит каждый день. И подмечает каждую деталь.

Слабый запах чистящей жидкости его не смущает. Иногда в его комнате ощущается аромат миндаля, но он так и не нашел источник. А еще тут пахнет свежими цветами, только в его комнате нет цветов. Говорят, побочные эффекты от лекарства.

Щелчок. Пауза.

Он обнаружил, что другие мужчины в этом заведении вполне любезны. Многие так же молчаливы, как и он. С ним даже пытались несколько раз подружиться, но он отверг все предложения. Иные обитатели совершили ужасные поступки и представляют опасность для себя и других, хотя, глядя на них, так никогда не подумаешь. О нем тоже знают, что он убил своих пожилых соседей и чудака по имени Блэквуд, хотя никто не знает почему. С этим все еще пытаются разобраться.

История, которую он бесконечно пересказывал детективам, врачам и психиатрам, никогда не менялась. Но ее стиль со временем эволюционировал от пылкого к разумному, затем к меланхоличному и, наконец, к однообразному.

Соседи были колдунами, которые использовали темную магию, чтобы проклясть его дом и домочадцев. Это были тайные серийные убийцы, которые годами расправлялись со своими соседями. Муты были магами, умевшими использовать силу плененного ими языческого божества, для которого нет имени, для превращения в больших злобных животных.

Чтобы защитить свою семью и снять проклятие – заражение крови, убивавшее его дочь,—

он выстрелил обоим соседям по ногам из одолженного ружья и связал. В этом

он признался. Но не в убийстве. Он выпустил бога, и тот уничтожил своих пленителей. Эта часть истории всегда заставляет его врача притворяться невозмутимым.

Щелчок. Пауза.

Когда он рассказал Фионе о заведении с его небольшим племенем, она посмотрела так, как, наверное, смотрит на незнакомцев, которые теперь проявляют к ней нежелательный интерес. На мужчин, которые ее пугают. Том не может быть хоть сколько-то уверен, сохранила ли Фиона привязанность, любовь и влечение, которые когда-то к нему испытывала. Отчасти – да, полагает он. Но восстанавливать нечего, и пути назад нет, они разводятся. Он уверен, что Фиона встречается с кем-то другим.

Грейси по-прежнему любит своего папочку. И, хотя семье пришлось переехать, начать все сначала и теперь Грейси носит девичью фамилию Фионы, его будущая бывшая жена никогда не отговаривала дочь от любви к отцу. На самом деле, что бы ни говорили другие, он знает, Фи всегда будет защищать его перед Грейси и настаивать на том, чтобы дочка берегла воспоминания о своем отце. За это Том всегда будет любить Фиону.

Именно по Грейси он тоскует больше, чем по кому-либо или по чему-либо в своей жизни. Тоскует всем существом. Если дочка его бросит, он спокойно признает, что жизнь – сколько бы ему ни осталось – продолжать не стоит. Хотя ей он этого никогда не скажет, поскольку не захочет расстраивать.

Свет выключается.

Его мысли начинают путешествие по новому кругу.

В конце концов они тускнеют и погружаются в сон, и он снова видит ярко-зеленую поляну среди темных деревьев. Он здесь не один и никогда не был один. Что-то наблюдает за ним. Всегда. Он может повернуться и побежать по прохладной роще, петляя между колоннами стволов, следуя за золотым светом и ощущением присутствия, существующего прямо здесь, или там, или впереди, где открывается лес и поют птицы. Множество птиц, которых он не видел с детства, которые исполняют мелодии, радующие его до слез. Но он никогда не находит того, кто наблюдает со стороны и одновременно присутствует повсюду вокруг.

И никогда не находит ручей, который непрерывно течет через эти леса и его сны. Возможно, тот под землей.

Однако он и второй обитатель леса частенько разговаривают в этих снах, и все раскрывается, и он просыпается, смеясь или плача от радости, или просто улыбаясь. Но снова оказавшись на упругом синем матрасе, глядит в потолок и не может вспомнить ни слова из того, что было сказано среди невозможно прекрасных деревьев.

Том любит спать. Во сне он не одинок. Он чувствует себя любимым.

Говорят, побочные эффекты. Он не уверен.

Щелчок. Пауза.

Щелчок ключа, и дверь открывается.

Том отрывает взгляд от потолка, чтобы посмотреть, кто входит в его комнату.

Это Роб, санитар.

- Том. Посетитель. Адвокат.

* * *

Когда Том входит в простую с белыми стенами комнату для свиданий, Роб прижимается к стене за дверью и незаметно вытаскивает телефон из кармана брюк.

В каждом здешнем помещении одинаковые настенные часы. Щелчок. Пауза. Щелчок. Пауза.

Том отодвигает пластиковый стул от пустого стола. Садится напротив женщины, которая вовсе не его адвокат, но которую он точно видел раньше. Смутное чувство узнавания вспыхивает, но не приносит результата. Лицо знакомо, но не она сама. Но он вот-вот узнает.

Вот-вот.

Щелчок. Пауза. Щелчок. Пауза.

- Привет, Том. - Не вставая, она протягивает ему руку. Кожа у нее бледная, ногти кроваво-красные.

Настороженный Том отказывается от протянутой руки.

- С этого момента я буду присматривать за тобой.

Том хмурится.

- У меня есть адвокат. Мою апелляцию отклонили.

Женщина убирает ладонь.

- Я здесь для другого дела с тем же желаемым результатом. - Она снова улыбается, в выражении ее лица есть что-то неуместное, возможно, легкомысленное, даже лукавое.

Том поворачивает голову и смотрит на Роба, который уставился на экран своего телефона. И тут Том вспоминает.

Больше года назад, до того как его отправили в клинику, он видел эту высокую, стройную женщину возле дома соседей. Это та самая элегантно одетая посетительница, которую он однажды заметил на подъездной дорожке Мутов вскоре после переезда. Так давно было, но с тех пор, как он приехал сюда, у него имелось достаточно времени, чтобы со всех сторон изучить последние недели своей прежней жизни.

У этой женщины была хорошая машина. Эта женщина поцеловала руку Медеи. Теперь она улыбается ему. На столе перед ней лежит элегантный черный кожаный портфель.

- Все довольно просто, - произносит посетительница, - так что я перейду прямо к делу. К итогу. Чего бы вы хотели больше всего на свете?

Выражение ее лица становится немного непристойным. У нее прекрасные глаза и тонкий нос, из-за чего ясные, живые глаза кажутся еще красивее и темнее. Том не может припомнить, чтобы когда-нибудь видел такие идеальные, такие черные волосы. Они туго стянуты в короткий конский хвост, и макушка женщины блестит, отражая солнечный свет.

- Кто вы, черт возьми, такая?

- Одна весьма исключительная особа задолжала тебе очень большую услугу. За содействие в ее освобождении.

Том отшатывается. Скорее с подозрением, чем сбитый с толку, он снова смотрит на санитаря, который по-прежнему глядит в телефон.

Щелчок. Пауза. Щелчок. Пауза.

- Он не слышит ни слова, - говорит женщина.

Щелчок. Пауза. Щелчок. Пауза.

- Никто здесь не слышит. Не беспокойтесь о камерах и персонале за мониторами. Они видят нечто другое.

Щелчок. Пауза. Щелчок. Пауза.

Том смотрит на часы. Секундная стрелка щелкает и дрожит, но не перемещается по циферблату. Так что он был прав, такое возможно. Некоторое время Том наблюдает за стрелкой, пока его не отвлекает щелчок замка портфеля посетительницы.

По-прежнему улыбаясь, будто она проделывает что-то ловкое, женщина вытаскивает из портфеля и кладет на столешницу спрятанный в ладонях предмет. Убирает руки, и на свет появляется белая мышь и начинает принюхиваться. Рядом со зверьком неуместная тут старинная, словно недавно извлеченная из экспозиции музея, железная швейная булавка.

– Одна капля крови. Из левой руки. И мы сможем начать.

Том сглатывает. Словно ребенок, который ищет защиты у учителя, снова смотрит на санитаря.

Роб, как зачарованный, продолжает таращиться в экран своего телефона.

– Давайте, – говорит посетительница. И раздвигает спрятанные под столом ноги. Затем скрещивает их. – Вы не вспомните, но вам все это объясняли. Обещали.

Тревога Тома проходит, он чувствует странное волнение и предвкушение, хотя и не знает чего. Словно подчиняясь уже обдуманному и принятому решению, он тянется к булавке и поднимает хрупкий черный шип с белой поверхности стола. Затем смотрит на женщину, не уверенный, подсказку ищет или признаки обмана.

Та улыбается, кивает.

– Теперь она в этом мире. Благодаря вам. Она... такая искусная. – Женщина показывает свои прекрасные крепкие зубы между алыми уголками накрашенного рта. – Она замечательная. И ужасная. Будьте благодарны за то, что она к вам благосклонна.

Том вздрагивает. Дело сделано. На подушечке указательного пальца блестящий купол капли крови. Том протягивает уколотый палец к мыши.

Женщина на другой стороне стола что-то стремительно и беззвучно произносит, ее губы двигаются так быстро, что вряд ли на такой скорости хоть один язык будет понятен.

Белая мышь слизывает кровь, щекоча палец Тома.

Он наблюдает, как алебастровые руки улыбающейся женщины берут мышь и сажают в клетку. Затем убирают зверька в портфель. Клапан закрывается.

– И последнее, а потом вы можете идти и видеться с ней, когда захотите. Если сделаете, как я велю.

Том молчит и пристально смотрит женщине в глаза. Она опускает взгляд на стол и, лукаво улыбаясь, шепчет:

– На колени. Отведайте ее вина.

Том смотрит на простую столешницу между прекрасными белыми руками женщины. И представляет, что последует за этими руками куда угодно, отчаянно желая ласки. Один из пальцев женщины поднимается. Кроваво-красный ноготь стучит по ламинату стола.

Тук. Тук. Тук.

Том снова бросает взгляд на санитаря. Ничего не замечающего мужчину, который вяло смотрит на экран своего телефона.

Том заглядывает под стол.

И видит блеск лакированных туфель-лодочек, затем стройные ноги, обтянутые прозрачными черными чулками. Лодыжки женщины разведены в стороны, блестящие колени широко раздвинуты.

Том опускает голову еще ниже.

Юбка-карандаш посетительницы задрана до талии. На фоне эротичного вида ее ног, приглушенно мерцающих над резинками чулок, сразу бросается в глаза странное – сморщенный сосок на внутренней стороне бедра.

В классе для рисования Том сидит за рабочим столом в одиночестве. Он не обращает внимания на медсестру и трех других пациентов. Банки с краской, кисти, газетные листы и обрезки коричневой и черной ткани теснятся у него под локтями.

Он рвет газету на полосы и раскладывает перед собой на столешнице. Методично и терпеливо обкладывает оторванными кусочками бумаги надутый красный шарик, который намазал клеем ПВА.

Затем осторожно вертит шарик из стороны в сторону и аккуратно распределяет обрывки газеты по прозрачной поверхности. Со временем промокшая, потемневшая бумага скроет каждый миллиметр резинового шарика.

Иногда дежурная медсестра поглядывает на Тома. Но что делает пациент, ей непонятно.

Теперь отопление отключено до утра, радиатор щелкает, когда температура в нем и в трубах падает.

В прохладе обнаженный Том стоит в центре комнаты и смотрит в потолок.

Внутри жесткой оболочки головного убора раздается его громкое дыхание. Пот покрывает кожу. Воздух внутри самодельного шлема из бумаги, клея, краски и ткани горячий. Нос наполняют запахи газетной бумаги, засохшего клея, отдающего майонезом, остатками резины от воздушного шарика, который он проколол и вытащил из своего творения, как только высох клей. Но Том привыкнет к запаху. Маска еще некоторое время должна оставаться у него на голове.

Сюда проникает мало света. Чуть просачивается через прорези для глаз, которые он сделал немного не по центру. Слабое свечение теплится у него под подбородком, пробиваясь сквозь щели там, где жесткий бумажный край касается ключиц.

Под причудливым головным убором вся поверхность его обнаженной кожи становится жесткой по мере высыхания слоя зубной пасты. От Тома исходит ее аромат, смешиваясь с запахом увлажняющего крема, которым он намазал свое тело до матовой белизны. Посмотрев на себя в зеркало, он видит, что выглядит ужасно, но это напоминает о Мутах, его мертвых соседях, когда те покрывали себя золой и пеплом.

Прямо над головой Тома ярко горит линза потолочного светильника. Знакомые трещины, которые он изучал часами, паутиной тянутся от арматуры, врезанной в ровную белую поверхность. Он смотрит на лампочку и сквозь нее, чтобы сосредоточиться на гораздо большем расстоянии, которое существует за пределами этой комнаты. В то же время он создает в своем воображении видение, которое пришло к нему прошлой ночью во сне. Пламя.

Высокое пламя должно оставаться вертикальным. Нарастать выше и сильнее.

Под ногами течет река. Пусть она течет между там и здесь.

Он держит все это в поле зрения своего разума.

«В темноте упорствуй, пока не придешь к огню. И произнеси эти слова».

Том под лампой поднимает голову, скрытую гротескным головным убором из папье-маше. Его творение имеет примитивный, нечаянно зловеющий вид. Притом довольно детский, и все же Том уверен, что после того, как он приладил последний лоскуток ворсистого фетра и замазал коричневой краской последний след серой газетной бумаги, большинство людей узнали бы в его творении мышиную голову.

Глядя прямо на свет, среди тишины своих мыслей, он снова превращает свет в пламя. Еще одна попытка разжечь и поддерживать внутренний огонь. Возможно, уже тридцатая за сегодняшний вечер. Но это неважно, ему становится лучше, Том постепенно освобождается от этой комнаты, клиники, мира и входит в личную тьму, куда можно попасть через огненный столб. Месяцы прострации и молчания в этой комнате, на этой узкой кровати, помогли ему достичь своей новой цели.

Вокруг пламени, во все стороны света, распространяется глубокая бархатистая тьма.

Несколько часов спустя Том все еще ходит спиной вперед по кругу под лампой на потолке. Руки подняты, ладони повернуты вверх, он кружит против часовой стрелки. Затем остановится и встанет на одну ногу.

Из-под головного убора доносится его приглушенный голос.
– В зале подземном я видел свинью.

Свет ночника гонит тьму от изголовья кровати с подушками, но в то же время сгущает тени в углах спальни маленькой девочки.

Рядом с ее головой виднеется единорог, чей розовый рог погружен в мягкий желтый свет. К стене прислонен темный кукольный домик, маленькое пластиковое домашнее хозяйство спит. Конструкторы лего из воображаемых миров малышки лежат заброшенные, оставленные в темноте, точно строительные площадки. Книги беспорядочно расставлены на полках одинокого книжного шкафа. Игрушечные животные выстроились в ряд на изголовье, собравшись, как зрители, вокруг головы спящей девочки. Прямо над подушкой за ней присматривает игрушечная мышка.

Посередине большой подушки покоится голова Грейси, один ее глаз прикрывает повязка в горошек. Другой прячется под нежной кожей века, которое дергается, словно уцелевший глаз следит во сне за чем-то стремительным. Она улыбается, в темноте видны маленькие квадратные зубы.

На стене рядом с кроватью вырастает тень. Из пола в абсолютной тишине поднимается темная фигура и, наконец, встает в полный рост. Во тьме конечности и тело постепенно обретают телесность, будто изображение на экране, которое проступает сквозь вихрь статических помех. Помехи медленно рассеиваются, и остается выкрашенная белым фигура, стоящая на одной ноге.

Голова гостя слишком велика. Из нее торчат длинные уши и еще более длинные усы. Тонкий хвост беспокойно шевелится в густых тенях, скрывающих когтистые лапы.

Фигура выступает из темной стены, которая теперь напоминает расплывчатое пятно, его можно принять за дверь, ведущую из неосвещенной комнаты.

Тело у гостя – человеческое, хотя плоть кажется слегка покрытой шерстью. Длинный нос на огромной голове подергивается, как у грызуна, когда посетитель осторожно входит в комнату.

Потаенная улыбка Грейси растягивает ее губы и озаряет лицо. Но глаз остается закрытым.

– Папочка.

Примечания к этой истории ужасов

Как вы теперь знаете, речь здесь не о доме с привидениями. Вначале семья действительно покупает старый ветхий дом, который даже может похвастаться трагическим прошлым. Зловещие существа заполняют его изнутри и даже забираются в окна. Само здание воздействует на умы и мечты своих обитателей; этот дом оказывает серьезное влияние на всех, кто решается жить под его крышей. Так что читатели могут ожидать, что им предстоит получить удовольствие или вытерпеть очередную историю о доме с привидениями. Однако в этом доме нет призраков. Он проклят.

Авторы хоррора и их читатели очень любят дома с привидениями. Я бы предположил, что со времен готики этот сюжет остается популярнее зомби, вампиров, оборотней и демонов. Мы все любим истории о домах с привидениями. Пусть еще долго на страницах рассказов звучат бесплотные голоса и шаги в комнатах. Как писатель я, конечно, еще не закончил с подобными атмосферой и идеями. И все же готов утверждать, что одним из величайших ужасов для очень многих будет не то место, где вы живете, едите и спите, а те, кто обитает рядом. Соседи.

Итак, это хоррор-история – с фольклорными мотивами в придачу – об ужасных соседях. Очень английская, но я надеюсь, что ее идеи, темы и содержание смогут прочувствовать и оценить повсеместно.

Соседи, да? Их легко не замечать. Крайне просто отмахнуться от своих новых соседей как от чего-то постороннего, незначительного, того, что никак не повлияет на вашу жизнь и не сыграет реальной роли в вашем стремлении к довольству, комфорту, безопасности, защите, крову, теплу, уединению и покою. Нам всем нужен дом, чтобы обеспечить стабильность нашим жизням. Эти внутренние свойства и качества важны не только для нашего психического и физического благополучия и для счастья наших семей, но мы к тому же, вероятно, по-прежнему считаем достойный дом – правом человека.

Также мы готовы потратить немало усилий и денег, чтобы приобрести подходящий дом и сделать его своим (в поисках моего нынешнего дома мы за двенадцать месяцев просмотрели тридцать два здания и купили номер тридцать один). Так что не важно, арендуем ли мы, получаем в наследство или берем в ипотеку – наши дома во многом крайне важны для нас. Порой они – единственное, что у нас есть. Вероятно, мы проведем в них большую часть наших жизней; проспим большую часть наших ночей; потратим большую часть наших доходов на их поддержание, улучшение и ремонт. Здесь вырастут наши дети, а домашние любимцы будут метить участок вокруг. Еще наши дома могут приблизить нас к нищете и банкротству. Мы живем в них; мы проходим сквозь жизнь в них. И, как ни странно, когда мы станем старше, дом может стать для нас матерью. Дома защищают нас.

Дом. Слово с одной нотой, которая означает безопасность. От внешнего мира. От других. От *них*.

Учитывая все это, почему же, переезжая в новый дом, мы прежде, чем вставить ключ в замочную скважину, так мало уделяем внимания людям, живущим по соседству? Почему они продолжают оставаться на втором плане? А если вы владеете квартирой или таунхаусом, то другие люди – даже множество других людей – будут обитать всего в нескольких дюймах от того места, где вы живете, спите и едите.

Вы будете их видеть. Они будут видеть вас. Вы будете их слышать. Они будут слышать вас. Часть того, что делаете вы, влияет на них. Часть того, что делают они, влияет на вас.

На мой взгляд, до переезда вам следует подумать о том, что живущие по соседству люди важны так же, как количество комнат или состояние крыши и водопровода.

Но сообщают ли агенты по недвижимости потенциальным покупателям о будущих соседях? Рассказывают ли вам о предыдущих владельцах и арендаторах (когда те убегают)? Кто-нибудь когда-нибудь пытался предупредить вас о тех, кто живет за живой изгородью, забором, над или под вами?

Черта с два. И поэтому часто соседям много лет сходят с рук ужасные вещи. Даже убийства.

Сейчас перейду на личности. Не считая общежитий, на момент написания этой статьи я за пятьдесят один год жил в двадцати квартирах и домах. И везде у меня были соседи.

Однажды мой дом ограбили, и сосед слышал, как бандиты разбили окно, но так и не вызвал полицию. Одна лондонская соседка не разрешала мне снимать показания счетчиков газа или электричества, поскольку те располагались у нее на крыльце. Еще я жил рядом с домом, который был настоящим проходным двором, там бывали десятки людей и одного убили, пока я спал. Сотрудники уголовного розыска разбудили меня в четыре утра и спросили, слышал ли я что-нибудь ночью. Я уточнил: «Вы на соседей намекаете?» И мы обменялись понимающими взглядами. Когда я в половину седьмого пошел на работу, наш маленький дуплекс был огражден полицейской лентой. Человек из отдела криминалистики в белом комбинезоне искал следы на тротуаре за воротами. Я буквально перешагнул через него.

У меня были соседи, которые пели ночью на крыше. Соседи, чьи дети стреляли из лука острыми стрелами в наш сад через изгородь. Соседка, которая без спросу припарковала свою машину на нашей подъездной дорожке, потому что у нее было три автомобиля и она устала пытаться втиснуть их на собственной дорожке. Соседи, которые ломали заборы и ездили по лужайке перед домом. У меня было очень много соседей, и некоторых из них я пожелал бы только злейшим врагам. Сцена с бензопилой, срезающей верхушки деревьев, – это реальная история: она действительно случилось с другом моего отца, а также с другом, с которым я сейчас плаваю в море.

Так что я жил совсем рядом с навязчивыми грубиянами, провокаторами, противными типами, наглецами, эгоистами, хвастунами, невидимками и даже убийцами. И все они были соседями. Я уже много лет думаю о соседях, ребята.

И все же в детских воспоминаниях о наших многочисленных домах и не менее многочисленных квартирах в Новой Зеландии и Англии, если не считать странного печального развода, в семидесятые годы все еще глубоко шокирующего, соседи остались совершенно замечательными людьми. С некоторыми из них мои родители и после переезда десятилетиями обменивались рождественскими открытками. У нас были соседи, которые присматривали за больными детьми друг друга, вместе общались, кормили домашних животных, приглашали нас на барбекю, одалживали ключи, нянчились с малышами, помогали с ремонтом и садом, подвозили в школу в плохую погоду... Одна соседка даже поила меня чаем после школы, когда моя мама болела, а папа был на работе. Она была милой и напоминала Женщину-кошку из ранних мультфильмов о Бэтмене. Соседи регулярно принимали нас и становились нашими друзьями (даже когда мои цыплята уничтожали их огороды).

Концепция «старых добрых времен» – скользкая, примитивная и часто вводящая в заблуждение идея, особенно во времена нашего опасного популизма. Но соседи, как правило, раньше были лучше. Я говорю о семидесятых, но и раньше, думаю, было так же. Вот что я думаю. И о чем говорю.

Если я прав, то что же случилось с добрыми соседями? С соседями, которые прибежали бы с ведром воды, если бы ваш дом загорелся? Или, в качестве современной аналогии, расписались бы за вашу посылку с Amazon, когда вас нет дома? Куда делись и они, и эти принципы?

Я думаю, что распад общинности, особенно в свободные, жадные и одержимые статусом восьмидесятые, что-то сделал с ролью соседа. Сама природа этого явления изменилась или просто перестала существовать. Вероятно, добрососедство разделило судьбу многих других явлений, которые делали жизнь проще и приятнее. В семидесятые годы сообщества, в которых я жил, были более постоянными, экономически равными и эгалитарными по мировоззрению – у немногих имелось большое количество вещей. Вторая мировая война все еще виднелась в зеркале заднего вида. После войны в странах Содружества, которые я знал, не было такого соперничества за положение, страха перед незнакомцами, обиды на нехватку вещей или стыда из-за низкого статуса, присвоенного в напряженных и бессмысленных соревнованиях, в которых мы сталкиваемся друг с другом. Хотя некоторые бедолаги все же жили по соседству с Фредом и Роуз Уэст, так что ничего идеального не бывает!

Исключениями, возможно, были мегаполисы, где многие дома традиционно стремились к автономности, а люди – к анонимности. Здесь можно было жить рядом, ходить по одним и тем же лестницам, но ни слова не говорить друг другу годами или даже никогда. Соседи, вероятно, и в глаза друг другу смотреть избегали. Но в пригородах, небольших поселениях и деревнях все было иначе.

Так что именно нынешние наши противоречивые времена и мой возраст с личным опытом способствовали моему желанию написать роман ужасов о соседях. Я удивлен, что таких историй мало – могу вспомнить только два. Зато историям о домах с привидениями несть числа. Сколько из нас жили в доме с привидениями? Очень немногие. У скольких из нас были ужасные соседи? Держу пари, почти у всех в тот или иной момент жизни. Если только вы из тех невезучих, кто никогда не переезжает. А вот чем больше вы перебираетесь с места на место, тем с большим количеством плохих соседей столкнетесь. И в наши времена великого разделения, демонтажа и поспешного восстановления государства, а также гротескного неравенства и отсутствия традиционных сообществ я решил изучить под микроскопом две группы очень разных людей, которые ненавидят друг друга. Но имеют общую границу и стену в доме.

Я сократил мир и общество до двух домов, двух садов, двух семей и леса за забором. Простой мир, напряженные отношения. Я даже не захотел давать этому месту название – это деревня в британской провинции (на юго-западе). Молодые люди переезжают в старый дом, по соседству с которым живут люди другого поколения. Класс, возраст, территория, личные привычки и приоритеты, личности (и их расстройства), различия, поступки и реакции, даже культуры – все это высыпается в кастрюлю и встряхивается. Столкновение этих вещей имело для меня эстетическое значение. Затем я добавил немного волшебства. И хоррора.

Еще этот роман знаменует собой изменение в моем подходе к форме: он адаптирован из моего собственного сценария (второго в моей биографии) для художественного фильма. Сценарий разрабатывался три года, и за это время я подготовил пять версий одной и той же истории и посетил множество встреч с режиссерами и продюсерами. Однажды сценарий может даже выстрелить и превратиться в фильм. Кто знает? Попытаться стоит. Но сейчас я проделал адаптацию от конца к началу – от фильма к книге. Итак, как же это произошло? И о чем я только думал?

Во время написания первых двух сценариев – или «блока ужасов» – некоторые знающие свое дело профессионалы кино посоветовали мне придумать историю для фильма, который стоил бы три миллиона долларов, что повысило бы его привлекательность в глазах спонсоров и торговых представителей. Большинство фильмов ужасов создаются примерно в том же духе. Но еще до окончания первых набросков каждого сценария я знал, что эти две истории просто обязаны стать моими следующими романами. Если фильмы никогда не будут сняты – или не будут сняты так, как я задумал, – истории и персонажи не умрут. Они, по крайней мере, будут жить в книгах.

Я потратил месяцы на изучение аспектов этой истории для сценария и, вероятно, использовал меньше одного процента своих исследований. Неважно, так бывает. Затем я написал для себя очень подробный синопсис – около шестидесяти страниц (в индустрии заголовков и одностраничников, где, похоже, мало кто хочет читать блоки текста, это пространное изложение было предназначено только для моих глаз). Исследования и их обработка заняли около четырех месяцев. При полной занятости. Сценарий я написал за шесть недель, поскольку тщательно подготовился. Я читал, что такое несоответствие между подготовкой и фактическим написанием сценария не является чем-то необычным. Но облегчило ли написание романа наличие полностью продуманного сюжета и персонажей?

Нет.

У меня было больше набросков, сюжетов, персонажей и идей, чем перед началом любого другого моего романа (а я для каждого проводил много исследований). Но этот роман было так же трудно писать, как и все остальные.

Роману «Колдуны» для завершения потребовались семь черновиков и четырнадцать месяцев работы. За это время я сократил первый черновик со ста тысяч слов до девяноста тысяч. Так почему же превратить стодеятитысячный сценарий в роман не оказалось проще?

Потому что сценарий не может подсказать вам, как написать роман. Сценарий

рассказывается визуально – картинками и небольшими диалогами; роман рассказывает о внутренней жизни его персонажей, к тому же вам нужно раскрасить декорации, сделать прически и макияж действующим лицам и не забыть про эффекты... Для нескольких секунд на экране может потребоваться целая глава книги.

Но роман, который вы только что прочитали, почти не отличается от моего сценария. Это именно тот фильм, что я представлял. Кажется, тогда я подумал, что «Колдуны» стали бы милым маленьким фильмом ужасов. Посмотрим... Это зависит не от меня. Но даже если фильм так и не появится, история будет жить в этом романе. Ничто не потрачено впустую. Два кусочка одной и той же вишенки.

Другой важный, на мой взгляд, аспект, который отличает этот роман от других моих работ, заключается в том, что здесь нашлось место комичному. По крайней мере, отчасти. Многое тут совсем не смешно: сцена с Грейси и половицей – одна из самых неприятных вещей, которые я когда-либо воображал, – то, что я называю «непоправимым ущербом для сцены». Но во многом эта история имеет трагикомический оттенок. Комичность не была запланирована, она естественным образом развилась в рамках сценария. А потом заразила роман. Но, если вы не находите эту историю смешной, это неважно. Принимайте чистый ужас!

Так что спасибо, что насладились этим романом-почти фильмом... и не позволяйте соседям раздавить вас!

Manes exite paterni^[13]

Адам Л. Г. Нэвилл

Декабрь 2020 года, Девон

Благодарности

Мои исследования для художественной литературы принимают различные формы, и главными среди этих форм и каналов являются вторичные источники. Для «Колдунов» основным источником знаний и вдохновения стала энциклопедия профессора Рональда Хаттона «Ведьма». Так же каждое утро, прежде чем приступить к работе над этой книгой, я читал стихи Теда Хьюза или несравненного Дж. А. Бейкера для погружения в атмосферу.

Как я объяснил в примечании, «Колдуны» начали свою жизнь в качестве сценария, который я разрабатывал с Уиллом Теннантом, Эшем Кларком и Элизой Скубла во время наших многочисленных встреч и телефонных созвонов. Их рекомендации и предложения были бесценны.

Хочу отметить, что я в глубоком долгу перед командой Ritual Limited за издание этой книги. Возможно, я и сделал независимый проект, но заниматься независимыми проектами – работа не для одного человека. Все это было невозможно без замечательного художника Сэмюэля Арайи и его неизменно эффектных обложек, моего редактора Тони Рассела, с которым мы сотрудничаем много лет, Пита Марша из Dead Good Design, Саймона Нэвилла, Энн Нэвилл, Айоны Нэвилл (которая помогла своему папе расширить список чтения и была постоянным спутником во время многочисленных поездок на почту), Джилл Пэрри за вторую корректуру, Питеру Дэвису из Bluewave за мои электронные книги, Journalstone за аудиокниги, Ти Джею за мои книги в твердом переплете, Ингрэму за книги в мягкой обложке, моему основному розничному продавцу Amazon, нашему почтальону в Пейнтоне Дейву, Брайану Дж. Шауэрсу, Хелен Маккуин и We Can Creative за мой веб-сайт, Марку Доусону за то, что всегда держал меня в курсе событий.

Я делаю все, что в моих силах, чтобы мой хоррор нашел отклик, но без рецензентов и тех, кто дает обратную связь, у меня было бы гораздо меньше читателей и я, возможно, не продержался бы так долго. Так что фанфары в честь тех рецензентов и поклонников хоррора, которые были достаточно любезны, чтобы уделить время моему «Вирду и прочим изгоям», и которые поделились своими мыслями об этом любопытном сборнике. Я выражу свою благодарность всем, кого смогу найти и вспомнить, но, если кого-то пропущу, приношу извинения и исправлюсь в следующий раз.

Моя искренняя благодарность Джиму Муну из Hurnogoria, Сэди «Матери ужасов» Хартманн из Nightworms and Cemetery Dance, Дейву Симмсу и Cemetery Dance Online, Гэвину Кендаллу и Стиву Стреду из Kendall Reviews, Джо Сципиони из Horror Bound, Тони Джонсу из Gingernuts of Horror, Энтони Уотсону из Dark Musings, Майклу Уилсону, Бобу Пасторелла и Томасу Джойсу из This is Horror, Джанель Джэнсон из She Reads With Cats, Harpies in the Trees, The Sleepy Librarian, Read by Dusk, Marc's World of Books, Dead Head Reviews, Стивену Бэкону, Divination Hollow Reviews, Карен Крайтон из Horror DNA, Тому Адамсу, всегда внимательным и страстным рецензентам Nightworms и многим другим щедрым и заядлым читателям ужасов из соцсетей.

notes

Примечания

Древний и полуполегендарный землевладелец XI века. Его имя связано как с «добрыми славными временами», так и с историями и феях.

Родной город Шекспира.

Фред и Роза Уэст – семейная пара английских серийных убийц.

Дефолиант – вещество, вызывающее опадение листьев растений.

Выставка цветов в Челси – помпезное мероприятие. Садовая выставка, проводимая Королевским садоводческим обществом на территории Королевского госпиталя Челси в Лондоне. Выставку посещают члены британской королевской семьи.

6

Сорт берез.

Английская сеть, торгующая БАДами.

Известный в Англии лозунг сторонников Брексита (выхода из ЕС).

В католических храмах пространство между нефом и престолом.

J. Barbour & Sons («Дж. Барбур и сыновья») – английская компания, производящая одежду и обувь. Наиболее известная своей водонепроницаемой верхней одеждой.

Древнеримские магические слова, написанные либо на древнегреческом, либо на латыни.

Корнелий Тацит «О происхождении германцев и местоположении Германии».

«*Призраки моих отцов и предков, прочь!*» – фраза, которую Овидий приводит в заключение обряда изгнания лемуров в последний день Лемурии.